

смена

№ 21 НОЯБРЬ 1978

**СТРОИТЕЛЬ-
ПРОФЕССИЯ
МОЛОДЕЖНАЯ**

Одна из самых массовых профессий молодежи — профессия строителя. Это доказано статистикой, об этом свидетельствует жизнь. И это не случайно, ибо нашу великую страну по праву называют гигантской стройплощадкой. Нет у нас такого уголка земли — от западных границ до Тихого океана, от южных окраин до северного побережья, где бы с размахом, во всеоружии современной техники не возводились новые народнохозяйственные объекты, не шла реконструкция. Сотни строек страны с гордостью носят звание ударных комсомольских, и среди них — всесоюзные, республиканские, областные, районные... Стаг комсомольской ударной свидетельствует о том, что молодежь, проходя на стройке большую школу жизни, вносит свой патриотический вклад в дела государства. Об этом говорят и их трудовые рапорты. Успехи, которые они посвятили первой годовщине новой Конституции СССР, 60-летию ВЛКСМ и празднику Великого Октября.

Для будущего строителя — сегодняшнего ученика специального профтехучилища — притягательен облик заслуженного строителя, человека глубокого и разнообразного жизненного опыта, мастера своего дела. К таким людям относится и один из героев очерка, публикуемого в этом номере «Смены» — дважды Герой Социалистического Труда Алексей Александрович Улесов. Принимая трудовую эстафету из рук ветеранов, набирают силу, высокий уровень квалификации молодые строители, работающие по-злобински, по-ударному. Эта преемственность прослеживается на множестве примеров, и характерной ее чертой является преданность делу, коммунистическое отношение к труду: «Активно участвовать в борьбе за осуществление программы капитального строительства, намеченной XXV съездом КПСС. ЦК ВЛКСМ, комитетам комсомола улучшать работу среди молодежи, занятой в строительстве», — говорится в Резолюции XVIII съезда ВЛКСМ. —...Руководствуясь указаниями това-

Геннадий АНДРЕЕВ

СИЛУЭТЫ ОЛИМПИЙСКОЙ УДАРНОЙ

«...Комплекс основных олимпийских объектов города Москвы объявить Всесоюзной ударной стройкой».

Из постановления Бюро ЦК ВЛКСМ «Об участии комсомольских организаций в подготовке и проведении Олимпийских игр 1980 года в городе Москве».

Комсомольский значок рядом с эмблемой Московской олимпиады. Соседство логичное. Нет ни одной крупной стройки в истории нашего государства, в летопись которой Ленинский комсомол не вписал бы страницы, полные глубокого содержания, творческой инициативы, смелого поиска. Ну, а что говорить об олимпийской стройке Москвы, стройке по всем своим «анкетным данным», по всему своему существу молодежной? Спорт и молодежь... Надо ли расшифровывать? Завтрашняя Москва — и молодежь... Требуются ли комментарии?

78 олимпийских объектов станут — или уже стали — украшением Москвы, замечательным приобретением советской столицы. А олимпийская строительная площадка сделалась за эти годы подлинной школой культуры труда, истинным полигоном мастерства для тысяч и тысяч молодых людей, избранных одно из самых необходимых профессий всех времен — профессию строителя.

Лялин переулок, 8. Здесь, в районе Москвы, где архитектурные десятилетия создали живописный калейдоскоп, расположен штаб Всесоюзной ударной комсомольской стройки олимпийских объектов города Москвы. Несколько комнат, в которые никогда не заглядывают тишина и равнодушие. Звонят телефоны, убежденно и яростно спорят голоса, встречаются ребята, приехавшие из разных городов страны, из разных республик, ребята, у которых общая строка в биографии: «Участие в строительстве объектов Олимпиады-80».

Валерий Егоров, заместитель начальника штаба Всесоюзной ударной, выпускник Московского инженерно-строительного института, строитрядовец с «целинной» медалью, выкладывает на стол огромных размеров альбом, аккуратно и любовно сделан-

ный. На фотографиях — те самые олимпийские проекты, которые на наших глазах становятся олимпийскими объектами.

— Всесоюзная ударная, — говорит Егоров, — это 250 комсомольско-молодежных коллективов: тресты, строительные управления, бригады. Это 38 комсомольско-молодежных ударных отрядов, сформированных райкомами ВЛКСМ Москвы. Это трудовой семестр московского студенчества. Это более 250 тысяч человеко-дней, отработанных на субботниках и воскресниках. Это...

Их было много, цифр, фактов. Впечатляющих. Масштабных.

Известна беседа Владимира Ильича Ленина с архитекторами. Давно, на заре Советской власти, основатель нашего государства говорил о том, что Москву надо перестроить так, чтобы она стала «художественно осмысленным и удобным для жизни человека городом».

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Леонид Ильич Брежнев, давая в 1971 году оценку стратегическому, долгосрочному плану развития Москвы, напомнил эти слова, подчеркнул, что новый Генплан нацелен на выполнение ленинского указания.

В этот Генплан органично и продуманно вписаны олимпийские этажи. Сочетание оригинальности и рациональности, архитектурной фантазии и экономической целесообразности — такова визитная карточка сооружений Олимпиады-80.

Краткое путешествие по «олимпийскому меридиану»... Оно начинается, естественно, на самом крупном в Европе Центральном стадионе имени В. И. Ленина.

Рассказывает начальник штаба МГК ВЛКСМ на строительстве и реконструкции олимпийских объектов Центрального стадиона Борис Мегрелидзе:

— Вы, наверное, видели при входе на территорию стройплощадки, рядом с табло «До конца строительства осталось столько-то дней», плакат «Флаг трудовой славы поднят в честь бригады Петра Ладыгина». Петр Павлович — известный у нас человек, внимательный и умный наставник. Его бри-

гада — в ней в основном ребята, приехавшие по комсомольским путевкам из Латвии, — постоянно перевыполняет план, показывает работу отличного качества. «Флаг трудовой славы» — это наша традиция. Поднимаем его в честь победителей социалистического соревнования. Ладыгинцы заняли первое место, работая на реконструкции Большой спортивной арены, — она будет сдана досрочно, к 25 декабря.

Спросите любого строителя, что легче: реконструировать или делать заново. Только плечами пожмут: конечно, строить легче. При реконструкции столько неожиданностей появляется, столько непредвиденных ситуаций. Никакая даже самая детальная техническая документация все предусмотреть не в состоянии.

— От бригад требуется не только умение, но и гибкость решений, способность моментально перестраиваться, чтобы решить задачу наиболее разумным способом, — говорит Мегрелидзе (к слову сказать, тоже инженер-строитель). — Всем этим отличаются комсомольско-молодежные коллектизы Ладыгина, Гладышева, Блохина. Бригада Блохина недавно вернулась из туристской поездки в Польшу и Чехословакию. Это была премия за победу в социалистическом соревновании по нашему главку.

Среди тех, кто вложил личный, так сказать, кирпич в реконструкцию Центрального стадиона, — отряд ком-

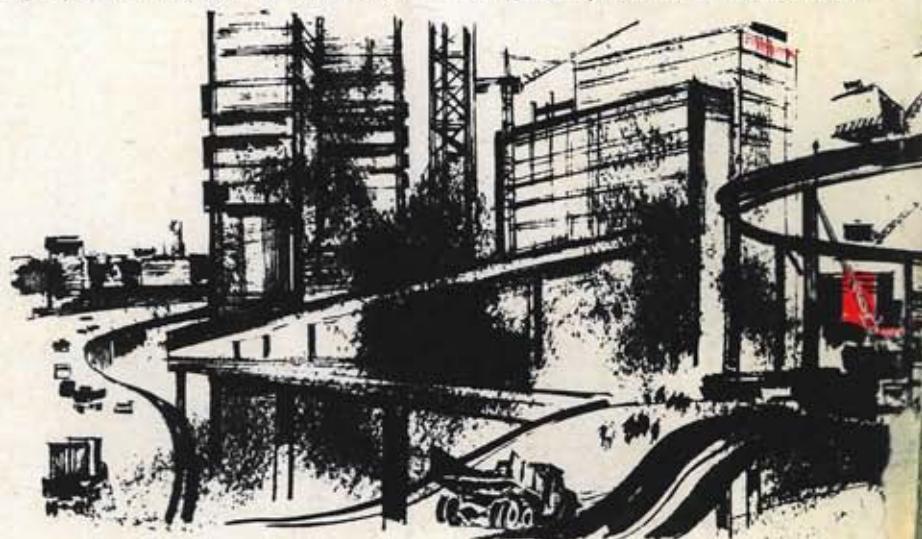
сомольцев с Оленегорского горнодобывающего комбината (это в Мурманской области). Дворец спорта в Оленегорске — пограничный Дворец спорта в Лужниках. И когда началась реконструкция Лужников, тренер из Оленегорска Валентина Троицкая предложила: «Поможем?» 30 человек откликнулись. В счет отпусков безвозмездно отработали месяц на реконструкции Дворца спорта в Лужниках.

Такие они, страницы летописи олимпийской ударной...

Москва всегда имела репутацию города-друга, города — гостеприимного хозяина. Таким добрым и заботливым хозяином наша столица станет в восемидесятом для участников Олимпиады.

Олимпийская деревня, которая поднимается к небу этажи на Юго-Западе столицы, уча как опыт, так и недостатки в организации прошлых Олимпиад.

До состязаний на олимпийских дорожках и площадках еще не близко — но и не так уж далеко. А сегодня состязаются мастера интерьера — как будет оформлено жилье спортсменов? Вопрос немаловажный. Прошлые Олимпиады, случалось, рядом с хитроумными архитектурными фейерверками терпели унылую казарменность жилых блоков, предназначенных для спортсменов. В Москве этого

рища Л. И. Брежнева, высказанными на XVIII съезде ВЛКСМ, всемерно усиливать шефство комсомола над сооружением и реконструкцией важнейших народнохозяйственных объектов».

Словом и делом отвечают на эти решения комсомольского съезда тысячи комсомольско-молодежных коллективов строителей. О тех из них, кто работает на олимпийских объектах столицы, рассказывается в предлагаемой читателям подборке материалов. О творческом подходе к воспитанию молодой смены рабочего класса идет речь в репортаже из Тбилиси, из профтехучилища строителей.

Три ступени мастерства: истоки, зрелость, вершинные достижения... Влекущая особенность этой профессии в том, что она помогает людям стать счастливыми, ибо нет ничего дороже в жизни, чем знать, осознать, видеть ту пользу — в корпусах новостроек, в преображении земли, — которую ты, строитель, приносишь своей стране, своему народу.

не произойдет. Гостям будет и удобно и уютно...

Но Олимпиада, как известно, продолжается чуть больше двух недель. А что станет потом с Олимпийской деревней?

— Будет один из самых благоустроенных, по высшему счету, современных жилых массивов Москвы, — говорит Александр Хижняк, секретарь объединенной комсомольской организации строительства Олимпийской деревни.

Строят деревню 22 треста. Состоит она из трех секторов: жилого (18 домов), культурно-бытового и сектора обслуживания делегаций, который после Олимпиады сомнется с культурно-бытовым (в нем строятся интересно задуманный культурный центр, большой универмаг, спорткомплекс, комбинат бытового обслуживания и т.д.).

— Почти половина из 2200 рабочих — комсомольцы и молодежь, — рассказывает Хижняк. — Вместе с москвичами над сооружением Олимпийской деревни трудятся прибывшие по комсомольским путевкам молодые строители из Украины, из Армении, Таджикистана, Киргизии. Постоянную помощь оказывает стройке комсомол города Москвы, в составе ударных комсомольско-молодежных отрядов — бойцы Гагаринского, Красногвардейского, Москворецкого, Туцкого районов. Работают ребята с душой, под лозунгом, всем московским строителям известным: «Стройка Олимпийская — рекорды трудовые!».

К главным задачам комсомольской организации мы относим воспитание подлинно хозяйственного отношения молодых строителей к своему делу, к стройке, ко всему, что происходит рядом. Хочу рассказать о работе нашего «Комсомольского прожектора», по-

стах качества. «Прожектористами» строительства Олимпийской деревни было проведено двадцать шесть рейдов — по использованию техники, складированию и хранению строительных материалов, организации быта и питания молодых рабочих, условиям в общежитиях и т.д. Было выявлено немало недостатков. Они обсуждались на расширенном заседании комитета ВЛКСМ и штаба МГК ВЛКСМ с участием хозяйственных руководителей. Обнаруженные недостатки устраивались в кратчайшие сроки — это говорит о том, что администрация внимательно относится к работе, проделанной комсомольцами...

Комсомол Москвы активно участвует в решении поставленной партией задачи — превратить столицу в образцовый коммунистический город. Штрихи этого города завтрашнего, а во многом важном, решают, — уже сегодняшнего дня складываются и формируются, в том числе и на объектах Олимпиады.

Так, олимпийская стройка, которая привела в Москву тысячи и тысячи молодых строителей из разных уголков страны, вызвала к жизни новые интересные формы комсомольской работы. Можно не сомневаться, они останутся в «арсенале» московского комсомола и после Олимпийских игр. Взять, к примеру, договоры о шефстве студентов творческих вузов столицы над досугом строителей. Сколько появилось творческих объединений, секций, кружков в общежитиях. Дело полезное для каждой из «высоких договаривающихся сторон».

Или спортивная жизнь тех же общежитий. Московские спортсмены помогли многим парням и девушкам из олимпийских бригад прийти на стадионы и в спортивные залы в качестве участников соревнований. Летом нынешнего года прошла первая городская спартакиада строителей олимпийских объектов. На старты вышли тысячи комсомольцев, приехавших на Всесоюзную ударную стройку.

Письма в штаб олимпийского строительства... Их множество. Пишут опытные строители, ветераны всесоюзных ударных. Пишут выпускники школ и ПТУ. Пишут воины Советской Армии и рабочие заводов. И во многих письмах просыпаются: «Прошу направить на стройки Олимпиады...»

Финишная прямая обозначилась — стало быть, темп и качество, качество и темп необходимы как никогда.

Доброго труда, строители-олимпийцы!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 21 (1235) НОЯБРЬ 1978

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
учащиеся
Тбилисского
строительного
ГПТУ-18.
Фото Владимира
ЧЕИШВИЛИ.
(ФОТООЧЕРК
«ТБИЛИССКИЕ
МАСТЕРЫ»
НА 2-И СТРАНИЦЕ.)

1 ПРОФЕССИЯ — СТРОИТЕЛЬ.
«СИЛУЭТЫ ОЛИМПИЙСКОЙ УДАРНОЙ».

2 «ТБИЛИССКИЕ МАСТЕРЫ».
Фotoочек Владимира АНИСИМОВА
и Владимира ЧЕИШВИЛИ.

4 ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ.
«СВАРЩИК АЛЕКСЕЙ УЛЕСОВ». Очерк Анатолия БАРАНОВА.

8, 9 Стихи и рассказ Александра КУХНО «ОТКУДА АЗ ЕСТЬ».

12 МОЛОДЫЕ ГОРОДА.
«УРОК ГАРМОНИИ». Фотоочек Вячеслава БЕЛОВА
и Владимира ВАСИЛЬЕВА.

16 Эра ДАНИЛОВА. «ГОЛУБАЯ ПАШНЯ».

18 НОВОЕ ИМЯ.
Стихи Екатерины МОСИНОЙ и Александра БУРАВСКОГО.

19 ЭКСЛИБРИС «СМЕНЫ».

20 ЖЕМЧУЖИНЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ.
«...И ВОЗДУХ-ТО КАК БУДТО ПОЛОН МЫСЛЕЙ».
Фотоочек Алексея НИКОЛАЕВА и Василия МИШИНА.

23 Новелла МАТВЕЕВА. «ИЗ НОВЫХ СТИХОВ».

24 МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ.
Владимир ШУМКОВ. «ПАРУСА НАД СТЕПЬЮ».

25 КОНКУРС ИНТЕРЕСНОГО ПИСЬМА, ПОСВЯЩЕННЫЙ
60-ЛЕТИЮ ВЛКСМ.
«ПОДВИГ НАРОДА — ОБЩЕЕ ДОСТОЯНИЕ
НАШЕГО ДУХА».

26 КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ.
«ГРАМПЛАСТИНКИ».

28 Фантастический роман Александра и Сергея АБРАМОВЫХ
«ВРЕМЯ ПРОТИВ ВРЕМЕНИ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантуров. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда», «Смена», 1978 г.

Владимир АНИСИМОВ.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.

человека стороннего представления о стройке бывают разными.

Один увидит романтику созидания, воплощение архитектурной мысли, будущие голубые города и так далее.

Можно посмотреть иначе: неустроенный быт, пропыленная спецовка, полпуда глины на сапогах, обед всухомятку...

Видимо, это тоже искусство — и в преувеличенный пафос не ударяться и не впадать в уныние от разных житейских трудностей. Иначе строителя не получится.

...Была у меня как-то встреча с директором ГПТУ в городе, славящемся своими строителями. Принял он в прошлом году 140 учеников вместо 250 и жаловался: непопулярна у нынешней молодежи профессия строителя — пыль, грязь, неустроенность отпугивают. К тому же, говорил он, у школы есть свой план приема в девятые классы, вот они и на порог не пускают представителей училища, попробуй-ка провести профориентацию. Видимо, директор не одинок в своих жалобах; известно, что набор в строительные училища проходит неудовлетворительно.

Наш рассказ — о рядовом строительном училище. Рядом в том смысле, что ничего необычного вы здесь не найдете. Да, кабинеты оснащены хорошо, слов нет. Киноустановки, телевидение, автоматика... Но ведь нынче техническим оснащением трудно удивить. И специальности здесь дают обычные, как везде: слесарь-сантехник, штукатур, маляр, каменщик, плотник. Не сказать, что самые популярные. Однако ежегодно принимают по 40—50 учеников сверх плана. Адрес? Город Тбилиси. ГПТУ-18.

Плохой работе всегда тысячи объяснений найдутся. Труднее бывает объяснить, почему дела идут хорошо, тем более если особых «секретов» нет. Начинать, видимо, придется не с самого ГПТУ-18, а с того же, с чего начинал его директор Денис Михайлович Давиташвили: с резерва училища, седьмых-восьмых классов школ.

По какой-то инерции (и не везде безосновательно) продолжает существовать представление о школе и ПТУ как организациях конкурирующих. Одна стремится учеников оставить, вторая — привлечь к себе. А Давиташвили нам сразу сказал:

— Мы со школой союзники, не соперники.

СЕГОДНЯ — УЧЕНИКИ,
ЗАВТРА — ПРОФЕССИОНАЛЫ.

ТБИЛИССКИЕ МАСТЕРА

Денису Михайловичу тридцать три года, с училищем связан уже десять лет. Когда учился в аспирантуре политехнического института, вел в ГПТУ-18 занятия по спечтехнологии; в тридцать лет стал директором.

Так вот, начал Давиташвили с резерва. В Грузии планы набора школ и училищ четко скоординированы, потому-то директора «союзники, а не соперники». Союзников у ГПТУ-18 много — во всех двадцати пяти школах района. Никаких конфликтов нет и быть не может: за много месяцев до начала приема заместитель директора Бидзина Георгиевич Каландарishвили имеет согласованный график, по которому сразу

видно, сколько учеников может отпустить каждая школа.

Принцип работы такой: подготовку строителя нужно вести задолго до приема в ГПТУ. Причем речь идет о подготовке скорее психологической, чем практической. К моменту поступления в училище школьник должен ясно видеть реальности стройки, то есть смотреть на нее не через розовые и не через черные очки (одно другого не лучше), а равно представлять все стороны профессии.

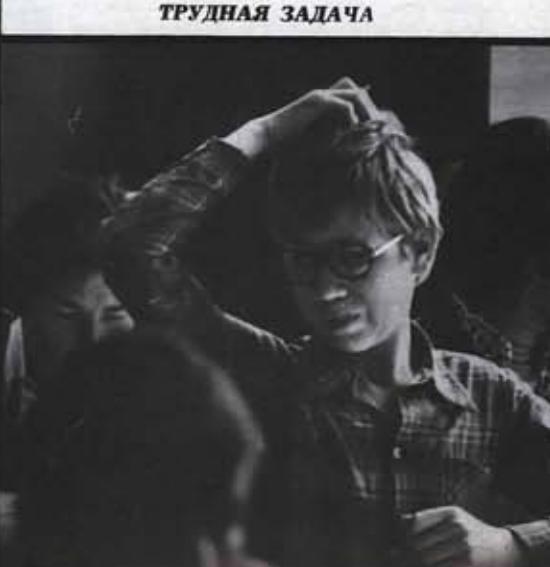
Два года — седьмой и восьмой классы — школьник постепенно входит в атмосферу училища. В каждой

из двадцати пяти школ оборудованы специальные фотостенды. На них вся жизнь училища: учеба, работа, практика, отдых. Одна любопытная деталь: на фотографиях представлены именно те ребята, которые учились в данной школе. Мелочь, казалось бы, но не случайно все-таки большинство нынешних учеников ГПТУ-18 поступили сюда по совету товарищущей.

Потом будут совместные занятия. Обычный урок в ГПТУ — сегодня, скажем, история, завтра математика — но половину кабинета заполнили школьники. Зачем? Ну, во-первых, появляется возможность по-

УРОК МАСТЕРСТВА
НАЧИНАЕТ ВАЖА ПИЦХЕЛАУРИ.

ТРУДНАЯ ЗАДАЧА

ближе познакомиться; во-вторых (и это важнее), ребята могут воочию убедиться, что уровень преподавания общих дисциплин тот же, что и в школе. У члена комитета комсомола, преподавателя математики Гурама Тепнадзе в его подшефной школе шесть восьмых классов, и все они прошли через уроки в училище. (Надо сказать, встречаются ребята не только в ГПТУ. Гурам водит их в театр, устраивает походы за город, экскурсии.) Вместе со школьниками — на практических занятиях в мастерских. Для школьников это урок труда, на котором преподавателями становятся сверстники, ученики ГПТУ... Словом, когда ученик поступит в училище, то не будет чувствовать себя новичком — он придет к своим знакомым.

В училище новоселье. Еще слышен залах свежей краски в коридорах нового пятиэтажного учебного корпуса; расставляется оборудование в новых мастерских. Все это сделано недавно на средства и силами базового предприятия, треста «Зактрансстрой». Впрочем, нужно уточнить: строили все вместе — кадровые рабочие, мастера, ученики. Снесли старые мастерские и на их месте возвели двухэтажное здание, ухитившись при этом не повредить деревья, растущие буквально в полутора метрах от стен.

Мастерские внутри просты: несколько кирпичных учебных стенок. Хозяйка одной из мастерских — самая молодой мастер, выпускница художественного техникума Ирина Симангулова. Будущие маляры, ее ученики, вооружены кисточками непривычно малого для строителя размера. Сначала покрывают кирпич штукатуркой, затем на стенке появляется затейливая вязь цветного орнамента. Это единственная в училище не совсем обычная специальность: маляры-альфрейщики. Кроме черновой подготовки стен, малярных работ, здесь научат рисовать, расписывать стены орнаментом, реставрировать старые росписи.

Тонкая кисточка в руке Сони Исаевой, старости группы. Вьется по штукатурке орнамент; все, казалось бы, хорошо... Нет, берет Соня мокрую тряпку.

— Не жалко смыть?

— Жалко. Но ничего не поделаешь, учиться-то надо...

В общем-то мастерские в училище — та же стойка, только она никогда не кончается. (Разница еще в том, что на этой стойке иногда показывают кино. Перед экраном выдвигаются скамейки на рельсах — за полминуты мастерская превращается в кинозал.) Кирпичные стены в мастерской штукатурят так и не будут оклеены обоями. Раствор набрасывается на них, разглаживается и снова счищается. У каменщиков каждый кирпич тоже оборачивается десятки раз. Такая уж профессия у мастеров училища — не приходится сдавать готовые объекты. У них дело посложнее — сдать готового строителя.

Мастера... Пожалуй, ключ к разгадке популярности училища в них и кроется. Случайное это совпадение или нет, но лучшие мастера ГПТУ — сами не столь давние его ученики. Штукатур Важа Пицхелаури, каменщик Гоги Муджири, старший мастер Арсен Осиашвили — все они закончили это училище, а затем индустриально-педагогический техникум.

Пицхелаури молод, всегда спокоен и доброжелательен, с неизменной, чуть заметной улыбкой под черными усами.

— Наша профессия — самая мужская... И еще, знаешь, почему ребятам у нас нравится? В работе разнообразие нужно. Проще всего обучить одной профессии штукатур или плотника. Но строитель с одной профессии еще не строитель. Две-три смежные — это дело...

— Давид, — зовет Пицхелаури первокурсника, — сколько у тебя специальностей?

— Каменщик, — загибает пальцы Давид Айвазов, — штукатур, могу делать облицовку стен плиткой. А вчера мы на практике были — холодильный комбинат строим — мозаичные полы клад...

Так и в любой группе. Ученики Гоги Муджири через два года смогут, кроме кладки кирпича, устанавливать сборные железобетонные блоки, монтировать стальные конструкции, закладывать фундаменты зданий. Слесари-сантехники Тамаза Кахиашвили будут также сварщиками, а эта специальность на любом производстве в большом почете. Короче говоря, в училищедается целый комплекс разных профессий.

Если говорить откровенно, то работа в мастерских, как вообще любая учебная работа, в известной степени однообразна. И вот для того, чтобы у ученика не возникало ощущения монотонности, здесь перед ребятами задания стараются ставить самые необычные. Были мы как-то с группой учеников на стройке... в лаборатории сейсмичности Грузинского политехнического института. У института сложное и ответственное задание — проектировать мосты для БАМа. Магистраль местами пройдет по участкам с повышенной сейсмичностью; этой проблемой здесь сейчас и занимаются. На испытательной платформе смонтирована часть конструкции железнодорожного моста. Какое отношение имеет к «большой науке» ГПТУ-18? Самое непосредственное.

— Училище это нам хорошо знакомо. Кстати, Давидашвили в свое время был моим студентом, — сказал старший научный сотрудник института Тамаз Евсевич Маглакелидзе. — Как же, хорошо помню. Энергии и работоспособности Дениса можно завидовать. А теперь мы сотрудничаем с его учениками. Этот «мост» вместе с нами строили ребята из училища. Модель подвергается всевозможным нагрузкам, изыскивается оптимальный вариант конструкции. Ну, а в процессе строительства рассказываем ученикам о свойствах материалов, вообще о нашей работе, проблемах.

Это лишь один из пунктов сотрудничества ГПИ и училища. Есть договоры с двумя кафедрами — строительных конструкций, мостов и железобетонных конструкций. Нам показали, так сказать, наглядное воплощение договора — в лабораториях у ребят интересная практика, первое прикосновение к науке. Профессора ГПИ читают лекции в училище, помогают оборудовать кабинеты, студенты приходят в мастерские на практику... В договоре серьезно заинтересованы обе стороны — недаром же совместный план работы утверждается на самом высоком уровне: академиком, ректором ГПИ и председателем республиканского комитета по профтехобразованию.

Чему ученик должен научиться в ГПТУ? Вопрос не праздный, как может показаться, ибо молодые мастера и преподаватели ГПТУ-18 по собственной инициативе свои обязанности намного расширили.

...Так для нас и осталось загадкой, сколько у Гоги Муджири часов в сутках? Уж никак не двадцать четыре... До пяти мастер группы каменщиков, последние — руководитель танцевального ансамбля «Мхедрули» республиканского Дома культуры профтехобразования. Одна стена училища — общая с Домом культуры. Очень удобно: на дорогу время не тратится.

На стенах его небольшого кабинета — чеканка, рисунки, выполненные вполне профессионально: если Гоги за что-то берется, то делает это основательно. Только от одного увлечения пришлось отказаться: был кандидатом в мастера спорта, играл в футбол за юношескую команду «Динамо». Но пришлось выбирать между спортом и искусством... и учебой — сегодня Гоги ко всему прочему еще и студент пединститута...

Училище закончил с отличием, индустриально-

педагогический техникум — тоже с отличием. Группа Муджири — одна из лучших в училище; ансамбль — знаменитый (в нем, кстати, большинство танцоров из ГПТУ-18). В прошлом году стал лауреатом первого Всесоюзного фестиваля самодеятельного творчества. А на том же фестивале диплом первой степени получил и хореографический ансамбль ГПТУ-18 — его ведет опять-таки Гоги Муджири. В июле возил своих ребят на фестиваль в Гавану...

Прочно укрепился такой стиль работы — отдавать училищу больше, чем положено по штатному расписанию. Гоги просто непонятно, как это можно сидеть без дела. Так и математика Гурама Тепнадзе никто не заставляет водить учеников по театрам — и не только театрам...

— Открылась у нас в Тбилиси «Филармония молодого рабочего», — рассказал Гурам. — Что это значит? Каждый месяц собираются в филармонии только ученики городских училищ, слушают музыку, лекции профессоров консерватории. Вот за последнее время были на концертах ансамбль «Орэ», хора «Школьные годы», ансамбль танца под управлением Рамишивили и Сухишвили. Почти все бесплатно — расходы берет на себя комитет по профтехобразованию.

Здесь мы научились ничему не удивляться; не удивились и тому, что в кабинете математики... гитары, микрофоны. Играл раньше Гурам в ансамбле «Сулико», предлагали перейти в филармонию — отказался. Поступил на вечернее отделение в университете, днем работал заместителем директора республиканского ДК по художественной части. Пришел с новеньkim дипломом в ГПТУ, но увлечения своего не бросил — организовал в училище вокальную группу. Впрочем, он умеет учить не только народным грузинским песням. 25-летний математик провел уже два республиканских открытых урока. Послушать его приезжали учителя профтехучилищ со всей Грузии.

— Не совсем верно, что программа у нас такая же, как в школе, — говорил Гурам. — Мало научить математике ее «чистом виде». Мы же готовим строителей, обязаны знать и производство. Скажем, если я объясняю индукцию — метод математической логики, то связываю это с закономерностями строительного процесса. Ну, а о геометрии и говорить нечего — формулы, расчеты на стройке в ежедневной практике...

Нет, не просто ремеслу обучить, подготовить всесторонне образованного человека — вот какую задачу ставят в училище, и для ее решения не ждут готовых рецептов. В ГПТУ ввели уроки эстетики: пусть человек еще в училище научится не только мастерок в руке держать, но и сумеет представить будущий красавец дом на месте развороченной бульдозерами стройплощадки. Позиция училища в этом и интересы учеников полностью совпадают, как и во многом другом, вот почему, наверное, здесь забыли о трудностях с набором.

На XVIII съезде ВЛКСМ много говорилось о роли комсомольских организаций профтехучилищ в подготовке и воспитании молодых рабочих. Девиз современного профтехучилища: «Качество знаний сегодня — высокая эффективность работы завтра». Что может комитет комсомола ГПТУ внести в учебный процесс? Главное, как считают в Тбилиси, — помочь ученикам, у которых еще не все ладится в учебе. Есть в училище своя «Комсомольская школа», в ней, кстати, занимаются также ребята, пока не вступившие в комсомол. Программа школы обширна: здесь говорят об истории и традициях комсомола; о жизни в обществе и учебе; слушают отчеты ребят, закрепленных за неуспевающими. Если нужна помощь ученику в производственной работе или любых учебных дисциплинах — ждать себя она не заставит.

...Рядовое строительное училище... С традициями вовсе не рядовыми.

В ХИМЛАБОРАТОРИИ УЧИЛИЩА.

ПЕРВЫЕ ШАГИ,
ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ.

ПРАВИЛА РАБОТЫ —
ТОЧНОСТЬ И РАСЧЕТ.

Анатолий БАРАНОВ

СВАРЩИК АЛЕКСЕЙ УЛЕСОВ

Спал он, сидя на полу бригадного вагончика, прислонившись спиной к теплому ребристому радиатору. Серая кепка с рыжими пятнами подпалин была натянута по самые брови, сломанный козырек закрывал почти все лицо. Только подбородок, заросший трехдневной щетиной, выглядывал из-под старой кепки, прозванной веселыми сварщиками «аэродромом». Овчинников с сожалением посмотрел на спящего бригадира. Третью сутки не уходил Улесов со строительной площадки: электросварщики не успевали устанавливать и варить арматуру под фундаменты главного здания ТЭЦ — первого объекта «Атоммаша» — и тем самым сдерживали бетонщиков. Алексей Александрович вначале ушам своим не поверил: несколько дней назад на большом совещании в тресте бригаду Улесова назвали в числе отстающих. «Мы каждую смену почти вдвое перекрываем нормы», — возмутился он. «А мы — втрое, — засмеялся бригадир бетонщиков, молодой парень в черном морском бушлате. — Если бы вы нас не сдерживали, мы и больше смогли бы».

«Оттогдят вам бетонщики пятки», — отозвался начальник СМУ Борис Чубарь и уже другим, едва ли не просительным тоном добавил: — Выручайте, Алексей Александрович. Не дадите вы бетонщикам настоящего фронта работ, до зимы с этими фундаментами ковыряться будем».

Бригадир собрал своих арматурщиков и сварщиков, пересказал «в лицах» не слишком радостный разговор на совещании и признался: «Стыдно мне было, хлопцы. Но я обещать ничего не стал. Как же без вас обещать!»

«Ничего, выложимся», — тихо сказал Владимир Георгиевич Овчинников. Человек спокойный и рассудительный, он был заместителем Улесова не только официально. На него Алексей Александрович всегда мог положиться как на самого близкого человека и единомышленника. — Правда, одной сменой нам не отделяться. Придется наладить работу круглосуточно».

«Будем, ребята, пятки жалеть», — засмеялся Геннадий Кузичев, первый ученик Улесова на «Атом-

маше». — Они все-таки у нас не для того, чтобы какие-то бетонщики на них наступали».

Нет, себя они не берегли. Работали по полторы две смены. Над котлованом днем и ночью перекатывались всполохи яркого света. Улесов в эти дни вообще не уходил со стройки.

— Саныч! — Овчинников осторожно тронул бригадира за плечо, и Улесов сразу проснулся, стащил с головы кепку, открыл свои синие обожженные глаза и медленно поднялся на ноги. Не вскочил, как всегда, по-молодому, а как будто подтягивал себя, держась рукой за батарею. «Уработался человек, — грустно подумал Овчинников. — Да и силы уже не молодые, шестьдесят лет, — они чувствительные». Но вслух он жалеть не стал. — Там тебя какая-то дамочка дожидается.

— Что еще за дамочка?
— Знакомая, говорит.

Они вышли из вагончика, и раннее яркое солнце ударило в глаза. Улесов привычно (электрическая дуга в его руках всегда кажется ярче солнечного света) щурялся, но видел хорошо и много. Цепочкой, словно связанные, тянулись к котловану будущей ТЭЦ самосвалы с бетоном, шли они осторожно, словно боялись расплескать драгоценный груз. За дорогой огромным желтым ковром лежала панель подсолнечника, окаймленная на горизонте голубой полосой Цимлянского моря и слившегося с ним чистого неба, сверкала под солнцем бронза на шпиле Цимлянской ГЭС, отбрасывая блеск на пенящуюся воду у здания станции, на ажурные ограждения плотины, на огромный белый памятник первостроителям Волгодонска. Он слышал и шум воды, толкающей колеса турбин, и тихий шелест листвы на уютных улицах родного города. Множество роднило Улесова с Волгодонском — хотя бы то, что присутствовал Алексей при рождении города, сам, как говорится, принимал его, а город видел начало славы одного из лучших электросварщиков страны. Улесов вспоминал об этом донском городе на берегах Волги, Камы и Нила, вспоминал тепло и

нежно, как собственную юность. Но не одни воспоминания молодости привели его в Волгодонск четверть века спустя. «Атоммаш» — это слово звучало необычно, призывно, и хотелось опытному строителю еще раз прикоснуться к большому делу, еще раз удивиться человеческой силе, энергии, мысли, способным в короткий срок оживить металл и камень, преобразить землю. Улесову, он уверен в этом, судьба счастливая выпала: строил Цимлянскую, Куйбышевскую и Асуанскую гидроэлектростанции, Волжский и Камский автозаводы. Теперь вот «Атоммаш». Возводили бы завод в другом городе, и туда бы Улесов помчался. Но Улесову повезло и городу тоже. Имя необычного завода, воплощающего самые дерзкие (фантастические — так еще казалось недавно) мечты ученых, служило признаком не только для человека, считающего себя коренным волгодонцем.

— Вот она, — показал Овчинников, и бригадир увидел девушку в модном плаще. Она тоже заметила Улесова, узнала и заторопилась навстречу. Алексей Александрович всматривался в молодое красивое лицо, но его цепкая память не могла отметить ни одной знакомой черты.

— Вот я и приехала. — Девушка протянула руку. — Галина Александрова. Помните?

Улесов осторожно пожал тоненькую ладонь и пробормотал что-то невнятное.

— Но вы же мне сами писали. — Девушка выхватила из кармана плаща измятый лист бумаги, протянула его бригадиру. Он узнал свой почерк, вспомнил и Галю, хотя видел ее сейчас впервые.

Несколько месяцев назад он получил письмо из Калинина. Товаровед Галина Александрова писала о своей любви к электросварке, о том, как родители все же уговорили ее выбрать «чистую» профессию, и она закончила торговый техникум, но мечта до сих пор жива, и хочет она, Галия Александрова, стать все-таки сварщиком, работать на «Атоммаше». Улесов тогда долго мучился над ответом, но, по сути дела, не посоветовал ничего определенного: специальность у девушки хорошая, а работа у

электрозварщика на стройке не из самых легких. «Подумайте еще и еще», — писал он. — Потому что менять профессию все равно, что судьбу менять. Не каждый на это способен, да и не каждому такой обмен приносит счастье».

— Все-таки решилась?! — выдохнул Улесов. И не понять было, одобряет он или нет решение девушки, бросившей дом, работу, умчавшейся от всего привычного на стройку за романтикой. «А быть может, не за голубой романтикой — за смыслом жизни, за жизнью самой рвется сюда молодежь», — подумал бригадир и повернулся к Овчинникову. — Познакомься, Владимир Георгиевич, будущий сварщик, к нам устраиваться приехала.

— А мы что, отдел кадров? — буркнул Овчинников.

— В отделе кадров я была, — быстро сказала Галия. — Учеником электрозварщика не берут. Говорят, в учебном комбинате даже класса такого нет. Предлагают товароведом в отдел рабочего снабжения.

— Раз предлагают, надо идти, — посоветовал Овчинников. — Тем более работа там чистая, легкая.

— А если человек в работе не легкость — огонь ищет? — спросил бригадир и тут же успокоил готовую расплакаться девушку. — Если решилась к нашему племени пристать, — поможем.

— Спасибо! — Галия готова была расцеловать своего будущего наставника.

— Рано еще благодарить, — смутился Улесов.

Несмотря на свой авторитет, Алексей Александрович никогда в одиноку не принимает важных для бригады решений. Все вопросы обсуждает совет бригады. Входит в него звеневые, партторг, профорг и комсорг. Подобный совет (тогда он еще назывался более привычно штабом), потому что состоял в основном из людей, только что закончивших войну) впервые создал Улесов еще на строительстве Цимлянской ГЭС. Ни разу совет бригады не принимал решений ошибочных или несправедливых.

Собирались в том же бригадном вагончике, шумно рассаживались за самодельным столом, сдвигая в сторону костишки домино, с удивлением посматривали на незнакомую девушку, одетую слишком красиво для стройки.

Первым высказался Овчинников, возражений у него было немало, но закончил Владимир Георгиевич все-таки «за здравие»: «Если работа девушке по душам, нам мешать не пристало». Сварщики этот «дипломатический ход» оценили. Только Геннадий Кузичев, первый ученик Улесова на «Атоммаше», недавно назначенный звеневым, высказался против: «Не бабье все же дело».

Накануне 60-летия Октября строители Волгодонска вручили эксплуатационникам символический ключ от первой очереди «Атоммаша», это и первый в мире крупнейший блок цехов с законченным циклом производства. С конвейера будут сходить атомные реакторы мощностью не менее одного миллиона киловатт.

После митинга строителям показали документальный фильм о рождении завода: были здесь и традиционный первый колышек, вбитый посреди степи, покрытый алыми тюльпанами, и первый кубометр грунта, поднятый гусеничным экскаватором, и первый кубометр бетона, и, конечно, первый шов, родившийся под рукой знаменитого сварщика Улесова. Алексей Александрович сидел в полутемном зале, разрезанном лучом кинопроектора, внимательно смотрел на светлый квадрат экрана, узнавал себя и своих друзей, вспоминал события, пробегавшие сейчас перед глазами, и вдруг удивленно и ясно понял, что смотрит он на все происходящее уже из будущего. И тогда, показалось, экран раздвинулся, расплылся, и взгляд из будущего, острый и яркий, как кинолуч, выхватил из прошлого множество разных событий, случавшихся в его трудной и все-таки счастливой жизни.

Родного отца Алешка впервые увидел в пять лет. Александр Улесов вернулся домой с гражданской войны израненный и счастливый. «Отвоевали землю, теперь все от наших рук зависят», — повторял он без конца. Руки почти не слушались его, и он с надеждой смотрел на сына. Всю первую мировую войну Александр Улесов провел на передовой. Принимал он участие в штурме Зимнего, потом судьба бросала его по фронтам гражданской. Отдыхал от боев в госпиталях. Последняя пуля пробила ему грудь во время разгрома антоновских банд на Тамбовщине.

«Огненное дело — революция», — говорил отец. Долгими зимними вечерами у его постели собира-

лись друзья — хуторской пастух и партизан Харитон Волкодавов и все еще ходивший с повязкой на шее бывший буденновец, первый большевик в Генералове Александр Кузовлев. Друзья говорили о многом. Алешка сидел рядом и, зачарованный, слушал. Машины и школа, о которых вели речь взрослые, казались волшебной сказкой. Она не умирала даже тогда, когда отец, схватившись за грудь, заходился в страшном кашле. От напряжения лоб его покрывали крупные капли пота, а по щекам стекали слезы, застревая в густой бороде. Лешка пугался, прятался в темном углу за печкой. Но сказка и здесь не умирала.

Отец скончался весной двадцать второго года, пятилетний Алешка, едва увидев и полюбив «батянико», потерял его навсегда.

Через неделю после похорон в хату Улесовых зашел Волкодавов, сел, не снимая шапки, в красном углу, молча осмотрел темную бедную комнату, словно видел ее впервые, и тяжело вздохнул: «Хватит тебе, Лексей, по улицам стрекотать, пойдешь ко мне первейшим помощником». Мать закрыла лицо руками, и плечи ее затряслись в неслышных рыданиях.

— Чего ты?! — недовольно пробурчал пастух. — Лучшего и Кузовлев, не подайся он до города, не удумал бы.

Стал Алешка подпаском и пробыл в «первых помощниках» ровно десять лет. «Полную среднюю школу в степи прошел», — смеется сейчас Улесов. А школа действительно была — на глазах подпаска создавалось первое товарищеское общество по обработке земли и первый колхоз, он видел, как резко разделился хутор — шла открытая борьба с кулаками и подкулачниками, он помнит, как открылась в хуторе изба-читальня с библиотекой и собственным «театром». Школу, правда, построить еще не успели, но Алешка быстро выучился читать и писать на курсах ликбеза, и в его пастушеской сумке всегда лежала книжка.

По словам Кузовleva, вернувшегося в хутор и организовавшего колхоз, Алешка Улесов прошел в ликбезе «высшую школу» — грамотно писал диктанты, бойко решал задачки и хорошо разбирался, чьей правды надо держаться. Кузовлев и рекомендовал Алешку в комсомол. А вскоре комсомольская ячейка отправила Алексея Улесова в Сталинград, в фабрично-заводское училище.

— Без тракторов нам зарез, Леша, — говорил на прощание предколхоза. — Давай нам тракторы, а мы с ними не только землю — жизнь перевернем.

После бескрайней степи привыкал он к городу трудно: пугали и торопливые толпы людей, и грохот трамваев, осыпавших себя на поворотах ворохом искр, и жалобный вой металла, раздираемого на станках в учебных мастерских. По ночам Алексей плакал в подушку, набитую твердыми комками ваты, с нежностью вспоминал даже злого бугая «Атамана», которого всегда старался обходить стороной. Иногда ему хотелось бросить этот шумный, непонятный город, убежать домой, спрятаться в раздольной степи, пахнущей весенним разнотравьем. Но в такие минуты вставало перед ним доброе усталое лицо Кузовleva, слышался его простреленный голос: «Без тракторов нам зарез, Леша».

Учился Алексей в ФЗУ на знаменитом Сталинградском тракторном, готовился стать слесарем. Практику будущие слесари под руководством своего мастера Ивана Прокофьевича Казлукова проходили в сборочном цехе. Три-четыре трактора выпускал тогда завод. Вместо плановых ста. Конвейерная лента тянулась медленно, с частыми остановками, судорожными рывками. Фабзайчатам все равно было интересно наблюдать за рождением нового трактора.

Однажды в сборочный цех пришел Серго Орджоникидзе. Наркома сопровождали директор, заводские инженеры. Серго был озабочен и хмур, что-то долго выговаривал директору. Улыбнулся он, только заметив группу учащихся, подошел, поздоровался с каждым за руку, спросил Казлукова, чему и как ребята учатся. «Быстрее растите, — попросил Орджоникидзе. — Нам очень нужны умные рабочие, способные раскрутить такой конвейер, как часы».

На выпускном экзамене Алексей Улесов вручную делал шестерню. Разметил зубья, вырубил пазы, обработал плоской пилой. Работу признали лучшей в группе, присвоили победителю повышенный, четвертый разряд, вручили путевку на... Сталинградскую ГРЭС. Молодой слесарь заявил мастеру с обидой: «Говорили, лучше всех шестернию сделал, а на тракторный не послали!» «На тракторном, Алексей, конвейер, а на ГРЭС работа штучная, особого

мастерства требует, — объяснил Казлуков. — Ты еще меня благодарить будешь».

До сих пор вспоминает Алексей Александрович своего первого наставника по железному делу, научившего любить металл, рекомендовавшего в ряды энергостроителей.

Улесов искренне считает энергостроителей особым народом. Работа постоянно требует от них не только мастерства, но и самоотверженности, доброты и патриотизма. Не каждому под силу бросить уют обжитых квартир и городов, ведь электростанции, как правило, возводятся в необжитых местах. Это уже вокруг них возникают города, поднимаются заводы и расцветают сады. Строит человек пять лет или даже десять, вкладывает в станцию силу свою и любовь. У него уже своя квартира и хорошие дети, а рядом кинотеатр и школа, магазин и добрые соседи и неплохие перспективы, если останешься. Трудно все это отрывать от сердца и снова ехать к необжитым, неизвестным берегам. Всякому ли по силам начинать свою жизнь как будто заново, с первого колышка? Настоящие энергостроители это могут, хотя любимые и покинутые города оставляют в их сердцах глубокие шрамы. И все равно они счастливы, потому что не теряют любовь, а преумножают ее.

На «Сталгрэсе» работало много добрых мастеров, были среди них свои «левши», они с удивительной точностью определяли микроны разбитыми пальцами с навеки вьевшейся в кожу металлической пилью. Но Алексея больше привлекал молодой парень в прожженной брезентовой куртке и таких же брюках, гремевших при ходьбе, как жестяные.

— Уважь, Гриша, — просит шофер. — Рессора потерпела.

Электрозварщик быстро наложил на трещину ровный, красивый шов, снял маску и радостно объявил:

— До второго пришествия выстоит.

На первом комсомольском собрании, едва предложили избрать президиум, Улесов закричал: «Гришу-электрозварщика».

— Моя фамилия Кокорев, — сказал Гриша Алексею после собрания. — Хочешь на сварщика выучиться?

Он мог бы и не спрашивать: давно приметил нового слесаря, то и дело подбегавшего к золотым брызгам, долго и зачарованно наблюдавшего за огненной дугой.

Квалифицированный слесарь снова превратился в ученика. Не в рабочее время, конечно, потому что слесаря он по-прежнему, а теорию и практику сварочного дела осваивал «на досуге». Улесов уговорил мастера, и тот всегда ставил слесаря и сварщика в разные смены. Закончив слесарить, Алексей бежал за электродами, раскладывал нуждавшиеся в сварке детали, тщательно очищал темное стекло щитка от застывших капелек металла и нетерпеливо ждал своего учителя, разрешавшего ему иногда наложить свой несложный шов. Алексей твердо скжимал держатель и, кажется, чувствовал, как сила тока врывается в электрод, а тот уже вроде бы самостоятельно движется вдоль трещины, оставляя за собой вздувшийся, волнообразный, вначале яркий, потом постепенно угасающий шов. И вот уже трещину, как рану, закрывает прочная — на века! — синяя паялька.

Иногда по две смены проводил Улесов в механических мастерских, и вторая, «кокоревская» смена, казалось, для него намного интереснее и легче первой. Но Гриша, хотя и доволен был добровольным помощником и преданным учеником, не слишком поощрял такой досуг. Он чувствовал: сварщик из Улесова обязательно получится, но недоставало ученику порой самых элементарных знаний, и Кокорев больше нажимал на теорию, приносил Алексею книги, давал домашние задания и взыскивал за нерешенные арифметические задачи так же строго, как за испорченный шов. Он же заставил Алексея записаться в сменную школу, которую сам к тому времени заканчивал, он же уговорил мастера доверить Улесову сварочные работы и, уезжая учиться в Московский энергетический институт, подарил ученику новенький щиток и связку книг по сварке.

Срочную службу Улесов проходил на Дальнем Востоке, командовал минометным расчетом. Служба подходила к концу, и он ожидал приказа о демобилизации. Не успела закончиться действительная, началась Великая Отечественная война. Вестей с фронта дальневосточники ждали с нетер-

ПРОФЕССИЯ — СТРОИТЕЛЬ

пением: фашисты рвались к Москве. Командир полка ежедневно получал пачку рапортов с просьбой отправить на фронт и рвал их, не читая. Наверное, так же поступали и с рапортами самого майора: он стал строже, объявляя учебные тревоги почти каждую ночь — готовил полк к боевым действиям.

Весной сорок второго Алексей получил первое фронтовое письмо. Еще не развернув солдатский треугольник, узнал большие, разбегающиеся буквы — почерк Харитона Волковадова.

Написал Алексей новый рапорт, сам пошел к командиру полка. Показал ему и письмо с фронта, рассказал о Харитоне Никифоровиче, о своем хуторе. Рапорт на этот раз майор не выбросил, пробежал глазами, а письмо несколько раз перечитал. «Все казаки с нашего хутора ушли на фронт», — писал старый пастух и солдат. — Невтерпеж и мне стало сидеть дома. Проходила у нас конная часть, так я упросил полковника взять меня с собой. Саблей я не хуже молодого умею, и глаз еще старость не попорчен. Третья война на меня ложится, а все же таки сдюжу. С тобой повидаемся в родных местах, когда победу справлять будем...»

Аккуратно сложил майор солдатский треугольник, вернул Алексею и о рапорте вспомнил: «Понимаешь, Улесов, не от меня это зависит. Зависело бы — здесь не сидел. Сам командиру дивизии рапорт подавал и даже бригадному комиссару писал. Как видишь, не помогло. Наше дело теперь — стоять до призыва на месте... Ты коммунист? Надо, Улесов, надо тебе в партию! И тут же командир полка написал ему первую рекомендацию.

Через год молодого коммуниста Алексея Улесова... демобилизовали. Было это пончалу неожиданно и непонятно — война еще вовсю полыхала. Но вскоре все объяснилось: группу слесарей, фрезеровщиков, электросварщиков и других высококвалифицированных специалистов отправили на Камчатку ремонтировать корабли и строить новый порт.

Скалистые берега Камчатки покрыты пышной зеленью. Город как огромный амфитеатр: дома, приподнимаясь друг над другом, карабкаются все выше и выше в горы. А улицы похожи на реки: все сбегают к морю. Едва сошли на берег, устроиться еще не успели, Улесова вызывали к главному инженеру.

— Под водой не приходилось работать?

— Нет, я же электросварщик.

— Поэтому я и спрашиваю. Черт знает, что происходит. Забирают специалистов, присыпают неумех. Главный выскочил из-за стола, несколько раз прошелся по тесному кабинету, подошел к окну, прижался лбом к стеклу, за которым покачивались требовавшие ремонта корабли, и, наконец, тихо сказал: — Ты извини. Очень нужен сейчас сварщик-водолаз. Пытался водолазов сварке учить, да это дело долгое. Наоборот, думаю, легче будет. Попробую?

На другой день опытные водолазы начали обучать Алексея своей премудрости. Наука оказалась сложной: надо было не только привыкнуть к необычным условиям, овладеть водолазной техникой — варить приходилось по-новому. Сварка под водой все же заметно отличается от наземной. Обычно водолаза-сварщика готовят два-три года, но время-то было особенное, военное, и Улесов работал и учился, как на «Сталгрэсе», в две смены — на земле и под водой. Уже через месяц он получил специальный «Паспорт на ведение подводных сварочных работ» и в тот же день впервые спустился под воду, не тренироваться — работать.

Бронированную стенку корабля рассекает извилистая трещина. Алексей ощупывает ее пальцами, «фотографирует» в памяти. Варить приходится вслепую: электрическая дуга горит в газовом пузырье, который образуется от разложения воды и обмазки электрода, окись железа создает облако муты — она тоже рвется вверх и закрывает трещину. На ощупь кладет сварщик один шов, второй, еще раз проверяет пальцами место сварки и спокойно дает сигнал к подъему...

Только через девять лет вернулся Улесов в родные края. Не застал он в живых своих первых учителей — погибли Кузовлев и Волковадов, погибло и большинство друзей детства. И хутор не узнает: прокатилась и здесь война стальной волной, от родного дома осталось только пепелище. Остановился Алексей на соседском подворье.

— Скорее мы будем на берегу Дона жить, — похвасталась вечером сын соседки Сергей.

Улесов уже читал о решении партии и правитель-

ства построить Цимлянскую ГЭС и Волго-Донской канал. Проект давний — еще до войны ростовская табачная фабрика выпускала папиросы «Волго-Дон». Папирос теперь нет. Сидел Алексей летней ночью на крыльце, затягивался злой, стреляющей махвой и думал о будущей жизни. Отпуск у него большой вышел, полгода гулять можно, да разве до отдыха сейчас!

Название маленького донского хутора Соленый стало сразу известно всей стране. Алексею даже показалось, что Соленый вообще едва не стал центром страны: все дороги сходились здесь, и по каждой из них шли бесконечные баржи, машины, поезда со строительными материалами и разнообразной техникой. Захочешь, а не заблудишься теперь в степи, любая дорога к Соленому выведет. Добрался Алексей на попутной, спрыгнул с кузова у старой хаты с соломенной крышей. На двери кусок картона: «Партком строительства Цимлянской ГЭС».

— Сварщик? Коммунист? — переспросил секретарь парткома Алексей Александрович Тихомиров. — Значит, сработаемся. Тем более мы с тобой двойные тезки. Устроился? Ничего, у меня пока поживешь, а потом придумаем что-нибудь.

На стройке шли только подготовительные работы, и Улесова ежедневно перебрасывали с места на место: здесь сани для перевозки грузов наладить, там гусеницу экскаваторную заварить... Энергии не хватало, ждали прибытия энергопоезда, даже площадку для него заранее подготовили. К этой площадке и нужно было протянуть от Дона две полукилометровые «нитки» водовода.

— Пойдешь трубу варить, — сказал однажды Алексею начальник механических мастерских. — Найдешь на площадке инженера Кокорева, он тебе все в подробностях разъяснит.

Они узнали друг друга сразу, хотя не виделись более десяти лет, да и годы были совсем не простые. У Гриши война за спиной, как говорится, «от и до», а война, если навек молодым не оставит, крепко годы набавляет. Алексею, хотя и не был он на передовой, тоже повидать и пережить немало пришлось. Разве выскажешь все в коротком разговоре?

— Давай вечером встретимся, поговорим, с семейством своим познакомлю, — предложил Кокорев. — А сейчас покажи. Алексей, чему без меня научился.

Тонкая работа, трудная — варить трубопровод. Улесов, правда, и сложнее работу выполнял, но под пристальным взглядом Кокорева волновался страшно. Очень уж хотелось блеснуть перед учителем, который помнит его еще совсем «зеленым», начинающим сварщиком. С тех пор сколько воды утекло? И, сказать по совести, нелегко порой давалось Улесову истинное мастерство: и неудачи у него случались и брак бывал. Но он никогда не пытался обвинять в своих неудачах кого-либо другого (хотя порой и мог бы — к примеру, электроды попадались откровенно плохие или падало неожиданно напряжение), а, стиснув зубы, корил он только себя, искал свои ошибки, не стесняясь, приставал с расспросами к инженерам, колпался в технической библиотеке. По общему признанию друзей и начальства, он давно был сложившимся мастером, и его долго не хотели отпускать с Камчатки. Но разве словами, да еще своему учителю, объяснишь, чего ты добился за эти годы? Объяснять надо только делом, только своим собственным, улесовским швом. Он постарался унять волнение, твердо сжал держатель, подвел электрод к зазору между трубами. Вспыхнула дуга, зашипел расплавленный металл. Наконец, сделан первый шов, сварены две трубы. Алексей снял маску, посмотрел на инженера.

— Ты прямо артист, — понял немой вопрос Кокорев. — Короткой дугой варишь. Научиши?

Сварка короткой дугой все равно что езда на большой скорости: нужен точный расчет, знания, умение. При такой сварке даже электрод нелегко удержать на одном расстоянии от изделия, чтобы шел он вдоль зазора как привязанный. А горит он, нужно сменить так быстро, чтобы дуга казалась непрерывной.

Еще до начала строительства основных сооружений Улесов зарекомендовал себя классным специалистом, и когда в парткоме решали, кому доверить первый шов на первой ферме, уложенный в тело станции, двух мнений не было. Позднее Улесов доверят положить и последний шов. Между этими торжественными событиями годы работы, миллионы сваренных стыков. По прутьям арматуры, как по ступенькам, поднимались сварщики из котлована

на вверх, к гребню плотины, и труд их почти тотчас же становился невидимым — следом шли бетонщики. Но разве может быть невидимым труд?! Стоит же плотина, стоит станция, сделанная их руками. И века стоять будет!

Гидростанции, даже оснащенные турбинами однокавовой мощности, никогда не бывают близнецами. Потому что нельзя строить станцию по типовому проекту — у каждой реки, даже у соседних участков одной и той же реки, свои условия, свои требования, свои гидрологические режимы.

Есть на счету Улесова станции мощнее Цимлянской, но эту он даже сравнивать ни с какой другой не хочет. Она, как первая любовь, глубоко в сердце.

31 мая 1952 года в 13 часов 55 минут навеки слились воды двух великих рек — Волги и Дона.

На пульте управления Цимлянской ГЭС включили рубильник.

Из Москвы, ставшей портом пяти морей, вышел первый пароход в Ростов.

На Цимлянском море открыли лодочный причал и пристань.

На лодках катались веселые девушки, над обветренной водой летела озорная частушка.

С Цимлянской пристани отчалил белый нарядный теплоход. Алексей стоял на корме, смотрел на вспененную винтом воду рукотворного моря, на удалявшиеся сооружения гидростанции и улыбался. Теплоход шел по бывшей степи, где, кажется, совсем недавно бродил за стадом подпасок Алешка, шел к Волге, где Улесова ждала новая станция и новая жизнь. Алексей Александрович торопился в Ставрополь-на-Волге, где предстояло построить крупнейшую в мире (в то время) гидроэлектростанцию мощностью 2,1 миллиона киловатт. (В 1959 году мощность электростанции была перекомпонована и доведена до 2,3 млн. квт.)

Маленький волжский городок, более двух веков пребывавший в захолустье, ждала необычная судьба. Улесов торопился в Ставрополь, а город уезжал, перебирался со дна на берег будущего Куйбышевского моря. Позднее Ставрополь переименуют, назовут именем великого итальянского коммуниста, построят здесь мощный автомобильный завод, и город, родившийся в третий раз, обретет международную славу. Но до нового Тольятти еще далеко, его и представить невозможно на этих полуразрушенных улицах, засыпанных строительным мусором. Алексей с трудом добрался до штаба стройки, разместившегося в бывшем купеческом лабазе.

— Слышал, слышал о тебе, герой, — улыбнулся начальник «Куйбышевгидростроя» Иван Васильевич Комзин. Нет, ни он, ни Алексей и знать тогда не могли, что через несколько месяцев выйдет Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении сварщику Улесову высокого звания Героя Социалистического Труда. — Людей из Цимли мы в первую очередь принимаем, народ, работой проверенный. И у нас хуже работать нельзя.

— Хуже не могу, — ответил сварщик. — А лучше — постараюсь.

На Куйбышевской Алексей Александрович начнал не с водоводов — с водосбросов. Целая флотилия землесосных снарядов намывала песчаную дамбу. Отработанную воду надо было уловить здесь же, на дамбе, непустить ее в котлован, где уже вовсю шла подготовка к бетонным работам. Ловить воду должны тысячи иглофильтров и глубинных насосов и по коллектору — системе труб — возвращать ее земснарядам. В общем, сложный коллектор. Не случайно по нормам на один стык отпущенено два с половиной часа рабочего времени. Обычно сварку тогда вели при силе тока 200—250 ампер. Улесов еще в Цимле варил при 450 амперах. И здесь решил попробовать. Короткая непрерывная дуга, большая сила тока. Чтобы вести сварку в таком режиме, нужны огромное внимание и точность. Работа на грани риска. Зато первый стык сварен за пятьдесят минут, второй — за сорок семь, третий — за сорок... В конце смены он сдал удивленным контролерам одиннадцать стыков. Все они были приняты с отличной оценкой. Можно было идти отдохнуть с чистой совестью, но Улесов остался на вторую смену, перешел по траншеи от сварщика к сварщику, объяснял, показывал. Вскоре 8—10 стыков для всех стали обычной нормой. Коллектор сдали гораздо раньше срока, и по нему перекачали около 30 миллионов кубометров подпочвенных вод, подготовили строителям широкий фронт работ в котловане.

Наконец, уложили в здание ГЭС первые арматурные фермы. Улесов возглавил большую бригаду и

вместе с друзьями-сварщиками снова начал подниматься по ним, как по ступенькам. Все было похоже на Цимлу и не похоже. В первую очередь — масштабом. Теперь Алексею любимая Цимла представлялась только репетицией этого грандиозного строительства. В сущности, так оно и было. На Цимлянской ГЭС впервые были опробованы методы индустриального строительства гидроэлектростанций, прошла испытания самая разнообразная техника, обрели опыт тысячи специалистов. Алексей Александрович иногда шел по Жигулевску, будто по ходу Соленому: на каждом шагу встречались старые знакомые.

Волга у Жигулей была так сильна и могуча, что по временам казалось: не сладить с ней даже мощным машинам. А в разгар работ на гидроузле насчитывалось около 10 тысяч разных машин и механизмов. Здесь работали наши первые двадцатипятитонные самосвалы, саморазгружающиеся цементные вагоны. Экскаваторы и скреперы одним приемом могли переместить 590 кубометров грунта, а земснаряды за час перебрасывали свыше тысячи кубометров. Еще во времена «Днепрогэса» для выполнения такого объема земляных работ понадобилось бы 35 тысяч землекопов и 15 тысяч лошадей. С точки зрения концентрации и использования техники на строительстве в Жигулях проверялось будущее строительной индустрии страны. «Именно опять Куйбышевской ГЭС», — сказал член-корреспондент Академии наук СССР, Герой Социалистического Труда Николай Александрович Малышев, — помог нам спроектировать и построить другие мощные станции на Волге и Зее, на Ангаре и Енисее».

На Куйбышевской ГЭС было не только больше техники, там стало больше опытных и мыслящих строителей.

Сварщики всегда соединяли толстую арматурную сталь при помощи накладок, а тонкую — внахлест. Для сварки стержней диаметром 80 миллиметров нужны две, а то и три накладки диаметром 60 и длиной 800 миллиметров. Вес двух таких накладок — 36 килограммов. Да еще сюда надо добавить вес сварных швов да расход качественных и соответственно дорогих электродов. Да еще огромные затраты электроэнергии, неизбежные при сварке «внакладку». Еще на Цимле Улесов думал, как сэкономить металл, укладываемый без необходимости в бетон. Искал, экспериментировал, перерыв гору специальной литературы, но безуспешно. А в Жигулях он познакомился с сотрудником Центрального научно-исследовательского института Министерства путей сообщения Александром Гавриловичем Гаврилиным и узнал, что во время войны на опытном заводе института пытались варить рельсы необычным, ванным способом. С рельсами исследователей постигла неудача. «Но ведь арматурный стержень не рельс», — думал Улесов. — К нему проще приспособить металлическую скобу — ванночку, которая удерживала бы на месте расплавленный металл электрода и свариваемых стержней. Металл этот должен заполнить зазор между стержнями, соединить их намертво. И не надо никаких накладок и нахлесток. Вместо прежних длинных сварных швов металлическое колечко». Это было столь просто, что Улесов вначале сам себе не поверил. Чтобы опровергнуть свои же доводы, он долго сидел над расчетами, прикидывал так и этак. На бумаге все сходилось, и он, внутренне побаиваясь этой простоты и заманчивых расчетов, взялся за практические опыты. Понапалу «коленце» выходило слишком хрупким, но Алексей Александрович уже верил в него. На помощь сварщику пришли инженеры Юрий Владимирович Лизунов и Владимир Яковлевич Дулькин. Десятки тысяч «ванночек» сварили они и каждую просвечивали рентгеновскими лучами, закладывали в разрывную машину, рвавшую стержни, как нитки. И добились-таки, что рвался стержень только по основному металлу, «коленце» держалось.

Первой освоила новый способ сварки комсомольско-молодежная бригада Алексея Улесова. Освоила и... распалась. Всех членов бригады послали в другие коллективы сварщиков передавать свой опыт.

Применение ванной (на стройке ее чаще всего называли улесовской) сварки позволило вдвое сократить расход электроэнергии, в десять (!) раз уменьшился расход дополнительного металла, втройе повысилась производительность труда. Только на «Куйбышевгидрострое» этот метод сэкономил свыше 11 миллионов рублей, а если учсть, что в Жигулях была создана Всесоюзная школа по ванной сварке и

учиться к Улесову приезжали со всех концов страны, то эти одиннадцать миллионов надо еще умножать и умножать.

В Указе Президиума Верховного Совета СССР о награждении электросварщика Улесова Алексея Александровича второй Золотой медалью «Серп и Молот» специально отмечалось, что эта награда «за вклад, внесенный в разработку и внедрение новых, прогрессивных приемов электросварки».

Коммунисты Куйбышевской области посыпали Алексея Александровича своим делегатом на XXI и XXII съезды КПСС. В Кремлевском Дворце съездов встретил Улесов начальника строительства Волгоградской ГЭС Александра Петровича Александрова. Подошел еще один делегат XXII съезда партии и тоже гидростроитель Иван Семенович Китаев. С Китаевым Улесов работал на строительстве Цимлянской ГЭС, давал молодому инженеру рекомендацию в партию, а с Александром Петровичем свела их судьба на Куйбышевской (теперь Куйбышевская ГЭС носит название Волжской ГЭС имени В. И. Ленина, а Волгоградская — Волжской ГЭС имени XXII съезда КПСС).

— Пора тебе, Леша, на нижнюю Волгу перебираться, — предложил Александров. — Снова вместе работать будем.

— На Волге я уже строил и на Дону тоже. Хочу на Енисей, — ответил Улесов. Он действительно собирался уехать в Сибирь, которую видел только из окна вагона. Целыми днями стоял тогда у окна, сбив от удивления на затылок фуражку. Но даже такое «шапочное» знакомство навсегда оставило в его памяти (и сердце) чувство если не любви, то преклонения перед просторами Сибири, мощью ее рек и красотой тайги.

Улесов собирался в Сибирь, а его послали в Египет.

Москва провожала добрым морозцем, шел беспрерывный снег, словно осыпалось выцветшее небо. А быть может, Родина этим мягким, пушистым снегом провожала своих сыновей, устила им дорогу, дарила на память неповторимую красоту снежинок. В самолете летели сварщики, экскаваторщики, крановщики, бульдозеристы, большинство знало друг друга по стройкам, остальные — знакомые знакомых, в общем, все свои. Салон самолета заполнен воспоминаниями, расспросами, шутками, но за ними чувствуется какое-то напряжение: даже на время тяжело прощаться с Родиной.

В Каире приземлились через пять с половиной часов. Как в баню попали. «Да разве это жара! — смеется переводчик. — Всего тридцать пять в температуре! Но где она, тема? Кажется, ее не давала даже пирамида Хеопса, которую хозяева в тот же день показали советским рабочим.

В глаза Улесова лились тысячелетия, его легкие заполнял горячий воздух пустыни. Огромное жаркое солнце, грозившее испепелить все живое, требовавшее,казалось, молитв и жертв не только от древних египтян, заполняло собой всю небесную синеву и накаляло камни. Алексей Александрович смотрел на геометрически правильное нагромождение камней и не испытывал ожидаемого волнения. Если что и поражало в пирамидах, так это бесполезность титанического труда.

От Каира до Асуана 900 километров, 16 часов идет поезд долиной древней реки. Нил был спокоен и совсем не похож на реку из учебников истории. В вагоне уже не вспоминали, смотрели во все глаза по сторонам, думали о будущем и пели:

Напиши мне, мама, в Египет,
Как там Волга моя течет.

Главный советский эксперт И. В. Комзин уехал в Москву, его сменил А. П. Александров.

— Помнится, ты не хотел со мной вместе работать, — засмеялся Александр Петрович. — Теперь я с тебя вдвойне буду требовать. Не улыбайся, я серьезно говорю. Ты здесь нужен не только как сварщик, но и как воспитатель, наставник. Гидрокомплекс мы выстроим, но, наверное, не менее важно помочь республике в подготовке квалифицированных кадров.

Первую арматуру в бычках верхнего бьефа Алексей Александрович сварил 16 декабря 1962 года. Первый шов — начало непосредственного строительства основных сооружений. Потом швы пошли один за другим, не такие торжественные, не такие памятные, но не менее ответственные. Не забывал Улесов и о втором поручении Александрова. Да и сам считал его едва ли не главным. В

учебном центре, созданном на Асуанской ГЭС, Алексей Александрович преподавал так же старательно, как и работал на сварке. Здесь он уже не сам поднимался по «лесенке», а вел по лестнице знаний молодых египтян, бывших феллахов, будущих рабочих. Занятия в учебном центре вели и другие опытные советские специалисты. Только за четыре года центр подготовил около семи тысяч квалифицированных рабочих. И египетский орден, которым Алексея Александровича Улесова наградило правительство АРЕ, — это в первую очередь признание заслуг советского сварщика-педагога в области подготовки национальных кадров.

Из Египта Алексей Александрович вернулся в Тольятти, здесь полным ходом шло строительство автомобильного гиганта и нового города. Работы было, как любят говорить Улесов, «под завязку». Но едва «Жигули» выбежали на дороги нашей планеты, Алексей Александрович перебрался с Волги на Каму — строил Набережные Челны и КамАЗ. Потом возвратился в город своей первой любви, в Волгодонск, успел на «Атоммаш» к «первому колышку».

Делегатом на XXV съезд КПСС его посыпала Ростовская областная партийная организация. На другой день после окончания работы съезда мы сидели в его номере гостиницы «Россия». Улесов долго стоял у окна, молча смотрел на Красную площадь, на Кремлевские звезды и неожиданно звонко прочитал незнакомую строчку: «Свободу пишу бетоном и железом по земле».

— Это не стихи, — повернулся он ко мне. — Так говорил Генрих Осипович Графтио, строитель Волжского и Саири, наших первых гидроэлектростанций. Время сейчас другое, возможности иные, но смысл нашего труда остался прежним — для счастья людей.

Улесов протянул мне «Правду» с только что опубликованными «Основными направлениями развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы». На газетной полосе выделялись отчеркнутые красным фломастером два абзаца:

«Организовать серийное производство для атомных электростанций реакторов на тепловых нейтронах и турбоагрегатов к ним единичной мощностью не менее 1 млн. киловатт».

...Создать и освоить мощности первой очереди Волгодонского завода тяжелого машиностроения и развернуть строительство второй очереди этого завода».

— Приезжай к нам через пару лет и увидишь: мы обязательно напишем эти строки бетоном и железом.

Темпы возведения уникального предприятия поражают даже видавших виды строителей. Если ВАЗ был построен за пять лет, то «Атоммаш» растет почти вдвое быстрее.

Накануне юбилея Октября строители передали эксплуатационникам символический ключ от первой очереди завода.

Во время митинга Улесов волновался, как никогда. И сам не понимал почему: за плечами все-таки три гидроэлектростанции, три рукотворных моря, три завода и три города. Может быть, все дело в том, что здесь он начинал, здесь строил свою первую станцию, первое море, первый город и вот теперь завод. Последний? «Я ровесник страны, а страна молодеет с каждым годом», — ответил, улыбаясь, Улесов одному доброжелателю, интересовавшемуся, не собирается ли знаменитый сварщик уходить на пенсию. А как ответить себе?! Круг замкнулся. Может быть, действительно пора уходить? Нет, есть еще сила в руках, есть опыт и знания (недаром же он на пятом десятилетии поступил в техникум и блестяще защитил диплом), надо передавать их молодым. Ученые же обогатят этот опыт и передадут его дальше. Ветвистым получается родословное дерево истинного мастерства.

— Первая очередь еще не весь завод. — Улесов положил руку на плечо Геннадия Кузичева, взглянувшего недавно созданную комсомольско-молодежную бригаду сварщиков. — Работы «под завязку», Гена, мы еще посоревнуемся, что сильнее — опыт или молодость.

— Мне бы еще несколько таких сварщиков, как Галия Александрова, и я готов соревноваться даже с вами, Алексей Александрович.

Улесов хотел было напомнить молодому бригадиру, с каким трудом Галия попала в сварщики и кто перед ней самые последние барьеры устанавливал, но, улыбнувшись, сдержался старый строитель. Что помнить прошлое, если есть еще время думать о будущем.

Александр КУХНО

В этом номере «Смена» публикует подборку стихотворений и рассказ Александра Кухно, новосибирского писателя, неожиданно, в одиночестве, умершего в начале нынешнего года.

Мне выпала счастливая доля близко знать этого человека, чувствовать на себе тепло его доброй души. Ласковый и мягкий человек, он излучал обаяние. Стихи его были мягки, как он сам. Нежность странно сочеталась в Саше с угловатостью характера, которую иные принимали за трудность. Но угловатость эта была не чем иным, как мятежностью, той особой взволнованностью сердца, его обнаженностью, что так часто присущи подлинным, большим талантам.

Сибирский лирик Александр Кухно хорошо известен сибирякам — рабочим, школьникам, студентам. Он часто встречался со своими читателями, делал это охотно, но, прощаюсь с ними, он чаще ставил свои автографы на каких-то открытках, на чужих книгах. К сорок пяти годам — времени своего ухода — имел Александр Кухно всего четыре тонких книжечки, изданных в Новосибирске.

Почему? В Москве не издавался. Признаться, в московское издательство пробиться местному поэту при множестве соискателей — дело непростое, даже если участвуют в соревновании

этом истинные таланты. А Саша был скромен. Истинно погруски. Не раз и не два стояла его книга в плане «Молодой гвардии», но он рукопись не сдавал, все сомневалась в себе, совестясь.

В нынешней поэзии нередки многословия, высокая производительность, Саша же писал мало, строжась к себе, к мысли, выбираемой для стиха, к эмоции, вкладываемой в строку.

Четыре книжки, и его нет. Остался неисполненный замысел — написать повесть о последнем парижском коммюнаре Анри-Лежене, который умер в Новосибирске, благословив на битву с фашизмом первые сибирские полки. Остались наброски прозы, тетрадка стихов, а в близких — любовь к прекрасно-светлому человеку, который пропускал сквозь себя все, что было вокруг. Он жил как поэт и умер как поэт — в одиночестве, с разорванным болью сердцем.

Да, щедра Россия талантами. Грустно, что нет еще одного. Грустно, что настоящее признание — я верю, оно будет — придет к Саше уже после него...

Грусть эта жгет сердце, наполняет душу виной: почему же, почему опаздываем мы порой сказать живым доброе слово?

Альберт ЛИХАНОВ

На заводе продольно-строгальных, расточных и иных станков мы ходили, руками трогали заготовки для новых стихов.

Ничего необычного не было, но внезапно сигнал проиграл — и величественно, как гипербола, мостовой подкатился кран.

Отшлифованная, многотонная через цех уплывает вдаль на железных нервах, — готовая! — мной не найденная деталь.

Я машу ей вслед рукавицею. Майна! Стоп! Становись в стихи! Но опять надо мной — крановщица, будто ласточка из-под стрехи.

Свысока глядит, улыбается, мол, не стой под грузом, поэт. Ничего-то к стихам не прибавится, если в них человека нет.

Проходи. Как по хрупкой наледи, по металлу вперед иду. Надо выйти мне, выйти на люди. Только где ж я людей найду?

Париж, 28 мая 1871 г.

«С кем вы, мастера культуры?..»
М. Горький

Ты слышишь, охваченный пламенем, залитый кровью Париж?..
Коммуна разгромлена...
Нет никакого резона спускаться с высот по ступеням обугленных крыш в Бельвиль, чтобы снова тебя оградить от позора.
Ты мертв.
Ты раздавлен.
Чудовищный храм Сакре-Кёр¹ твои палачи на высотах Монмартра поставят. Но прежде они стариков и детей расстреляют в упор, самых лучших твоих сыновей ослепят, обезглавят.
Не от грома и молний пожаром разъятых небес низвергались надгробья на прах Оноре де Бальзака: если б мертвые слышать могли — встали б все мертвецы Пер-Лашез, захлебнулась бы здесь озерелых версальцев атака.

Где же вы, реалисты?.. Изящных словес мастеры — вы, романтики, где?.. За сто лет не найдет отраженья даже сотая доля того, что свершилось вчера на последнем этапе жесточайшего в мире сраженья.

Ни Флобер, ни Дюма, ни Эдмон де Гонкур, ни Жорж Санд, — на такое искусство подобные вам не дерзали!

Я не верю теперь даже самым талантливым вашим слезам: по-чёму оказались вы вместе с Версалем?.. Композитор Бизе, говорят, вам неплохо жилось под защитой пруссаков... Где же ваши победные марши?.. О, какстыдно и мерзко!

¹ Сакре-Кёр — храм Спасения (сердце Христа), поставленный в знак примирения сословий после разгрома Парижской коммуны в 1871 году.

Но еще омерзительней — барская злость, эта спесь мушкетерская лжемушкетеров домашних...

«Мы ничего не скажем об их сажках из уважения к женщинам, на которых они похожи, когда мертвые». Александр Дюма-сын — о женщинах Коммуны.

У какого бандита, опустошая подсумки, извлекли вы такие убийственно-злые слова?.. Все при жизни простится вам!..

Вы — Дюма. А Дюма неподсудны...
Все равно не Коммуна мертвала — это честь ваша, сударь, мертвала!..

Маргарита Готье² в вашей драме не зря умирала так мучительно долго,

по законам искусства, все прощая своим палачам.

вы ее умертили, с добросовестностью либерала чтобы не грезилась по ночам.

В Люксембургском саду ров засыпанный дышит и стонет, стон плывет над Парижем, сводящий с ума...

Это к вам Маринана³ в конвульсиях тянет ладони, негашеная известь на ваших одеждах, Дюма!

На реке не закат — полоса человечьей крови:

под пролетом моста окровавленных тел штабеля...

Смотрит в чрево Парижа все пристальней, все суровей и бежит вдоль реки молодой потрясенный Золя.

Где-то старец Гюго брови гневные хмурит и зовет к милосердию опьяненный расправами сброд...

Наконец-то он понял, кто сегодня враждебен культуре и каким благородством отмечен восставший народ!..

Романс

Ветер осенний шумит надо мной. Желтые листья падают с клена. Юность моя, по тропинке лесной ты пронеслась, отцева. Помню, как в солнечный день золотой вместе бежали с горного склона... Ты мне солнцем была. Ты песней моей была. Ты березкой моей была.

Юность моя, я тебя не сберег. Песня умолкла. Солнце остыло. Только с березкой расстаться не смог — так приросла — всей душой... Жаркие листья кружатся у ног. В широкие листья — голос твой милый... Ты, как прежде, со мной по тропинке лесной бродишь Осенью Золотой.

Ландыш

Твои зеленые ладошки не опалиют июльский зной, и снова белые сережки ты гордо выставишь весной.

Но тонкий аромат сиротства — безмолвный плач твоей души — один, по праву первородства, я различу в лесной тиши.

Что рифмачам велеречивым, благополучным ловакам твои печальные мотивы и слезы сердца по ночам.

Им состраданье не пристало. Когда найдут тебя в тени — о ландыш! — смейся непрестанно, звени сережками, звени!

Мол, все на свете было, было — и этот звон и эта мгла. И даже на краю могилы тверди: «Лечаль моя светла».

Жажда

Мы так свою любовь именовали. Когда к тебе полночною тропой я приходил, как зверь на водопой. Давным-давно те ночи миновали. — Ты разлюбил?.. — Да что ты, бог с тобой!

Но мы теперь на новом перевале. Нетрудно откровенничать с толпой, куда трудней сказать себе: отбой, час пробил, мы свое отпировали, былое вновь нам испытать едва ли, нет страсти, нет, похожей на разбой!.. Осталась нежность... Боятся вразнобой сердца, что так от жажды изнывали... — Неправда, милый!..

Что ты, бог с тобой!

¹ Маргарита Готье — героиня драмы Дюма «Дама с камелиями», прототип Виолетты в опере Верди «Травиата».

² Маринана — фольклорный собирательный образ женщины-работницы, символ народной Франции.

ОТКУДА Я ЕСТЬ

РАССКАЗ

1

— Шурик, вставай! Радость-то какая! Война кончилась. Шуринька-а!.. Я открываю глаза, но бабушки не вижу. Упорхнула, не вытерпела. Без людей она вообще не может, а в такой день вовсе не усидит дома. Не шить сегодня бабе Сане, люди не дадут — будут приходить, спрашивать Александру Михайловну, а зачем она им нужна, Александру Михайловну, по какому такому делу — поди разбери; пожалуй, и дел-то особых нет, чтобы не решить их без бабы Сани, просто они без нее тоже не могут. Баба Саня — домком. Не председатель домового комитета, а именно домком, потому что никакого комитета не существует. Еще она — председатель уличного комитета, и каждый день по нескольку раз ей приходится ходить в домоуправление. Пошьет, пошьет, вдруг вспомнит что-то — и, глядиши, уже за воротами.

Ходит она удивительно красивой, быстрой, мягкой, походкой, чуть накренив голову с темными седыми волосами, аккуратно зачесанными назад и стянутыми на затылке в небольшой узел. Бабушкин друг Иван Васильевич называл этот узел мотулей. Иногда шутки ради он вынимал незаметно роговые заколки из мотули и хохотал, довольный, видя, как бабушка без конца поправляет прическу, не замечая пропажи. «Никак, ты опять стибрил заколки?» — догадывалась бабушка, и Иван Васильевич хохотал еще громче, клялся христом-богом, что заколок не видел, а насмеявшись до слез, признавался в краже и обещал вернуть заколки при одном условии: если она даст ему самому уложить мотулю. Бабушкина мотулю была его слабостью.

На шутки баба Сани не обижается, она и сама любит посмеяться и, пожалуй, не прочь над кем-нибудь подшутить, да возраст не позволяет — ей уже за семьдесят. А Ивану Васильевичу лет тридцать пять, не больше. Несмотря на такую разницу в возрасте, они дружили трогательно-нежной, веселой дружбой.

Иван Васильевич называл бабушку птичкой за то, что она пытается буквально крохами, хотя готовит очень вкусно и много, но все скармливает гостям, и еще за то, что она необыкновенно подвижная, шустрая, а ростом чуть больше десятилетнего мальчика. Иван Васильевич поднимал бабушку одной рукой и кружил по комнате.

По воскресеньям у бабы Сани собирались интеллигентные старушки, из бывших, играть в преферанс. Они с интересом ждали Ивана Васильевича — самого азартного игрока, громкоголосого певуна и балагура. Бабушка к преферансу стряпала рыбный или сладкий пирог, и в перерывах между «пульками» старушки гоняли чаи. Иногда они приносили свою стряпню, но все равно лучше бабы Сани никто не стряпал.

Если приходил Иван Васильевич, игра затягивалась до глубокой ночи и чаи гоняли торопливо, желая поскорее засесть за новую «пульку». Без него, наоборот, играли вяло и помнили, что всех ждет пирог Александры Михайловны.

Если Иван Васильевич приходил с женой Анной Федоровной, в кухне разыгрывались шутливые сцены ревности. Но это случалось редко: Анна Федоровна — член партии, директор семилетней школы и в преферанс не играет. У нее свои дела с бабушкой, она постоянная, давняя ее заказчица, приходит днем, в будни, на примерку или по делам общественным. Она тоже любит бабушку и дорожит дружбой с лучшей в городе портнихой дамского платья.

В большинстве случаев Иван Васильевич приходил один, и тогда в коридоре раздавался его высокий баритон:

Солнце низз-з-з-з-знько-о,
зз-з-чир бли-зз-з-з-знько-о,
ли-ду до тз-з-з-з-з-бз-з,
ли-и-ду до тз-з-з-з-бз-з,
мо-е сер-знько.

— Прилетел, сокол мой, прилетел, богом данный сынок — ласково говорила бабушка и на цыпочках тянулась поцеловать его.

Нет больше Ивана Васильевича.

В первый же день войны уехал он в таинственную командировку, вернулся через несколько месяцев, больной, измученный, побывал дома с недолю и снова уехал. Анна Федоровна переживала, как бы у Вани туберкулез не возобновился, прибегала к бабушке, жаловалась на усталость и тоску. Году в сорок третьем вызвали Анну Федоровну в какое-то учреждение и сообщили: коммунист, контрразведчик Иван Васильевич Лысенко погиб при исполнении служебных обязанностей. В партию он, оказывается, вступил еще раньше Анны Федоровны, задолго до того, как был учителем. Тяжело заболела тогда Анна Федоровна, сдала свою тихую квартиру в деревянном доме на улице Иркутской в райисполком и на долгие годы переселилась в родной семнадцатой школе.

Кроме богом данного сына, Ивана Васильевича, был у бабушки Сани богом данного внучек — я. Называла она меня так не потому, что верила в бога, — по-дружки-старушки, жалеючи, корили ее за то, что не верует и в церковь. Турханская не ходит, — называла так потому, что я никакой не внучек, а просто

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

соседский мальчишка, жил с ней в одной квартире и целыми днями пропадал в ее комнате.

Когда приходили заказчицы или общественные деятели, вроде домоуправляющей, я плелся к себе. Проводив гостей, бабушка звала: «Шурик, иди, скоро чай пить будем, с оладышками».

Я тотчас врывался в ее комнату, усаживался за стол, заваленный разноцветным шитьем, и помогал работать — распарывал старые кофты, платы, куртки или просто следил, как бежит длинная строчка из-под иголки, и принимал шитье на себя: стол маленький, старенькая зингеровская машина тоже маленькая, и надо, чтобы громоздкий материал не мешал бабушке гнать шов — бабушка шьет быстро.

Мы сидим друг против друга и по очереди поем песни. Я про Каховку или Орененка, бабушка — про Иванушку-тонконоженку и заздравную чару.

На Иване-то кафтан —
черт по месяцу таскал.
На Иване сапоги —
после деда Сатаны.
Слышишь ли ты, Иванушка,
слышишь ли ты, тонконоженка?

На Иване-то шапочкан —
после малого чертенка.
Слышишь ли ты, Иванушка,
слышишь ли ты, тонконоженка?

«Иванушкой» запас детских песен исчерпался, и тогда волей-неволей приходилось ей петь взрослые песни.

Пела она не так, как поют на гулянках, — очень тихо, тонким-тонким голосом, почти фальцетом, вытягивая каждую нотку, и песня получалась такой мелодичной и задушевной, что сразу становилось грустно или весело.

Откъоль ни возьмись вор Игнашка,
откъоль ни возьмись вор Игнашка,
вор Игнашка, кума, вор Игнашка.
Спер у девок да рубашонки,
спер у девок да рубашонки,
рубашонки, кума, рубашонки-и...

Вращая ручку машины, бабушка забавно покачивает головой в такт разудалой песенке, и я со смеху катаюсь по столу.

Остались девки да нагишонки,
остались девки да нагишонки,
нагишонки, кума, нагишонки-и...

Бабушка смеется вместе со мной, но песню до конца не допевает. Забыла, говорит, слова. Поймали девки Игнашку, отобрали рубашонки, исколотили всего, потому что срамили он, Игнашка, а те, что в речке остались, простились. В одной из песен поминала баба Саня речку Казанку, за которой «всю ночь до зари, лишь зажгут фонари, вереницей студенты шатаются». Эта песня тоже была неподходящей, потому что студенты не только поют, они «и горько пьют и еще кое-чем занимаются». Но для меня «кое-чем» означало революционную деятельность студентов, и бабушка радовалась, что я понял так, как надо.

Положив сухонькую, жилистую руку на колесо машины, чтобы остановить его, другой рукой делая плавные, волнобразные взмахи, вдруг начинала она печальную песню о быстротекущей жизни, но в голосе ее не было печали, и это ошеломляло. Голос ее становился глухим, низким, почти мужским, в нем звучала русская удаль и решимость:

Быстры, как волны, дни нашей жизни.
Что час, то короче к могиле наш путь.
Налей же, товарищ, заздравную чару!
Кто знает, что ждет нас впереди.
Налей же, товарищ!..

Бабушка откидывалась на спинку стула и забывала про шитье. За стеклами очков серые глаза становились огромными и влажными.

Она вспоминала родную Волгу, Казань, где прошли детство и юность, где слышала молодого Шаляпина еще до того, как стать ему великим артистом, в какой-то Суконной слободе—не то Шаляпина-сапожника, не то плотника.

Вспоминался ей другой знаменитый певец—Андрей-Бурлак, и она тихонько напевала жестокие романсы из его репертуара:

Но смерть близка, близка моя могила.
Когда умру, как тихий шум травы,
мой голос прозвучит и скажет вам уныло:
он вами жил, его забыли вы.

Сердце сжималось от жалости и сознания, что смерть может быть такой красивой, а человек—таким одиноким и несчастным.

Никогда бабушка не была одинокой и несчастной, хотя из родственников у нее никого не осталось. Давным-давно, годовалым ребенком, умер единственный сынок Миша, давним-давно скончался муж Иван Николаевич, с которым прожила она сорок лет и за которого получает маленькую пенсию, умерли сестры, племянники и племянницы, а она и не думает о смерти, она целый день с народом, с детьми, в нескончаемых общественных хлопотах, отвлекающих от грустных мыслей. Правда, общественные хлопоты отвлекают от портновской работы, часто ей приходится шить по ночам, зато сколько у нее «богом данных» сынов и дочерей, внуков и внука!.. И стучит, стучит швейная машина до часу, до двух ночи.

Песни песнями, а жизнь жизнью.

Одну песню мы знали оба—«Смело, товарищи, в ногу», пели ее дружно, громко, отправляясь на кухню печь оладьи.

В старинное зеркало на комоде бабушка вставила фотооткрытку: Ленин в гимназической щинели сидит на палубе парохода, а за ним—Волга. Бабушка на целый год старше Ленина.

Хотя в университете не училась и гимназию не кончила, она все же самая образованная на нашей Красноярской улице, она видела Ленина еще в Казани, только не знала тогда, что это Ленин, участвовала в студенческих маевках и слова «студент» или «прокламация» произносила с гордостью и некоторой завистью к прошлому.

Потом она жила с Иваном Николаевичем в городе Томске, где застал их девятисот пятый год, была знакома с отчаянным, озорным Сергеем Костриковым, только не знала тогда, что это Киров, даже на лодке с ним каталась, черемуху рвала за Бассандайкой, а вот—не знала.

В молодости она была талантливой исполнительницей комических ролей, незаменимой travesti, часто играла в любительских спектаклях, мечтала стать артисткой, уйти в театр. Но Иван Николаевич, который любил ее безумно и которого она тоже очень любила, говорил: «Не пущу!» И она не стала артисткой.

Бабушка рассказывала про пожар в Народном Доме во время спектакля, когда черносотенцы сожгли около тысячи человек, рассказывала про героическую смерть знаменосца Кононова и про знамя, спасенное Костриковым. Когда казаки и городовые расстреляли демонстрацию на Почтамтской улице, смертельно раненный Кононов сорвал с древка знамя и спрятал у себя на груди, а ночью Сергей Костриков обошел жандармские патрули, пробрался в покойницкую, где лежал мертвый Кононов, и взял это знамя томских большевиков, и оно снова развергалось над революционерами.

В то утро Иван Николаевич не пустил бабу Саню на демонстрацию, он догадывался о вооруженном столкновении, но сам пошел. Весь день она волновалась; Иван Николаевич вернулся вечером и в чужом пальто, потому что его пальто казаки рассекли нагайками в нескольких местах.

Если воспроизвести все, что рассказывала бабушка, получилась бы целая книга. Это была бы историческая книга, потому что бабушка пережила три революции, несколько войн. Как же было не пережить ей Отечественную войну!.. Со дня на день она ждала победу и делала все, чтобы людям жилось немножко легче.

Интеллигентные старушки уже не собирались на преферанс. Меньше стало дамских платьев. Бабушка шила теперь зимние пальто, телогрейки, детскую одежду и даже мужские брюки.

Домкомовских дел прибавилось. Гордость бабушки—водопровод, который провели перед самой войной, постоянно выходил из строя, потому что в коридорах нашего большого дома было холодно и вода зимой замерзала. Нужно было искать слесарей, заменять лопнувшие трубы, навешивать на двери толстые пружины. По утрам бабушка прежде всего обходила все восемь квартир и спрашивала, идет ли вода, топится ли печь. Заодно узнавала про житье-бытье и была в курсе всех личных и семейных дел. Потом она обходила другие дома и шла к управляющему.

Слесари, печники и трубочисты были ненастоящие,—настоящие ушли на войну, поэтому в доме без конца чинили водопровод и перекладывали печи. Кое-кто посмеивался над бабой Саней: выходило, что водопровод, построенный по ее инициативе и ее заботами, ей же доставлял одни неприятности.

Когда-то, когда Луначарский взял под защиту новогоднюю елку и объяснил, что это никакой не буржуазный пережиток, а хороший народный обычай, бабушка организовала для детей первую жакетовскую елку, заставила взрослых и ребятишек делать игрушки и сама делала из ваты и тряпок зайцев, параптистов, снегурочек и Деда Мороза. Слепить и раскрасить яблоко или грибок ей ничего не стоило, этому она могла научить мальчишек и девчонок за каких-нибудь пятнадцать—двадцать минут.

С тех пор елки устраивали каждый год. Бабушка водила хороводы с детьми и пела с ними «Эх, хорошо в стране Советской жить!».

Новый год она отмечала в нашей семье, завершив праздничный обход по квартирам и поздравив всех—молодых и старых—с «наступающим». Но так уж полагалось—в двенадцать часов быть дома.

Она приходила раскрасневшаяся, веселая, выпивала рюмочку кагора и танцевала по очереди то со мной, то с отцом полечку, краковяк, падеспань. Гости напрашивались в кавалеры, от них отбою не было, она умоляла отпустить душу на покаяние и убегала в свою комнату.

Маленькая, худенькая, лежала, разметав руки, на высокой постели, поверх одеяла, в маленьких самодельных тапочках-чулках, темном ситцевом платынице в горошек. Отдыхала, слушала, как «спивают» украинские песни родственники и сослуживцы отца.

Часа в два ночи непременно вваливался кто-нибудь из соседей излить душу. Она терпеливо выслушивала, давала советы и потихоньку выпроваживала гостя. Случалось, прибегали за ней на помощь, если где-то назревал скандал. Набросив на голову платок, в одном платынице, она спешила на помощь. С ее появлением все уляживалось, а если не уляживалось, она возвращалась за моим отцом.

Отец мой носил звание старшины войск НКВД, знал всех жуликов и воров, знал всякие законы, поэтому его тоже знали, уважали и побаивались. Правда, его немножко презирали за непрактичность и мягкость характера, не соответствующие должности, но голубые петлицы действовали безотказно—дебоширы успокаивались. К тому же бабушка ставила Антона Даниловича в пример как человека непьющего, образцового отца и семьи.

Во время войны общественных елок в домоуправлении не устраивали. Но подарки детям все равно были. Всякими правдами и неправдами бабушка добывала пряники и конфеты и вместе с домоуправляющей, в строгой тайне от жильцов, раскладывала их по куличкам: детям больным и очень бедным—по больше, остальным—поменьше.

Детей было очень много, потому что много стало жильцов за счет эвакуированных. Только в нашем восьмиквартирном доме жили теперь шестнадцать семей.

Бабушка тоже «уплотнилась». В ее маленькую комнатку въехала чопорная дама Елена Ивановна Шван. Детей она не любила, никогда с ними не разговаривала и все свободное время тратила на чтение толстых французских и немецких романов. Сколько я ни пытаюсь узнать, о чем она читает, Елена Ивановна ни одной книги не рассказывала. Мы, ребятишки, платили ей откровенной неприязни, сочиняли злые частушки и фамилию Шван, что по-русски означает Лебедева, переинициали на Швайн. А это совсем-совсем другое. Это значит—«свинья». Мы откровенно мстили за то, что при ней нельзя войти к бабушке Александре Михайловне, и за то, что она, такая большая и здоровая, в каком-то магазине за Обью наклеивает на картонные листы хлебные талончики, тысячи, десятки тысяч талончиков.

Бабушка страдала от присутствия Елены Ивановны, ссорилась с нею из-за детей и жильцов, с которыми ей приходилось разговаривать на кухне, и в конце концов избавилась от нее. Елена Ивановна куда-то переехала, а у бабушки стала жить контуженная фронтовичка Маша, женщина простая и добрая.

Самой сложной обязанностью домкома были всяческие сборы: подписка на заем обороны, сбор теплых вещей для фронтовиков, сбор в помощь семьям погибших, на строительство авиаэскадрильи, в помощь пострадавшим от оккупации—и так без конца. Одна кампания следовала за другой. И тогда, когда, казалось, уже невозможно было что-либо собрать, бабушка все же выколачивала из жильцов, по копейкам, по рублевкам, необходимую сумму, а в комнату ее, как на приемный пункт, люди несли и несли нужные кому-то вещи: не сгодится ли для фронта? Александра Михайловна найдет кому отдать, вон сколько возле нее народу вытеснилось, и у всех нужда.

— Отец воюет, а дети с голода пухнут!—кричала соседка Ольга Петровна.—День и ночь на работе, девок не вижу!..

Плачет Ольга Петровна, и бабушка с нею плачет: всех надо охватить, все должны быть сознательные, времято какое—война, историческое время, не простит оно, если будем в стороне стоять. Поплачут-поплачут и придумают: глядишь, какая-нибудь одежонка, перешитая до неузнаваемости, перекочует из бабушкиной комнаты не в домоуправление, не в райисполком, а прямо к девчонкам Ольги Петровны. А в фонде помощи пойдет рубль их матери, и фамилия ее в списке будет стоять, этот рубль поможет Александре Михайловне собрать еще сотни и тысячи рублей. «Ой, хитра наша бабушка,—скажет Ольга Петровна.—Ой, хитра!.. Бог ее не приберет».

Осенью сорок третьего отец разошелся с мачехой Ольгой Ивановной. Отец служил теперь в СМЕРШе, не бывал дома неделями и месяцами, и мы остались с бабушкой одни.

С грустью вспоминала баба Саня о крупчатой и любимой нолевой муке, растирая в крахмал сырой картофель для «драников», которых ничего общего не имели с довоенными оладьишками.

Зимой стало совсем голодно. Помню себя сидящим у раскрытой печки-голландки: я держу ухвatom сковородку над остыивающими углами и пытаюсь жарить картофельные мундиры.

С мундирами тошило, у них был какой-то ядовитый, зеленый вкус, кружилась голова, пучило живот, но чувство голода не проходило.

Заметив, что со мной творится неладное, бабушка отправлялась в пятую квартиру, к Марии Александровне—инспектору района по детским домам и приютам.

Меня определили на детскую площадку в сад имени Сталина. Здесь собирали школьников после уроков, кормили жидким супом из мороженой капусты и осеняной кашей, заправленной экспериментальным комбижиром, напоминавшим не то автол, не то солярку. Некоторых с комбижира тошили и рвали.

Потом мы готовили уроки под наблюдением педагога, играли в снежки, выпивали чай с красным сахаром и разбегались по домам.

Однажды в школе мне выдали ордер.

Тогда многим выдавали ордера, но в основном детям фронтовиков: кому шапку, кому ботинки, а самым бедным—пальто и валенки.

Я не завидовал, я не был жадным, но каждый раз, когда классный руководитель Фаина Иосифовна вручала кому-нибудь ордер и все хлопали в ладоши, я стыдливо отводил глаза и хлопал громче всех: мне было мучительно больно оттого, что мой отец не на фронте и в классе я вовсе не самый богатый, я знал, что кое-кто живет значительно лучше, чем мы с бабушкой.

И вдруг—мне ордер.

Ах, как летел я в сорокаградусный мороз по переходному мосту, куда-то к черту на кулички, на улицу Владимировскую—получать по ордеру белые хлопчатобумажные носочки с голубой каемочкой!..

На Владимировской, откуда-то сбоку, ударил резкий синий-синий свет. Я повернул голову и различил вдали, за цепочкой прохожих, высокого человека,

одетого во что-то синее, во что — я долго не мог разобрать, тогда я остановился и стал ждать. Человек приближался. Я видел, что это старик без шапки, с всклокоченными седыми волосами и растрепанной длинной бородой. Когда он поднялся, я разглядел его как следует: на нем не было ничего, кроме нательной рубахи и кальсон, густо выкрашенных школьными фиолетовыми чернилами. В подвязанных тряпьем и веревками галошах он шел куда-то к вокзалу быстрой деловой походкой, и маленький крест у него на шее раскачивался из стороны в сторону. Руки у него были красивые, большие, неподвижные, лицо в черных кругах обморожений, во взгляде, в походке, во всем его облике сквозило какое-то подчеркнутое спокойствие и решимость.

Мне стало холодно. С чувством еще большей благодарности, почти нежности к Фаине Иосифовне я побежал разыскивать магазин, в котором получил по ордеру белые носочки. В ту суровую зиму носочки были совсем без пользы, к тому же они оказались малы, не помни, куда они делись, вероятно, бабушка променяла на что-нибудь. Но каждый раз, когда я вспоминаю зиму сорок третьего — сорок четвертого, среди прочих подробностей в памяти встает высоченный старик в синем исподнем белье и где-то рядом с ним эти белые носочки. Должно быть, так запечатлелось первое осознание народного горя, крайней бедности, жестокости и благородства, равнодушия и чуткости усталых людей.

В бабушкиной комнате висел черный круглый приемник «Рекорд». Такой же «Рекорд» висел в моей комнате. В картонном корпусе с длинной иглой звучали веселые передачи «Огонь по врагу», сводки Совинформбюро, приказы Верховного.

— Бабушка, ты слушаешь сводку?

— Слушаю, Шуринька, слушаю.

Она без радио жить не могла.

Я записывал на тетрадный листок названия освобожденных городов и сел, отыскивал их на большой карте «Европейской части СССР», переставлял флаги.

Приходила бабушка, сбрасывала чужаки, влезала в чулках на мою кровать и рассматривала новую линию фронта.

Если сводка была особенно радостной или тревожной, бабушке не терпелось поделиться с кем-нибудь из взрослых.

2

У отца была двухрядка. Русская. Когда он веером разворачивал ее на колене, она издавала одни звуки, а когда скимал — совсем другие. На русской гармошке играть не просто: надо все время скимать и разжимать ее. Я, кажется, этому так и не научился.

Горит керосиновая лампа-семицветка, гудит печь-голландка. Мы с мамой Олей, моей мачехой, делаем пельмени.

Отец наколол дров, натаскал угля, воды, затопил печь. В предвкушении сладкого отдыха он ставит посредине комнаты табурет, вскидывает гармошку и начинает громко, на весь наш восьмиквартирный коммунальный дом:

Вечер был, сверкали звезды,
на дворе мороз трещал.
Шел по улице малютка,
посинел и весь дрожал.

Посиневшего малютку вовсе не жаль. Дурачясь, мы стараемся с отцом перекричать друг друга. Потом он играет «Коробочку», «Иркутичку», «Подгорную» — разминает пальцы. Потом переходит на протяжные старинные украинские песни. В одной из них парень вызывает возлюбленную: «Выйди, дивчина, выйди, кохана, поговорим двоих с тобою». А дивчина ему отвечает:

Ой рада б я выхойдты,
с тобой, срдце, говорыты—
лєжиль нэлюб на правой ручке,
так боюся разбудыты.

Слова «нэлюб» в русском языке нет. Это что-то очень грустное. Должно быть, нэлюб — мерзавец. Зачем дивчина держит его на ручке — непонятно. Ушла бы к возлюбленному — и делу конец.

Ой, дивчина, моя лоба,
отвзрынися от нэлюба—
буду стреляты, буду лучаты,
як на сызого голуба.

А дивчина опять ему отвечала:

Ты ж из стрелишь, ты ж из влучишь,
тильки жынь нашу разлучишь.
Сидлай коня, зъязжай з двора,
ты из мий, а я из тво-о-я.

Парню ничего не остается, как седлать коня и, «размовляя» теперь уже с конем, скакать к тихому Дунаю.

Коло тыхого Дунаю
станем, коню, подумаєм,
чи мэны втопыться,
чи через коня вбуться,
ай чи назад воротыться.

В песне нет конца, как нет его в жизни. Любовь бесконечна, своюенравна и загадочна. Сплошные алогизмы. Взять хотя бы начало этой песни: «Ой, у поли озиречко, там плавало видэречко, сосновы клипки, дубовы динце, из цурайся, мое сэрдце...». К сюжету «видэречко» никакого отношения не имеет, но описано оно подробно, это своего рода поэтический зачин, который дает настрой всей песне. Я знаю, отец видел «видэречко», когда пел, я — нет, а он — видел, со всеми его сосновыми клепками, с дубовым «динцем». Ах, как исхлестали его житейские волны, каким одиночеством набухло «дубово динце»! И оттого, что оно «дубово», его еще жаль, ведь рифмуется «динце» с «сэрдце». Стиховеды сказали бы по-ученому — консонанс. Да, консонанс. Но народ не знает теории, когда складывает песни, не знает, что чем сдержанней в чувствах, жестче, «дубовей», тем ближе к правде переживаниях поэтическая речь. И отец этого не знал, он любил петь, любил стихи, музыку и пел — как чувствовал, как жил. Я тоже все это понял не тогда, а значительно позже.

Отец вырос в Кулуундинской степи, в живописном украинском селе с белыми хатами-мазанками под высоченными вербами. Было в селе два пруда, в одном из них утонул его младший братишка Яша, пока Антон батрачил в соседней деревне. Яшу отец сильно любил и тосковал о нем долго. Кто знает, может быть, потому запала ему в душу песня про «видэречко» в «озиречке». А может, и по другой причине: в любви отец не был счастлив и, наверное, не раз прикидывал, «чи ему втопыться, чи через коня вбуться, ай чи назад воротыться...».

Была у него еще одна страсть или слабость — не знаю, как называть: он сочинял

стихи. Правда, не часто и только по торжественным случаям, как-то: свадьбы, дни рождения, революционные праздники, встречи с друзьями и родственниками после долгой разлуки. Накануне он закрывался в большой комнате и сочинял по несколько часов кряду. Получалось нечто, напоминающее стихи, очень длинное и сверхназидательное. Когда собирались гости, после первой рюмки он обыгрывал «стихи», в котором с помощью самых невероятных «поэтизмов» раскрывал сущность виновника торжества. Заканчивался «стих», как правило, философическими сентенциями. Гости приходили в изумление, некоторые плакали: «Ну, Антон! Ну, молодец! Это ж черт-те что! И откуда чо берется!..» Мне было стыдно. Ни малограмматных виршей, ни громового отцовского голоса я не выносил, я убегал или втягивал поглубже голову в плечи.

Когда мне исполнилось лет тридцать-четыре, я сочинил специально для меня «роман» в стихах «Неудачная женитьба». Оказалось, мать «подвинула» меня отцу, и он воспитывал меня один. Из «романа», составившего общую тетрадь, помню только четыре строчки:

В это время в магазине
я работал продавцом,
заменяя я Шуре маму,
был и мамой и отцом.

Хотя «роман» был правдивым, я отцу не поверил. И сейчас считаю, что нельзя детям плохо говорить о матери — при любых обстоятельствах! — разъяснять проступки, в чем-то обвинять. Во всяком случае, «роман» не прибавил моей любви к отцу, на что он, вероятно, рассчитывал: ведь он очень любил меня, ревниво берегал от любой чужой ласки и воспитывал усердно. Даже чесчур усердно...

Стихи писать я стал вовсе не потому, что отец писал. Еще неизвестно, кто из нас первый начал. В наследственную одаренность или привычку не верю, в противном случае раз и навсегда отказался бы от сочинительства, потому что среди предков моих ни талантливых, ни одаренных не было. Но отец, конечно, сыграл решающую роль в моем воспитании и образовании. Если бы не его «стихи», я, вероятно, писал бы лучше и больше, а, может быть, наоборот, совсем не писал.

В пятом ли, в шестом ли классе я уже понимал, что стихи отца лишены подлинной поэтичности, что существует настоящая красота слова, недоступная ни ему, ни мне, и я возненавидел наши стихи и надолго перестал рифмовать. Если что-то и продолжало жить во мне поэтическое, то уж, конечно, не в стихотворной форме. Может быть, отцовская сентиментальность, любовь к природе, к музыке, родному языку.

Первый стишок сложил случайно, лет в семь, по просьбе вожатого в пионерском лагере. Хотел бы его забыть, да ничего не поделаешь, помнится:

Плыл Чапай — боец могучий
через Обь-Урал,
и попала ему пуля
прямо в сердце там.
Не успел Чапаев скрыться
в тылу и под водой,
как со стороны своего убийцы
он обрел покой.

Первая публикация в стендгазете не принесла радости. Вожатый заменил «Обь» «рекой», в результате размер сломался. Я был в отчаянии. Собственных нарушений смысла и ритма я не чувствовал, но редакторский произвол ощущал сразу. Мне долго и терпеливо объясняли, что Обь, на которой стоит наш лагерь, — всего лишь название.

Вот тогда-то, вероятно, отец начал писать регулярно свои нравоучительные посвящения. Он завалил меня блокнотами и карандашами, подсчитывал, сколько стихотворений я написал за месяц, за лето, за год, установил, так сказать, план-максимум и план-минимум, всячески старался способствовать моему развитию в этом направлении. Поначалу сочинялось охотно и много, но потом, как я уже говорил, стихи обрыдли.

Мама Оля к нашему стихотворству относилась более чем сдержанно, а отцовские песни откровенно презирала: у нее были свои — «чалдонские». Сероглазая блондинка с копной волос, худенькая, нервная, мама Оля была образованной отца на один или два класса, поэтому пела под гитару:

Все васильки, васильки,
сколько мелькало их в поле...
Помнишь, до самой реки
я собирал их для Оли.
На руки Олечку брал,
в глазки смотрел голубые,
щечки ее целовал,
милые щечки такие...

О том, что это песня сумасшедшего из поэмы Апухтина, мама Оля, конечно, не знала и что поется в ней о маленькой-маленькой девочке Оле, — тоже. Еще была у нее любимая — про лихого мужа:

Вянет, пропадает молодость моя.
От лихого мужа нет в дому житъя.
Пьяный все дерется, трезвый все ворчит
и что ни попало из дому тащит.

По отношению к отцу это было жестоко и несправедливо: отец был совсем непьющий и никогда не ворчал, потому что был веселый человек и маму Олю очень любил, а ворчала и устраивала скандалы по всякому поводу и без поводов сама мама Оля, потому что болела туберкулезом и совсем не любила отца. За восемь лет жизни с ним она так и не решилась родить ему ни мальчика, ни девочку, а без них я мог вырасти «законченным эгоистом». Поначалу отец отшучивался, успокаивал, как мог, маму Олю, а потом захандрил, засмурел, замкнулся и однажды, уже во время войны, сложил на тележку вещички и переселил маму Олю в такую же, как наш, коммунальный деревянный дом за три квартала. Как в то напряженное время раздобыл он для нее отдельную комнатенку, никто не знал. Несколько раз мама Оля прибегала мириться, и был на ее стороне, но отец оставался непреклонен.

Когда он привел вторую мачеху, мама Оля тотчас выскочила замуж за соседа — хорошего, но на этот раз действительно пьющего, и через год обе мои мачехи встретились в роддоме. Мама Оля тоже родила девочку, и туберкулез ее как рукой сняло.

Баба Саня впервые заставила меня серьезно задуматься и загрустить о родной матери.

Мама, ведь я тебя не помню.
Даже не видел тебя ни разу я.
Мама! Ты слышишь? Пришли хоть письмо мне!
Мама, ты тоже была сероглазая?

Мама, ты кто? По какой причине
Я о тебе не знаю?
Мама, приди на мою кручину,
мама, я жду! Родная...

Это в тринадцать лет. Уроки отца не прошли даром. Правда, уже на втором четверостишии стали пропадать рифмы, я самым натуральным образом рыдал от жалости к самому себе и не мог связать концы с концами, писать было не о чем, вообразить мать было свыше моих сил, я ничего о ней не знал. Вот оно — первое настоящее горе, «когда и горевать не в состоянии»...

Через год я знал решительно все о трагической судьбе моей матери, и все стихотворение осталось незаконченным. Горе надо представлять так же четко и ясно, как радость, а это нелегко. Тут нужны крепкие нервы. Чрезмерно нервное напряжение так же опасно для стихов, как разнодущие. Сейчас, когда мне уже за сорок, первое детское мое утихло, и я даже цитирую свой самый тайный детский стишок, но я знаю: стоит мне снова всерьез начать стихи о матери, я снова разрыдаюсь, ничего не получится, потому что я не вижу ее лица, рук, не слышу ее голоса, а ведь она по-прежнему для меня лучше всех матерей на свете. Бедная, темная крестьянка, она умерла в родной деревне в двадцать семь лет — от чахотки и от тоски по мне. Отец отобрал меня у матери еще младенцем, поместил в городской интернат, напрасно мать пыталась меня выкрасть — не смогла. В отчалии она вернулась в деревню, к своему первенцу, моему старшему брату, и там захвала...

Я вспоминаю о детстве не затем, чтобы повторить общеизвестное: в детстве, мол, закладываются черты характера, в детстве — самые яркие впечатления. Нет, учитель в прошлом, я привык ставить точки над «и». Это не художественная проза, а воспоминания-раздумья. Были события и ярче и значительней, в том же детстве. Но в каждом из приведенных мной эпизодов есть для меня рациональное, точнее, рационалистическое зерно. «Синий старик», например, снова прошел передо мной, чтобы еще раз предупредить: лирик, обнажаясь, не забывай об «исподнем», соблюдай приличия!.. Пропил ли старик свою одеконку, бандиты ли его раздели — неважно. Старик остался благородным. Такой не мог пропасти до креста. Должно быть, променял штаны и рубаху на хлеб и картошку, чтобы с голоду не помереть, а может быть, и детей накормить. Ни мороз, ни бедность его не испугали, а вот наготы своей стыдился. Тут и пришли ему на помощь школьные чернила.

Бывает, показуются собственные стихи никчемными, никому не нужными, как хлопчатобумажные носочки холодной зимой. Тогда я стараюсь припомнить ту окрыленность, с какой летел за этими носочками, и ту несказанную, ни с чем не сравнимую нежность и своей учительнице — за чуткость, за понимание и доверие. В детском сознании материальные лишения почти ничего не значат. Но как развито у детей чувство сопричастности ко всемобщим радостям и горестям! Пожалуй, ничуть не меньше, чем у взрослых. Люди по природе своей коллектисты, а мы, поэты, к тому же еще и немножко дети. Это надо понимать. Кто же мы теперь, «мои классные руководители»?.. Хороший ли, плохой ли, я, как «синий старик», — весь на виду. Никогда, никогда не признавалася я в своей нежности Фаине Иосифовне и уже не признаюсь, хотя она, наверное, еще живет в Новосибирске.

Однажды она спросила меня: «Как ты считаешь, твой отец любит тебя или нет?» Я ответил: «Нет». Все было кончено. Я для нее перестал существовать. С высот моей любви к ней она вынырнула меня в бездну. Больше года она не разговаривала со мной и вообще никогда уже не разговаривала, не скрывала своего презрения и отвращения ко мне, а я все-таки продолжал ее уважать и любить. Она причинила мне столько страданий, которых никакими «носочками» не избыть. С пятеркой я съехал на двойки и перебрался на последнюю парту.

Но ведь я сказал правду. Я действительно так считал. А честности меня учил тот же отец. Метода воспитания была у него, мягко говоря, суровая. Как-то, маленького, он уличил меня во лжи. Надо было наказать. На плите стояла сковорода шкварок. Отец их очень любил, а я — нет; они сами высакивали у меня из пищевода, если попадались в борще, поэтому я заранее вылавливала их и отдавал отцу. Отец набрал самую большую деревянную ложку этих шкварок и заставил меня съесть. Так наказывали у них в деревне за ложь — заставляли есть несъедобное или нелюбимое. Ужасная процедура. Я съел шкварки. Грех с души был снят. Раз и навсегда я стал правдивым, но жареное сало до сих пор видеть не могу.

Что же я мог ответить Фаине Иосифовне?.. Разве можно было вот так вторгаться в мою святую святых, а потом — как щенка за борт: выплыши — твое счастье, захлебнешься — шут с тобой. Вокруг было немало хороших взрослых людей, но до них надо было доплыть самому. Если бы не ласковый голос бабы Сани — не доплыл бы.

После седьмого класса мальчишки уходили в техникумы, и только я один — в педучилище. Фаина Иосифовна удивилась, она уговаривала меня поступить в восьмой класс, так сказать, «по согласованию свыше» — я знал, что этого хотел отец, он боялся выпустить меня из-под своего влияния. «Ну, какой из тебя учитель? — говорила она. — Ну, на худой конец в авиационный техникум...» Но я был тоже упрям. В отца. Я чувствовал, что если не поступлю в училище... «Поступай как знаешь», — сказала любимая школьная учительница и на прощание еще раз обожгла презрением.

В педучилище я вступил в комсомол, в педучилище я нашел самых дорогих мне, самых любимых учителей и серьезно мечтал провести свой класс с первого по десятый. Не вышло: я стал писателем. Между прочим, сразу после окончания пединститута я преподавал в родной школе, в восьмых классах, прада, недолго.

В Литературном институте имени Горького я пошел в заочный семинар Михаила Светлова. Встречался с ним во время летних сессий и семинарских занятий. Я очень люблю этого человека и поэта, действительно выдающегося. О Светлове ходят легенды. Возникла целая библиотека мемуаров. Некоторые мемуаристы, которые при жизни поэта не решились бы и рта открыть, запросто сейчас «исследуют творческую историю» его афоризмов, рассказывают анекдоты, смакуют не столько его стихи, сколько подробности быта, характера, биографии. Светлов этого не любил. Все сходится на том, что он был обаятелен, добр, мягок, тактичен, весел и остроумен. Особенно много пишут о светловской иронии, шутках. Да, был... Но не так уж мягок. И не так уж весел и ироничен. Выпучивал он далеко не всех и чаще обходился без иронии.

Я не дам свою родину вывезти
За простор чужеземных морей!
Я стреляю — и нет справедливости
Справедливее пули моей!

Я услышал это стихотворение в чтении Светлова на первом же семинарском занятии, в аудитории, переполненной студентами и просто почитателями его таланта, москвичами...

Молодые города

Вячеслав БЕЛОВ.
Фото Владимира ВАСИЛЬЕВА.

ШЕВЧЕНКО

Осенью 1962 года я летел в Красноводск с пересадкой в Гурьеве. Неопытный транзитник, откуда я мог знать, что такое пересадка в Гурьеве да еще в осеннюю пору? Вылет в Красноводск отложили на сутки, потом еще на одни...

Многодневное сидение в Гурьеве казалось неизбежным, и когда один из аэропортовых начальников с грехом пополам сунул меня в забитый мешками и ящиками АН-2, я облегченно вздохнул...

Единственный пассажир самолета всегда привилегирован, особенно если пилоты так же молоды, как он, и не прочь поговорить со «свежаком» явно не из местных. Меня позвали в кабину, быстренько соорудили что-то вроде люльки между кресел, дали шлемофон.

— Не были на Каспии? — спросил командир.

- Ни разу.
- В Красноводск, значит?
- Да. На Кара-Богаз.
- А чего не на Манышлак? — спросил второй пилот.
- А что Манышлак?
- Полуостров это. Не слышали?

НЕФТЬНИК —
ОДНА ИЗ УВАЖАЕМЫХ
ПРОФЕССИЙ В ГОРОДЕ.

Нефть там какую-то особенную нашли. Еще что-то. Для вас, журналистов, это должно быть интересно. Говорят, перспективный район. Да уж и город строить начали. Мы там сделаем посадку. Посмотрите.

О Манышлаке я читал у Паустовского в «Кара-Богазе». И что-то еще слышал об этом полуострове, но так, краем уха...

Я привстал со своей люльки и из-за спины командира посмотрел на землю, или, точнее, на то, что по идее должно было быть землей.

— Бывшее дно Каспия — гиблые места, — сказал командир. — Левее будет Эмба — старый нефтяной район, разрабатывается еще с дореволюционных лет. Ну, это вы знаете. А впереди — вон на горизонте, видите? — горы Кара-

К ГАРМОНИИ

**53 ГОРОДА МИРА
ПРЕТЕНДОВАЛИ
НА ЗОЛОТУЮ МЕДАЛЬ
МЕЖДУНАРОДНОЙ
АССОЦИАЦИИ АРХИТЕКТОРОВ.
ПОЛУЧИЛ ЕЕ ГОРОД ШЕВЧЕНКО.**

тау. Это уже Манышлак. А дальше—степи, пустыня и до самого Арала плато Устюрт. Веселенькое, скажу вам, местечко—не приведи господь!

Принудливые изломы черно-синих гор Карагаты вырастали по курсу. Это была дичайшей красоты каменная феерия, сотворенная природой в незапамятные эпохи. Не знаю уж, какое было у меня выражение лица в те минуты—ничего подобного видеть мне не приходилось,—только второй пилот мельком бросил взгляд в мою сторону и изрек философски-снисходительно:

— Не удивительно—все удивляются! Где еще такое увидишь!

Перелетели горы, и до самого горизонта потянулась грязно-серая плоская земля с редкими бледными высохших соленых озер—сорт. Где-то справа должен быть Каспий, слева—плато Устюрт.

— Манышлак с сюрпризами,—сказал командир,—все говорят: пустыня, а тут горы—залибуюешься! Туристы еще

**ЗДЕСЬ ХРАНИТСЯ
ПОСЛАНИЕ В БУДУЩЕЕ
КОМСОМОЛЬЦЕВ 60-Х ГОДОВ.
ВСКРЫТЬ В 2017 ГОДУ!**

не знают. А кстати, самое низкое в мире место находится именно здесь. Карагай называется. 132 метра ниже уровня моря... О-ого!—вдруг воскликнул он и показал вниз.—Вот это Вания врезал!

Я взглянул, куда показывал командир, и увидел на земле непонятно как написанное имя ВАНИЯ. Командир ходил до слез:

— Начали! Осваивать полуостров начали! Ну, Вания и дал!

И тут до меня дошло: в искусстве оставлять автографы на скалах, деревьях и заборах человечеством накоплен богатый опыт, а неизвестный нам Вания к делу подошел «творчески»—на-

верное, бульдозером срезал верхний слой почвы и накатал на манышлакской земле свое имя, да такими буквами, что их только с самолета и можно увидеть... Сегодня этого Ванию за его «автограф» скорее всего взгремли бы по всем статьям, а тогда... Кому могла прийти в голову мысль защищать пустынную землю?

Пошли на посадку у какого-то поселочка на берегу моря.

— Актау,—сказал командир,—по-русски значит «белая гора». Это тот самый город... Ну, пока еще города нет, но будет—от авторитетных людей слышал. Сходите к морю, посмотрите. С часок здесь постоим, если погода не забарахлит.

И вот я вспоминаю, как шел тогда мимо старого, заброшенного кладбища, на высокий мыс, к крохотному маячку. Шел осторожно, смотрел под ноги, как наказывали, чтобы ненарочком не наступить на змею—здесь этого добра много. Остановился у маячка, огляделся: серое небо, серая земля, внизу, под крутым обрывом, с душераздирающим ревом бились о камни черные волны.

И откуда мне было знать тогда, что стою я в трех минутах ходьбы от центра ослепительного города, что вон там будет тенистый городской парк, а этот маячок окажется на крыше одиннадцатизажажного дома-модерн; на этих волнах будут покачиваться десятки белоснежных яхт, и я стану свидетелем не одной парусной регаты; на этих камнях я буду загорать в дни своих отпусков, напрочь забыв Черное море, а на том месте, где сейчас стоит наш АН-2, буквально через три года появится дом с потрясающей вывеской над одним из подъездов: «Глиссе и гоффе».

Разве можно было это себе тогда представить? Пыль, ветер, неуют, одно- и двухэтажные домики, длинные, приземистые бараки, кое-где даже палатки и землянки... Непонятно, на что же замахнулись люди? Можно ли нормально жить здесь? Вон даже питьевую воду привозят...

Я шел обратно к самолету, сильно сомневаясь насчет города. АН-2 оглушительно грохотал мотором. Вдруг в одном из крайних домиков распахнулось окно

ко, и женщина, погрозив кулаком в сторону самолета, прокричала:

— Эй, вы, черти! Потиши не можете—ребенок спит!

Я подошел к самолету. Командир спросил, кивнув на дом:

— Чего это она машет?

— Ругается. Вы тут движок на всю катушку гоняете, а у нее ребенок спит.

— Вот привередники!—в сердцах воскликнул командир.—Им молиться надо на авиацию, а они еще кулаками машут.

— Так ведь ребенок...

Командир покачал головой и дал знак второму, чтобы тот сбросил газ.

— Вот,—заключил он,—обживаются люди... Дети появились—значит, порядок. Садитесь, поехали дальше...

Так я нечаянно-негаданно познакомился с Манышлаком и с будущим городом, в 1965 году названным именем Шевченко—в память о великом кобзаре, который более ста лет назад имел несчастье быть сосланным в этот суровый и боязливый край. А в 1966 году над одной из колонн Первомайской демонстрации, идущей по строящемуся городу, можно было увидеть портрет Шевченко и громадный транспарант: «Нет больше «богом проклятого края!»

Да, полуостров Манышлак—это триста километров каменистого каспийского побережья и бесконечное количество километров пустыни. Но это и золотистые песчаные пляжи, которым могут позавидовать знаменитые курорты, и великолепный город Шевченко со всеми чертами ультрасовременного, я бы даже сказал, форсистского города.

Манышлак—это ажурный лес буровых на кромке горизонта и звонкая кефаль в тишине приморской ночи; это мрачные барханы с жалкими кустиками саксаулуника и зеленеющие сады и бахчи в предгорных оазисах.

Манышлак—это верблюд (случается!) на городских улицах и асфальтированные ленты дорог в безмолвии серого песка.

Манышлак—это первая в мире опытно-промышленная атомная станция на

**СРЕДНИЙ ВОЗРАСТ ЖИТЕЛЕЙ—
КОМСОМОЛЬСКИЙ.**

В ОКРЕСТНОСТЯХ ГОРОДА.

быстрых нейтронах и завод—да, завод!—по опреснению и приготовлению питьевой воды.

Манышлак — это современные нефтепромыслы на Узенском и Жетыбайском месторождениях, газоперерабатывающий завод, строящийся крупнейший в Европе завод пластических масс и другие предприятия нефтехимии. Это сотни километров нефтепроводов и водоводов, аэропорт, принимающий современные реактивные и турбореактивные самолеты, морской порт и 704-километровая железная дорога, перекинувшая пустыню и связавшая полуостров с центром страны и Средней Азией.

И все это сделано за три пятилетки.

Вот я и думаю: надо, надо было попасть в эти пески в 62-м и увидеть, с чего начинали; надо было потом приехать сюда работать и прожить здесь несколько лет, окунуться в напряженную атмосферу будней этой земли, чтобы сейчас говорить без всяких преувеличений: люди сотворили чудо!

Всего пятнадцать лет... Если, скажем, для какого-то обжитого района страны с устоявшимся хозяйством и укладом жизни полтора десятка лет — время, мало что существенно меняющее (прогресс производства, рост благосостояния, перемены в облике городов, поселков, деревень, конечно, заметны, но не настолько, чтобы это вызывало удивление), то для Манышлака пятнадцать лет — это эпоха. Эпоха, воплотившая в жизнь самые передовые идеи научно-технической революции и превратившая Манышлак — безвестную ранее пустынную землю — в важнейший индустриальный район страны.

Есть на земле города, к которым хочется возвращаться.

Таков Шевченко. Его красоты расписывают кто во что горазд. И небезосновательно, надо сказать. Вот редкий пример, когда природа не оказывает на столь восторженные голоса ни малейшего влияния. Шевченко построен на абсолютно голом месте, не интересном ни в каком отношении, если, конечно, не считать моря и его скалистых берегов первозданной дикости. А вокруг города — песок и камень. Камень и песок.

Тот самый небольшой поселок Актау, который мне пришлось впервые увидеть в 1962 году, стал сейчас областным городом с населением 120 тысяч человек, городом, снискавшим всемирное признание. Шевченко удостоен Золотой медали имени Патрика Амберкромби, которую Международная ассоциация архитекторов вручает раз в три года городу, наилучшим образом приспособившему неблагоприятную среду для обитания человека. Пятьдесят три города мира претендовали на том конкурсе на высшую награду — получил ее Шевченко. Это говорит о многом.

За создание этого города в 1977 году группе шевченковских архитекторов во главе с руководителем работ Александром Васильевичем Коротковым присуждена Государственная премия СССР.

Город начали строить в шестидесятом году, но его архитектурный замысел сложился еще раньше, хотя в ходе строительства он и претерпевал необходимые изменения, обогащаясь новыми композиционными решениями и идеями. И здесь важно отметить вот какой момент: авторы проекта города — ленинградцы, но они приехали жить и работать в строящийся Шевченко и как специалисты росли вместе с ним. Это дало им возможность осуществлять авторский надзор на каждом этапе строительства, вносить необходимые корректировки в детальную планировку микрорайонов; учитывая условия

жизни на пустынном полуострове, творчески относиться к тем красивым линиям ансамблей, которые были нарисованы еще в Ленинграде.

Шевченковцы, особенно те из них, кто приехал на эту землю в числе первых, когда здесь не было ровным счетом ничего, сейчас сами удивляются той красоте, которая окружает их. Кажется, пора бы и привыкнуть к этим залитым солнцем площадям, к зеленым бульварам и скверам, к фонтанам, к прекрасным домам, кинотеатрам, спортзалам, магазинам, кафе, лифтам, реактивным самолетам, телевидению, парусным регатам и... даже комисссионному магазину. Но ведь многие хорошо помнят, как на двадцати автомашинах прибыли сюда из Красноводска первый десант комсомольцев-строителей, как рыли землянки, строили первую подсобку, первый барак и первый дом из камня, который собрали на берегу моря. Как сажали первое дерево...

Среди тех, первых, был и Валентин Шапуев, их первый комсорг. Он остался верен этому городу, как остались верны ему и те, кто рос и мужал с ним — инженеры Юрий Васильев, Борис Борисов, Николай Алдыбаев, Виктор Барабаш, экономист Вера Иванова. Первым начальником штаба Всесоюзной ударной комсомольской стройки на комплексе освоения месторождений Манышлака был Владимир Савченко, инженер-геофизик. Сейчас он секретарь Манышлакского обкома партии. Никто из них тогда, в шестидесятом, не знал, каким будет этот город. Но чтобы такими — даже и не мечтали.

Итак, рыли землянки. Палатки тоже ставили, но немного: шквалий ветер — типичный сирокко летом, леденящий до костей зимой — заставлял прятаться в землю. Иного выхода не было. Бараки стали ставить позже, когда появились лес и стройматериалы. Бараков построили тоже немного, и, как говорится, слава богу! Сейчас рядом с великолепными домами из светлого манышлакского ракушечника и сборного железобетона, обрамленными по всему периметру глубокими лоджиями и коридорами в виде поэтажных террас, несколько бараков, которые остались с тех времен (правы строители: нет ничего более постоянного, чем временные сооружения), выглядят настолько долотоподобно, что к ним впору водить экскурсии — показывать, с чего начинали.

Правда, эти бараки есть только в одном микрорайоне — в том, который первым застраивался и озеленялся. А поскольку бараки одноэтажные, то летом они почти и не видны за буйно разросшимися деревьями и кустарниками.

Кстати, шевченковцы очень любят этот микрорайон — за спасительные тени и прохладу в летнюю жару, за пение птиц, которые облюбовали этот зеленый уголок, как никакой другой, за дурманящий запах свежескошенного сена в июньскую пору (здесь уже, наверное, лет десять подкашивают газоны). И еще — только в этом микрорайоне горожане, имея незанятое землю перед домами, развели небольшие приусадебные участки, где выращивают салат, лук, редиску, укроп...

Пример этих горожан оказался заразителен. Теперь у многих шевченковцев есть загородные садовые участки, урожай с которых не может не радовать: не в Подмосковье выращен — в пустыне!

Вода — вот то благо, которое позволило Шевченко стать таким городом, каким он стал. И воды этой... целое море. С морем связаны и мягкий, щадящий климат в прибрежном районе полуострова, и образ жизни горожан, предпочитающих отдых на море любому другому, и чисто эстетическое восприятие

того, что их окружает — от пейзажа за окном до редиски на грядке.

Море для Шевченко — это жизнь в самом прямом смысле слова, поскольку вся вода, которую город потребляет для своих нужд, — это морская вода — опресненная, специально приготовленная для питья, но морская! Поэтому о Шевченко сейчас говорят как о городе, «живущем в ХХI веке». Вероятно, в будущем во многих районах мира будет повторен опыт Шевченко.

Определение места Шевченко в ХХI веке было бы лестным, если бы этот скачок в будущее был совершен от хорошей жизни. Недостаток пресной воды на Манышлаке, равно как и в любом другом районе земли, не радость. В первые годы разворота работ на пустынном полуострове воду сюда завозили танкерами. А воды нужно было много. Очень много! Но где ее взять? Артезианские источники на самом полуострове проблему не решали. Опреснение морской воды в промышленных масштабах, над чем бьются во всем мире, чрезвычайно дорого. Прокладывать водоводы? Но откуда? От Волги? От Амурады? От Урала? Проекты такие выдвигались, но они не выдержали ни экономического, ни экологического экзамена. Так что же все-таки?

И все-таки опреснение! Шесть молодых шевченковских инженеров под руководством доктора технических наук Виталия Абрамовича Клячко нашли эффективный и дешевый способ опреснения морской воды в промышленных масштабах. Собственно, даже не способ как таковой — он известен давно и в принципе очень прост: воду надо вскипятить, а пар остыть. Но здесь есть две проблемы. Первая: соли морской воды, остающиеся при выпаривании в растворе, обволакивают стенки котла и трубок плотной шубой и преграждают доступ теплу. Что такое накипь, каждый знает на примере домашнего чайника. Но так то чайник, а то громадная испарительная установка, которую время от времени надо останавливать на ремонт — освобождать от накипи. А можно ли выпаривать воду без образования накипи? Известно, что над этой проблемой в Соединенных Штатах Америки бились более пятидесяти лет — и безрезультатно. А шевченковские инженеры ее решили. Потом зарубежные коллеги говорили им: «Вы удивили мир!» И это действительно так. Блестящая решенная инженерная задача была отмечена Ленинской премией.

Но была и другая проблема. Для опреснения морской воды требуется очень много тепла, то есть энергии. Затраты ее колоссальны, и пресная вода влетает в копеечку. Единственная возможность сделать пресную воду дешевой — использовать энергию атома. С этого в Шевченко и начали. Так что воду, которую сейчас получают с тамошних опреснителей, работающих на энергии от атомной станции, и соответственным образом приготовленную для питья, можно вполне сравнить и по цене и по качеству с водопроводной водой в каком-нибудь городе средней полосы России. Она лишь немножко дороже ее, а по вкусу не отличается совершенно ничем. Обыкновенная пресная вода!

До 50 тысяч тонн пресной воды в сутки — такова сегодня фактическая производительность шевченковских опреснительных установок. Получаемой пресной воды хватает не только для питья и бытовых нужд, но и промышленным предприятиям пустынного полуострова. Более того, «хватает» — не то слово: на каждого жителя города приходится по 450—500 литров воды в сутки — о такой норме лишь мечтают многие большие города Европы.

За промышленным экспериментом,

проводимым в таком крупном масштабе, пристально следят учёные всего мира. Их интерес к необычному городу вызван также и тем, что атомная электростанция, работающая здесь, в принципе отличается от атомных станций, сооруженных ранее в разных странах, в том числе и в СССР.

БН-350 — так она называется. БН — это быстрые нейтроны. 350 — это столько тысяч киловатт электроэнергии станция будет вырабатывать после вывода ее на полную мощность. Шевченковскую атомную станцию давно знают все физики мира. Описание реактора БН-350 в 1964 году было представлено на Женевской, в 1965 году — на Детройтской и в 1966 году — на Лондонской конференциях по атомной энергетике.

Не стоит, пожалуй, объяснять, что же из себя представляет реактор, работающий на быстрых нейтронах, достаточно сказать, что именно за такими реакторами, как уверяют физики, будущее атомной энергетики.

...Исполинский куб здания, где расположена атомная станция, в ясную погоду виден даже из центра Шевченко, хотя до него километров десять, не меньше. Атомная станция стала настолько привычной в индустриальном пейзаже окрестностей, что местные жители иногда даже забывают гостям ее показать: к ней привыкли, для шевченковца она что завод, что ТЭЦ, ну, в общем, обыкновенное производство.

А вот что говорят иностранные специалисты, оставившие свои записи в книге почетных посетителей Шевченковской АЭС:

«Мы поздравляем всех вас с успехом вашего быстрого реактора БН-350, который находит отражение в каждом деревне и в каждом доме вашего города...»

Дейнерт, глава делегации ученых и специалистов ФРГ.

«Город Шевченко — свидетельство того, как мудро может распорядиться человек своими знаниями в интересах цивилизации.»

То Чин Чай, министр по науке и технике Сингапура, Ахмат Маттер, министр образования Сингапура, и другие».

«...Шевченко сейчас, как оазис в пустыне, и, конечно, все из нас были приведены в восторг, увидев, как много было достигнуто здесь в самое короткое время.»

К. Блумфильд, директор научно-исследовательского центра (Англия).

Что можно еще к этому добавить, рассказывая о «шевченковском прецеденте»!

...Когда-то я от души смеялся, увидев на одном шевченковском доме вывеску «Плисс и Гофре». «Разве может маломальски уважающий себя город обойтись без этой вывески? — пытался я тогда острить. — Видано ли, чтобы где-нибудь осваивали пустынно без плиссированной юбки?»

Да, в то время, когда еще и города-то, как такового, не было, когда вокруг грохотала, дымила, пылила разворачивающаяся стройка, эта тривиальная вывесочка показалась мне затесавшейся сюда из другого мира, где все устроено, пригнано, приглажено, где правит бал Его Величество Быт. До этого ли, думая, я, Манышлаку?

Призываю: рассуждал я тогда через чур прямолинейно, и то, что я воспринял как казус, на поверку оказалось мудростью. И я уже знаю, как рассуждал тот руководитель, который принимал на ра-

боту неведомо как залетевшего сюда портного по пошиву женского платья.

— Значит, говорите, желаете на стройке работать? Кем же?

— Могу шофером. У меня есть права.

— Позвольте, но вы, судя по трудовой книжке, двадцать лет проработали портным?

— Да, но...

— Какие «но»? Делайте свои гофре, или как они там у вас называются... Дадим вам помещение под мастерскую. Ага, боитесь, заказов не будет? Верно, сначала, может, и немножко будет. Но мастерская должна быть. С вывеской. Художник нужен? Дадим. Сварганит вам вывеску, какую захотите. Плиссе и гофре? Пусть будет «Плиссе и гофре». Это даже очень прекрасно. А как вы насчет мини-юбок? Не одобряете? Ничего-о, взгляди свои на моду придется пересмотреть: молодежи у нас много. А через год-другой будет еще больше...

Частный, мелкий факт? А их, таких мелких и частных, было, знаете, сколько! Открыли же в городе комиссийный магазин, когда город не то что не начал стареть — в пеленках еще был... И сегодня мне сдается, что эти факты могли иметь место только в таком городе, как Шевченко. Только в таком городе, где его «отцы» ясно представляют себе, что будет нужно городу завтра, а потому готовят нужное загодя, а не тогда, когда гром грянет...

Стоит вообще сказать, что строительство города Шевченко есть пример комплексного освоения территории, где все сочеталось гармонично: и рост промышленных предприятий, и ввод в эксплуатацию жилья, детских садов, школ, магазинов, где быту, отдыху уделялось такое же серьезное внимание, как и производству.

Одновременное развитие предприятий по добыче полезных ископаемых и их переработке, освоение энергетических мощностей и создание города шло по строгому плану, где при всей разномасштабности стоящих перед строителями задач ни одна из них не решалась в ущерб другой. В результате здесь в кратчайшие сроки построили высокоразвитые предприятия стройиндустрии и химической промышленности, атомную станцию с опреснительными установками, завод по приготовлению питьевой воды и современный город.

Очень часто спрашивают: наверное, у руководства строительством Шевченко, его промышленной и энергетической зон стоял талантливый человек с недюжинными организаторскими способностями, непрекращающим авторитетом? Да, конечно. Как нельзя себе представить строительство Братской ГЭС без Наймушина, Красноярской — без Бочкина, открытие нефти и газа в Тюмени — без Эрвея, так невозможно представить себе и строительство города Шевченко без Григоряна — инженера, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственной премий и просто прекрасного человека.

Рубен Арамоисович Григорян приехал на Манышлак, когда ему еще не было и сорока. Твердая воля, энергия, целестремленность — качества, без которых немыслим современный руководитель, — были ему присущи в высшей степени, и в этом его подчиненные убедились очень скоро. Первый секретарь первого состава Шевченковского городского комитета комсомола Николай Корабельников вспоминает:

— Рубен Арамоисович Григорян — и я не могу не говорить об этом с признательностью — оказывал нашей организации очень большую помощь. Помню, он меня сразу ошеломил при первой же встрече. Вызвал своего секретаря и говорит ему, что, когда бы ни пришел товарищ Корабельников и как бы он,

Григорян, ни был бы занят, обязательно пропустить к нему. И добавил: «Комсомол надо ценить и уважать». И тут же вежливо порекомендовал мне бывать на планерках, чтобы быть в курсе всех хозяйственных дел.

Григорян был не по годам тучен, медлителен в движениях, малоразговорчив. Он не любил выступать на собраниях, а если уж говорил, то коротко, ясно, порой афористично. Чего, например, стоят его облетевшие весь полуостров слова о том, что «на Манышлак можно привезти все, кроме тени листвьев». И это не было фразой, сказанной походя. Григорян констатировал факт (будущие шевченковцы сделали было попытку заложить у моря парк, завезли на полуостров саженцы тополя и клена, но у них ничего не вышло: саженцы не принялись), и он же положил начало научному подходу к озеленению пустынной земли.

Из Алма-Аты была приглашена на Манышлак экспедиция Института ботаники Академии наук Казахской ССР. Руководитель экспедиции, кандидат биологических наук Вадим Васильевич Романович всегда находил у Григоряна безоговорочную поддержку. Нужна вода? Будет вода! Высокую траву надо поливать каждый день? Будем поливать каждый день. Разговор о ежедневном поливе происходит сегодня, а завтра у газонов уже ходят рабочие с водопроводными шлангами.

Город Шевченко одевался в зеленый наряд на глазах. И я помню, как от души смеялся Рубен Арамоисович, читая в областной газете жалобу одного шевченковца на то, что деревья и кустарники в городе так разрослись, что вечерами стало страшно ходить по улицам.

— Какая же это жалоба! — басил довольный Григорян. — Это панегирик нашим ботаникам. Я бы на месте Романовича вырезал эту заметку из газеты и вклейил ее в отчет экспедиции о проделанной работе. На всех бы так жаловались! Он тут, правда, еще пишет, что электрического света на улицах мало-вато. Ну что ж, вот пустим атомную и зальем город светом. Свет — это не проблема...

За зеленую траву, за тень листвы в городе — есть она или нет ее — Григорян перед страной не отвечал. За атомную электростанцию отвечал. Но у хорошего хозяина, верно говорят, прорех не бывает, и если он шлет себе дорогой выходной костюм, то у него всегда есть в чем выйти на люди в будни.

И как здесь не вспомнить старую поговорку: «Встречают по одежке, а провожают по уму». Гости, уезжая из Шевченко, говорят: «Грандиозно!», «Восхитительно!», «Молодцы!».

Прекрасно, когда есть ум, но вдвое прекрасно, когда есть и одежка по уму.

...Можно представить себе, что наступит такое время, когда восхищение будет вызывать не только Шевченко, но все города и поселки Манышлака, которые станут поистине оазисами в пустыне. Мечта? Да, но она так же реальная, как реально мы видим сегодня город Шевченко, явивший яркий пример того, как надо осваивать трудную землю, и давший предметный урок гармонии бытия.

...Шевченко называют городом молодости. И не только потому, что средний возраст его жителей комсомольский, — город весь устремлен в будущее. Трудно, конечно, сказать, каким он будет в XXI веке. Но хотелось бы оказаться там в 2017 году, когда комсомольцы другого века будут вскрывать и читать послание, адресованное им комсомольцами 60-х годов века минувшего, и убедиться в том, что мечты и чаяния моего поколения — моих друзей и товарищей — стали явью.

БИБЛИОТЕКА «СМЕНЫ» НА УРЕНГОЕ

Как мы уже рассказывали в предыдущих номерах, редакция журнала «Смена» выступила с инициативой создания в поселке Новый Уренгой библиотеки на 25 тысяч томов. Журнал обратился к читателям: давайте вместе, общими усилиями создадим библиотеку.

Читатели горячо откликнулись на наш призыв. Сотни книг поступили в редакцию и уже отправлены в Новый Уренгой. И на каждой — теплые пожелания комсомольцам-добровольцам Нового Уренгоя. «Дорогие уренгойцы! С удовольствием откликаюсь на просьбу журнала «Смена» отправить книги для библиотеки вам, молодым патриотам. Посылаю свой, пока первый взнос. Желаю вам, молодые строители ударного отряда имени XVIII съезда ВЛКСМ, больших успехов в нелегком, но благородном труде и огромного счастья», — пишет токарь из Улан-Удэ Светлана Полхонова. А вот письмо из Джамбулского педагогического института: «Коллектив нашей библиотеки прочитал в журнале «Смена» о создании библиотеки в поселке Новый Уренгой. Мы решили внести скромную лепту в комплектование библиотеки. Желаем вам, молодые строители Сибири, успехов в труде, учебе, большого счастья». (Всего 12 подписей.)

Пополняется и «золотой фонд» будущей библиотеки — книги советских писателей с их дарственными надписями бойцам строительного отряда имени XVIII съезда ВЛКСМ в Новом Уренгое. На сегодня «золотой фонд» пополнили: Сергей Баруздин, Григорий Бакланов, Алексей Белянинов, Сергей Викулов, Юрий Грачевский, Григорий Ершов, Марк Ефетов, Александр Казанцев, Алим Кешиков, Станислав Куниев, Игорь Кобзев, Александр Капустин, Афанасий Коптелов, Борис Леонов, Александр Меньчуков, Эдип Маликов, Игорь Мотылев, Сергей Наровчатов, Лидия Обухова, Дмитрий Ольченко, Радий Поздонский, Василий Панцулай, Виталий Полупуднев, Витаускас Петкявичюс, Иван Рахилло, Виктор Стариков, Илья Симаненков, Владимир Синенко, Николай Сизов, Игорь Тарабукин, Петр Усачев, Микола Упеник, Илья Фоняков, Майя Флорова, Иван Ханаев, Вадим Халупович, Михаил Чернолусский, Мариэтта Шагинян, Алексей Шеметов, Валерий Шевчук, Игорь Шелест, Александр Шелудяков, Михаил Шушкевич, Георгий Юрченко, Даниил Яшин.

Ждем ваших книг, товарищи!

Напоминаем наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, журнал «Смена». Повторяем, литература может быть любой: художественной, политической, научной, учебной — интересы молодых строителей поистине неограниченны.

K

онфликт человека-творца с потребителем теряется в неизбранных давних временах. Еще на заре земледелия хлебороб победил собирателя и охотника, ничуть не задумываясь, правда, над тем, что способствует смене эпох. Что, спасая себя и себе подобных от голода, он решает и высшего плана задачу, и, перейдя от присвоения готовых продуктов природы к производящему, как говорят сейчас историки, хозяйству, он вместе с тем обретает и нечто такое, что помогает ему выбиться на созидательный простор. Но, слишком увлеченный актом производства неведомых ему дотоле благ, человек с союзом упустил одно важное обстоятельство: его соперник — человек с копьем — совсем из истории не ушел, он лишь мирно ловил себе неводом рыбу, пока не подоспел технический прогресс. Вот тут-то и стало для всех очевидным, что спор между ними еще не решен. Что у эпохи присвоения и у эпохи созидания свои, несвенные счеты. И если «дать» не остановит «взять», то безобидный некогда промысел превратит океанские воды в пустыню, а это значит, что в пустыню обратится мир: ведь океан, он пять шестых земного шара...

именно в этом году рыболовная Республика Эстония намерена выращивать в своих прибрежных водах (заметьте, не ловить, а выращивать!) более тысячи тонн рыбы! Это, правда, лишь какая-то доля того, что добывает флот Республики сегодня в океане, но не всякая доля может быть измерена цифрами.

В кабинете у Лейно беспрестанно звонит телефон: Рига, Пярну, Хаапсалу, Калининград — если для кого-нибудь аквакультура и новая наука, то для него довольно хлопотная практика, да к тому же на стадии становления, когда, как сетует он, «либо вообще нет условий для эксперимента, либо чисто эксперимент поставить нельзя». И научный сотрудник — один в триедином лице: ученый, завхоз и подсобный рабочий — нащупывая нормы в кормах и температурных режимах, определяя плотность посадки, решает — быть в Республике аквакультуре или не быть?

Естественно, здесь больше говорят о том, чего пока что нет. Нет гранулированных кормов. И в бухте Кыйгусте, где два кандидата наук Март Кангур и Ирина Щукина «набирали статистику», то есть вылавливали из садков форель, чтобы взвесить, сосчитать, сделать запись в журнале и, сев на весла, отправиться к следующим, мне было сказано, что без этих самых кормов аквакульту-

ресс — приобщение добытчика к созиданию. И если с угревом пока что не повезло: у кировцев он в бассейне погиб, а полмиллиона запущенных в бухту мальков, может статься, растворятся в «полустекловых условиях» бессследно (мальками может лакомиться окунь, они могут погибнуть от весенних холода), если бестер у кировцев хоть и радует глаз, однако еще не рентабелен, то приобщение ведь только начинается. С кормами, с хозяйствственно-технологических забот — плавучим должен быть садок или на якорях? — пока в один прекрасный день не станет для всех очевидным, что начинаться оно должно с человека. Что приобщение к созиданию — это прежде всего приобщение к пониманию. И Аннес Валгмаа, беря под защиту «ключи», прекрасно отдает себе отчет, что не поднять ему на острове форелеводства, не приобщив к созидательным целям мелиораторов. Что угреводство будет обречено без приобщения к биологии угря колхозников — разве ведом им сегодня тот уникальнейший «механизм» (глубины Саргассова моря, течение Гольфстрим, прохладные воды Прибалтики), которым не одну тысячу лет природа этот вид «страхует» от вымирания? Аквакультура задевает способ мышления и требует принципиально новых методов

нологию, придется тоже немало «сообщать», но уже не по хваткой программе когда-то живших здесь добытчиков и контрабандистов.

Человек в океане пока еще ведет себя так, будто не было на свете сказки о рыбаке и рыбе. Он строит корабли с неограниченным районом плавания и неустанно обновляет добывающую мощь супертралами, суперневодами, суперснейнерами, чтобы ловить все дальше, все глубже, все дальше. Он использует самолеты и спутники, чтобы обнаружить рыбы косяки. Он увеличивает силу двигателей и развивает фантастические скорости, чтобы рыбу догнать и загнать ее в тралы новейших конструкций. А если изучает в лабораториях рыб, то с целью усовершенствовать бессетевые способы лова: на шум, на запах, на цвет, на свет.

А между тем огромность океана, как, впрочем, и его безответственность, обманчивы. И если много лет подряд, подчиняясь технической силе, он выплачивал нам серебристую дань, то сегодня положение изменилось, и нам самим ее приходится платить в виде постоянно падающей фондотдачи.

Уже закрыты для промысла сельди Норвежское, Северное и Баренцево моря, понизились уловы пикши и трески, запасы хека находятся под вопросом. У

Эра ДАНИЛОВА.

ГОЛУБАЯ

У ИСТОКОВ ЖИЗНИ.

Как наука аквакультура еще не сложилась, слово новое в обиходе не прижилось. А между тем специалисты не только прикинули, но и в цифрах уже просчитали все выгоды ее и преимущества перед агрокультурой, старшей сестрой. Подводному полю ни засуха, ни зрозия не страшны, истощение почвы тоже полностью исключается — достаточно вспахать морское дно, чтобы «массив» оказался удобренным: глубина плодородного слоя 180—200 метров (против метра на суше), да и объем примерно в тысячу раз больше объема всех сухопутных почв. Аквакультура в будущем сулит изобилие и животного протеина, хотя и сегодня ни одна сухопутная ферма не в состоянии соперничать с урожаями устричных ферм. Акватехника, акванавтика, аквакимия, аквакомия обещают раздвинуть границы аквавозможностей. Трактора и комбайны с дистанционным управлением. Плавучие атомные реакторы, способные в любом участке моря обеспечить подогрев воды, чтобы рыба могла расти и зимой. «Механические киты», перерабатывающие планктон в белковые продукты, морские одомашненные животные в вольерах с электронным заграждением, обученные человеком дельфины, которые уже не кузыкаются бездумно, а, как овчарки на суше, пасут в океане рыбы стада...

Олев Лейно, руководитель Таллинского отделения Балтийского научно-исследовательского института рыбного хозяйства, прекрасно отдает себе отчет, сколь далеко от наших дней эта аквандилля, и тем не менее уже сегодня прокладывает к ней вполне реальные пути. До дельфинов, конечно, еще далеко, до китов механических — тоже, но до восьмидесятого года не очень. А

ра за пределы научных рекомендаций не выйдет. Нет разработок по выращиванию в условиях Балтики бестера — гибрида белуги и стерляди, хотя столичные ученые здесь с бестером работают давно. И в колхозе имени Кирова, в аквакомии Котка, где главный рыбовод биолог Ану Херман показывала своих «гостей» (даже не верилось, что острорылые стремительные рыбы килограмма на полтора завезены сюда год назад, всего лишь трехграммовыми мальками!), мне сказали, что бестера приходится выращивать на ощупь, что помощи от столичных ученых пока еще нет. Нет понимания аквапроблем и у осушителей болот — мелиораторов. И Аннес Валгмаа, недавний студент биофака, что ставит первые садки с форелью в прибрежных водах острова Сааремаа, немало озабочен тем, что, расширяя колхозную пашню, мелиораторы истощают пресноводные ключи, задевая интересы не только форелеводства.

Аквакультура только начинается, и ничего нет удивительного в том, что многое пока что нет. Но, покрутив с Ану Херман по рыбным хозяйствам колхоза, побывав в Пяриспее, где уже воздвигнут комплекс бассейнов (шесть насосов, три кубометра воды в секунду, двести тонн продукции в год), осмотрев рукотворную бухту на острове Сааремаа (двести двадцать гектаров синего поля) и сопоставив увиденное с услышанным, приходишь к выводу: все то, что уже есть, скорее все-таки много, а не мало. Не потому, что комплекс в Пяриспее, где на морской воде собираются «пробовать бестера», станет крупнейшим хозяйством в Союзе. Не потому, что закрытая бухта на Сааремаа — «полустекловые условия для выращивания угря» — самый большой морской водоем. А потому, что в сложном рыбном деле идет глобальной важности про-

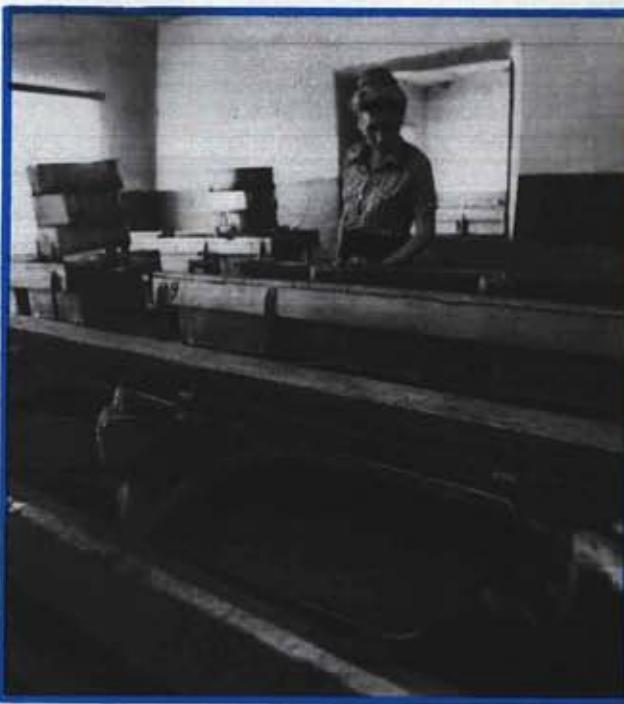
ведения хозяйства. Где выгода сегодняшнего дня не заслоняет завтрашний убыток. Где никогда не конфликтуют узкоживотственные и общенародные интересы. Где ценится не изворотливая хватка промысловика, не потребительская, а творческая активность.

И Ану Херман, разработав дерзкий план — наладить собственной колхозной силой сначала инкубацию икры, а в будущем и полное воспроизводство бестера, уже пускает в ход ее преобразующую силу. Ведь тем, кто будет в Пяриспее (что в переводе значит «настоящая голова») осваивать новую тех-

перуанских берегов ловят сегодня в три раза меньше анчоуса, хотя недавно брали десять миллионов тонн в сезон. В восточной части Тихого океана не промышляют желтоперого тунца, а в северо-западной — передели бесчисленные некогда стада горбушки. Да и на Балтике, как сообщила мне отвлекаемый международными звонками Лейно, лет пять уже как введен лимит на салаку.

Вот почему немалая часть его научного дня посвящена форелеводческой индустрии.

...Поначалу это кажется невозможным. Мальки форели нуждаются в прес-

БЕСТЕР
РУКОТВОРНЫЙ.

ЖИВАЯ
ИНДУСТРИЯ.

ной воде, а в Эстонии источники маломощны, да и те порой исчезают быстрее, чем бывают готовы проекты по их освоению. К тому же на все эти аквасооружения — выростные и нагульные пруды, инкубационные цехи, морские аквариумы, соединительные каналы, передвижные мостки — нужны вложения, и немалые. Получить их, однако, нельзя, поскольку средства размещены в рыбодобывчие: пить-есть населению надо, а океан как-никак дает двадцать процентов белка, три и четыре десятых грамма на душу в сутки — бытие, так сказать, определяет сознание...

— Значит, выхода нет? Задача из разряда нерешаемых?

— Это как посмотреть, — отвечает уклончиво Лейно. — Здесь, может быть, как раз тот самый случай, когда сознание способно определить бытие.

Маломощны источники пресной воды? Зато ими богаты Карпаты, и лично Лейно не видит причин, которые могли бы помешать скопогенерировать усилия двух союзных республик. Он просит эту мысль в печати отразить и засыпает меня ворохом примеров, как, не вступая в конфликт с биоресурсами океана, повысить резервы в нем добываемого

НОВОСЕЛЬЕ В РЫБНОМ ДОМЕ.

Биознергетический комплекс — это завтрашний день акванидустрии, но познакомиться с ним можно сегодня, и даже не выезжая из Москвы. На Соколе, в здании «Гидропроекта», сверху донизу заполненном энергетиками, в одной из комнат двадцать второго этажа трудятся рыболовы. Тесно заставленные столами, забитую чертежами и схемами, комнату эту по виду не отличить от других, а между тем именно здесь, в лаборатории рыбохозяйственных исследований, заключают в броню оптимальных расчетов и цифр те созидательные идеи, которым надлежит в ближайшем будущем основательно потрясти добывающий мир.

С Людмилой Анатольевной Корнеевой, старшим научным сотрудником, мы вполголоса, чтобы не мешать другим, беседуем в уголке.

Да, чертежи Курской атомной станции на столах ихтиологов сегодня не случайны, как не случаен и производственный интерес энергетика к индустриальным методам выращивания рыб: две эти отрасли давно и прочно связаны противоречием, и лишь сейчас аквакультура начинает снимать устоявшийся многолетний антагонизм, побочное энергетическое зло преобразуя, так сказать, во благо. Тепловое загрязнение биосфера? Перекрытые плотинами рыбоходы

варного выращивания уже обследованы водоемы-охладители московских тепловых электростанций и в разговорах о задачах завтрашнего дня уже присутствует вопрос — как сокращать срок его созревания (ведь удалось же получить икру от нашего ленского осетра на пятом, а не восемнадцатом году, как обычно!); если живорыбные заводы дают миллиарды мальков еще вчера не обитавших на нашем континенте видов, то разве не причастны ко всем перечисленным достижениям энергетики? Перекрыв плотинами реки, они активизировали ихтиологическую мысль!

У Людмилы Анатольевны Корнеевой с биокомплексом связи семейные. Еще в начале шестидесятых она и муж, два молодых специалиста ВНИИ прудового и рыбного хозяйства, поселившись в палатке на берегу водоема Электрогорской ТЭС, чтобы отработать биотехнику садкового выращивания карпа, получили нерядовой результат — сто пятьдесят килограммов с метра квадратного. К этому результату проявили интерес и за рубежом. Направление это было признано перспективным, а в институте появилась новая лаборатория, которую возглавил Александр Никитович Корнеев, а Людмила Анатольевна перешла работать в «Гидропроект».

дителей: быстрый рост и размеры белуги в нем сочетаются с отменным вкусом стерляди, он может жить как в пресной, так и в морской воде, а, главное, давать потомство, чего гибриды, как правило, лишены. Или зимостойчивый ропшинский карп, что удалось получить, скрестив карпа с сазаном, В. С. Кирпичникову. Или карп украинский, что создан в результате жесткого сорокалетнего отбора А. И. Куземой. А коллекция американских рыб, быстрорастущих, экономичных, с прекрасными гастроэническими качествами, что вид за видом выводят на индустриальный плацдарм король акклиматизации В. В. Виноградов! Миллион мальков буффало уже запущен в Кубанское море, из эмбриона в штучном эксперименте получен экзотический веслонос — «толстолобик с черной икрой и мясом осетра». А на прицеле уже рыбы Индии, которых биоэнергетический комплекс позволит селить хоть под боком у белых медведей. А там Австралия, Африка, южноамериканские виды... Ревизия ихтиофауны планеты идет полным ходом, и, решая проблему белка (пить-есть населению надо), ученые вместе с тем создают уникальный генетический фонд — гарантия сохранения и улучшения видов для будущих поколений. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров «О мерах по

ПАШНЯ

Фото
Юрия
КРАМИНОВА.

белка. Можно, как это делают в Швеции, икру форели транспортировать в богатые кислородом горные реки, а через год везти мальков обратно к морю, на юг. Можно, как это делают в Польше, получить дополнительный вес за счет изменения продолжительности светового дня. Или, как в Шотландии, вносить в залив азотно-фосфорные удобрения и, подняв урожайность фитопланктона, втрой убыстрить рост рыбы. Или, как делают у нас мурманчане, переселять горбушу из тихоокеанских в северные воды, где она вырастает крупнее, чем в водах родных...

на нерестилища? Но бросовое тепло электростанций, как показал недавно сделанный расчет, — это два миллиона двести тысяч дополнительных центнеров рыбы (даже без учета строящихся атомных!). Избыточная растительность, вызывающая гниение водоемов, — прекрасный корм для белого амура и толстолобика, этих «водяных коров», завезенных недавно из Азии. А что касается отрезанных нерестилищ, то здесь, как говорят, нет худа без добра. И если сегодня Курской атомной планируют производство гибрида белуги и стерляди — бестера: если на предмет его то-

в лаборатории рыбохозяйственных исследований «Гидропроекта» открытый не делают, здесь с помощью электронно-счетных устройств минимизируют, усредняют, оптимизируют то, что уже открыто другими, «исходят из того, что уже есть». Но есть, как выясняется, немало, и, чтобы плод многолетних усилий генетиков, селекционеров, специалистов по акклиматизации увидел на конец-то свет, дошел до массового потребителя, им здесь в бесчисленных вариациях ситуаций приходится сводить сотни самых различных параметров, отыскивая оптимум в стыковке. Как говорит Людмила Анатольевна, чтобы энергетик в убытке не оказался и рыболов с потребителем не страдал.

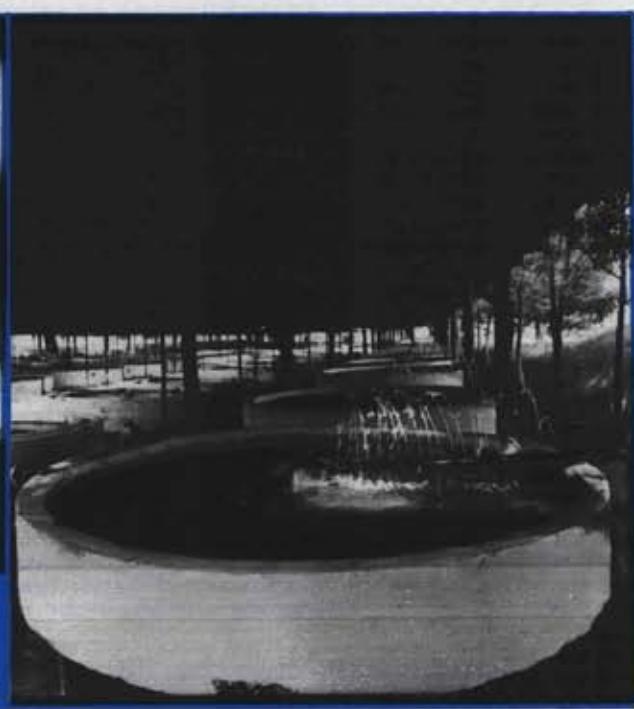
Не думайте, что это просто — в середине двадцатого века, да к тому же у себя под ногами открыть еще один океан. Где все не так, как в известных уже четырех: улов не ставится в зависимость от случая, и называют его урожаем, поиск новых районов заменяется поиском новых законов, а мощь внушиительной добывающей техники упраздняет невидимый генетический код. Лаборатория — это, по сути дела, штаб, где сходятся глубокий тыл науки и передний производственный край, индустрия и творчество, хозрасчет и генетика, где искусственные в гидротехнике, гидрохимии, гидрологии, в экономике и математике ихтиологии, умело калькулируя баланс «добра» и «зла», проектируют безотходное производство. И если у добытчика диапазон возможностей неизбежно сужается: прекрасная сельдь вытесняет хек, съедобного камчатского краба — непромысловый краб-стригун, то здесь, наоборот, не только улучшаются давно сложившиеся виды (племенной окунь, племенной карп, племенной сиг — разве не звучит?), но создаются и совершенно новые образцы. Так, бестер унаследовал лишь лучшие качества ро-

ТАК НАЧИНАЕТСЯ РАБОЧИЙ ДЕНЬ НА ПОДВОДНОЙ ФЕРМЕ.

далнейшему развитию рыбоводства и увеличению вылова рыбы в пресноводных водоемах страны», в котором предусмотрено усилить и научные исследования, — этой работе большая поддержка.

...Это не сегодня началось. Сто с лишним лет назад норвежец Свен Фойн изобрел гарпунную пушку, чтобы эффективно добывать китов. А наш биолог В. П. Власский в те же годы основал рыболовный завод, где разработал «русский сухой способ оплодотворения икры», положив тем начало современной рыболовной индустрии. Лет тридцать спустя продолжатель его опытов О. А. Гримм сделал вывод, что от гибридов осетровых можно получить потомство (Николюкин доказал это практически). А соотечественник Фойна — Свердруп в те же годы построил салютопный плавучий завод, прототип современного плавбазы. Да и сегодня одни изучают, как ведет себя рыба в трахах, другие создают генетический фонд. Создание и потребление всегда пребывали в конфликте, но здесь, на биокомплексе, их исторические счеты потеряли всякий смысл. И то, что для добытчика — объект рыболовного промысла, а дляченного — звено в бесконечной цепи эволюции, вдруг оказалось замкнуто в единий технологический цикл, где «взять» не подавляет «дать», где нет так называемых отходов производства, где главный двигатель не лошадина сила, а созидающая человеческая мысль.

Черная икра на Курской атомной?
Стада осетровых в Москве?
Рыбы Индии в широтах Заполярья?
А почему бы и нет?

«ЯСЛИ»
ДЛЯ МАЛЬКОВ.

Екатерина Мосина родилась в 1955 году в Москве. После окончания средней школы поступила в школу-студию при МХАТе на постановочный факультет. Теперь принятая в ассистентуру института при кафедре искусствоведения.

Стихи Катя начала писать рано, еще со школьной скамьи. И хотя первые ее попытки несли в себе много подражательного, за строками можно было почувствовать личность неизуздную, тонкую, хорошо владеющую слогом.

Долгое время Катя не решалась опубликовать свои стихи, хотя были для этого возможности. Это ее первая проба выйти на суд широкого читателя.

И хотя Катя не профессиональный поэт, думается, что она уже не сможет бросить писать стихи, а талант, если он есть, всегда найдет для себя верную дорогу.

Я не знаю, станет ли Катя профессиональным поэтом, но очевидно одно — она человек одаренный, и способности ее так или иначе в поэзии ли, в искусствоведческой ли деятельности всегда найдут возможность проявиться.

Сергей МИХАЛКОВ

НОВОЕ ИМЯ

Екатерина МОСИНА Февральский снег

Снежинки сказочно большие
Летят к тебе; они, упав,
Как будто намертво пришли
Морозами на твой рукав.
В полете презирая явь,
То светятся, как фосфориты,
И, не успевши потускнеть,
Кружатся, делают кульбиты,
То замирают в полусне...
И я, как тот февральский снег,
Прильнув к тебе, прошу защиты.

НОВОЕ ИМЯ

Александр БУРАВСКИЙ

«Выход в город» — так будет называться первая книга двадцати трехлетнего поэта Александра Буравского, усмотревшего в примелькавшейся табличке московского метро символ выхода поэзии в жизнь, к читателю, выхода «подземных чувств» на «резкий свет исповеди» перед всеми. Если иногда лгут даже в исповеди — на ухо только одному священнику, то бывает, что лгут и в исповеди перед читателями. Но какая же это тогда исповедь!

В стихах Буравского есть определенный процент заемности, в частности, иногда явственно проступающая интонация еще не преодоленного ик Вознесенского. Но вместе с тем есть и свое, неприобретенное. Очень важное качество Буравского — это отсутствие самоуспокоенности, человеческая живая нервинка, ощущение музыки тревожности в нашем прекрасном, но еще несовершенном мире, неравнодушные к боли других людей, а не только привязанность к боли собственной, мучительная попытка найти себя в мире и мир в себе.

Молодому поэту, конечно, можно помочь советами, но главный совет содержит в опыте все нашей поэзии. Молодого поэта, конечно, можно редактировать, но он сам должен быть главным редактором своей поэзии. Только тогда из категории «молодой поэт» он может перейти в категорию «поэт» — без прилагательных.

Евгений ЕВТУШЕНКО

Я просыпался рано-рано утром, с крыльца сбегал к колодцу босиком, и обливался из ведра, и ухал, и запивал все это молоком. Хотелось в лес! Но поджимали сроки: я находился здесь в командировке, я толкал с удarnыми людьми.

Ну, а они судили все о жизни (непостижим суждений был масштаб), и добавляли: «Ты проблемку тисни! Чего уж там, коль ты писать мастак!»

Меня поили — и не только чаем, с селедочкой поили или — без, и все казалось мне: не замечали небес над миром, ну, а в мире — лес. А в общем — что? Они ж съели по горло и почвой разбухший и дождем. Они уйдут за изумлением — в город, как мы за ним — из города уйдем. Ужель дано природою и кровью: жить — поживать незряче да темно и в слепоте своем дарить любовью лишь то на свете, что нам не дано?!

Из недр метро, из тайны живота — давно, в родильном доме номер сорок, из детства, из-за парты, из листа уютной долгой книги — выйти в город! А если слово изнутри взойдет и словом будет скатый рот распорот — то это, наконец, произойдет еще один, мой главный выход в город.

Всегда на каждой станции метро, вися над эскалатором хитро, в глаза мне смотрит пристально, с укором привычная табличка: «Выход в город». Все очень просто: в город — значит, вверх тянуться на ступенечке нескорой и дотянуться, выйти — в люди, в век, в пробег проспекта, в радость, в горечь — в город!

Финский залив

Заморским шелком вышитый шатер —
Раскинулся закат многополосный,
И, будто бы пронзившие бугор,
Ему печальным пеньем отвечают сосны.

То тише, то сильней звучит громадный хор,
И словно сквозь дымок бумаги папиросной
Последний луч касается песка
И покрывает дюны позолотой...

Письмо

Клянусь тебе — плакать не буду,
А ты и за труд не сочи:
Письмо перешли мне оттуда
И сам его вслух мне прочти.

На зимней белесой бумаге
Пером заостренных вершин
(А кляксы — бугры и овраги)
Ты это письмо написи.

Пусть пахнет капелью и течью
Посланье твое в никуда —
Акцентом Замоскворечья
Захлебывающаяся вода.

В промерзлой ледовой ступе
Открывшаяся полынья
Пускай захлестнет и погубит
Твоим возвращением меня.

Письмо пусть колотит и вертит
Надтреснутый мир заодно.
Хоть адреса нет на конверте,
Я знаю, откуда оно...

Учителю

Гудели в полный вздох мехи
И пламенем играли горны,
Чтоб ярой массою стихи
Лились в законченные формы.

Чтоб лава мчалась и росла
И стыла строгостью в финале.
Так от него мы ремесла
Секреты древние узнали.

Он рассказал нам, как богат
Окраской каждый отзвук в слоге,
Как искры строк порой летят
И могут оставлять ожоги.

Нас, вынужденных вчера,
С огнем на равных быть готовы,
Он зорко прочил в Мастера —
Не в подмастерья пустословья.

Смотреть в глаза любым кострам,
Ослепнуть иль прозреть рискуя,—
Его девиз. Он отдал нам
Весь этот мир под мастерскую.

Переминающийся суетливо,
жду: опускается лифт,
как надвигается будущий ливень —
гулок и непороплив.

Услышал кабину и в ней человека,
и в этот самый момент
лифт появился, как будто монетка
в окошке «Возврат монет».

Миную пролеты, толкнувшись снизу,
на пятый этаж качусь.
Занят спокойнейшим из альпинизмов.
Добавьте риска чуть-чуть!

Погиб мой друг — нелепо! — Лёвкин Слава.
...В тот час, когда погиб, светились слабо
зеленоватым фосфором часы:
полтретьего. И ночь была сырой,
яшел один пустынной мостовою
с наивной надеждой взять такси.

...Когда столкнулись с лязгом две машины
и в двух машинах умерли мужчины,—
я сигарету в пальцах разминал,
чуть нервничал, что поздно возвращаюсь,
и самыми далекими вещами
свой мозг ночной устало занимал.

...Когда две «Скорых» и патруль на место
аварии приехали и — вместо
спасения — взглянувший доктор лишь
мог констатировать — у всех! — исход летальный,—
яшел домой дорогою недальной
и прошел патруль в тиши: «Какая тиши!»

...Когда отец разбившегося Славы
из мorga вышел, поседевший сразу,
и в тишине побрел по мостовой,—
я лег в постель, бесшумно и тщедушно,
и с холодящей ласково подушкой
соприкоснулся сонной головой.

...С тех пор живу среди множества событий:
обманываюсь сенью чаепитий,
беседами, гитарой без струны,
вяжу в плоты свои четверостишия...
Но только не обманываюсь тишию —
мне слышен лязг под спудом тишины!

Версты мужества

Помню первое впечатление от романа А. Ананьева «Танки идут ромбом», появившегося в середине шестидесятых годов. Что было, как мне показалось, воздухом книги?

Война отняла у молодых многое молодости. И прошло не мало времени, прежде чем бывшие фронтовики поняли, насколько велик в душах запас нерастраченной юности, которая слилась со зрелостью и еще ярче проявилась в ней. Оставшиеся в живых по-новому пересмыслили все, что, помимо смерти, страданий и слез, окружало их на войне: радость бытия, солнце, деревья, цветы, родственные узы, привязанность к родной земле.

В каждом фразе ананьевских романов ощущается это счастье — счастье человека, художника, знающего, куда вели фронтовые дороги, какой сладкой была победа и как дорого тепло, которое осталось в душе от прошлого и согревает ветеранов ныне.

А это настроение, это мироощущение заставляют писателя быть щедрым на подробности. Ему важно, чтобы его мир сохранился целиком и полностью, со всеми запахами и красками, со всеми надеждами и болями.

Ананьев немногословен, он лаконичен до предела:

— Третья...

— Что считаешь?

— Цигарки. Прошлый раз на четвертой «юнкерсы» начали бомбить.

— И охота тебе?

А если фраза велика — вместе со словами в ней просторно ритму мыслей и чувств; в ней простирается жизнь — той, что дарит нам чуткое перо писателя.

В «Верстах любви», «Меже», «Козырях монаха Григория», «Федоре Ивановиче» — та же самая жизнь, сложная и подробная, освещенная светом мысли автора.

Анатолий Ананьев должен раскрыть каждый миг изображаемой жизни, и он это делает — по-своему, убедительно, интересно. Вот «Козыри», например, — здесь все дышит предметностью, материальностью, противопоставляемой худосочности, убогости, реакционности кашинских «идей»; вот они, грубо отштукатуренные глиной с соломой, стены, не застланная и не заправленная одеялом железнная кровать, пожарные машины, темный забор, проколенный в нескольких местах пиджак, между вдоль пшеничного поля... Боясь праздного пустословия, писатель больше всего доверяет именно этой предметности.

Точно так же подобен он убедителен в внутренний мир действующих лиц в книгах Ананьева. Вот, скажем, взять бы и оставить немолодого мужчину (в «Федоре Ивановиче») одного в купе — пусть себе смотрит в вагонное окошко, думает, вспоминает... Но нет. Автор понимает, что здесь необходимо еще его присутствие, что его

мысль должна дополнить мысль Федора Ивановича.

Проза Анатолия Ананьева хорошо отражает диалектику современной действительности, которая беспощадно побивает козыри Григория Каширина, смеяется будни кровавого труда и потерь солнечными днями, дает жить мештаковскому миру, начинающемуся для нас «как бы по второму кругу», позволяет Володину одолевать неодолимое, возвращающее полковнику Пашенцеву право на будущее, выдвигает над могилой регулировщицы Люды Морозовой фанерную звезду, вырывается со своими противоречиями в сердце далеко не юного человека — сердце, которое он считал таким защищенным...

Двухтомник (изд-во «Художественная литература», 1977 г.) позволяет более глубоко оценить творчество Анатолия Ананьева, являющееся органическим сплавом подлинного драматизма и тонкого лиризма. Это событие радостное.

Владимир МОЩЕНКО

ФАНТАСТИКА

Путь к себе

Новая книга известного писателя-фантаста, публициста Владимира Ивановича Немцова «Параллели сходятся» («Молодая гвардия», 1975 г.) представляет собою чтение не только увлекательное, но и поучительное. Это как бы пропущенная через размышления о том, что такое творчество, автобиография писателя. Книга повествует о времени и о том месте, которое занимает человек в современности, человек творческий, писатель в частности. Одной из глав предложено следующее — по сути, концентрирующее замысел книги — небольшое предисловие: «Здесь рассказывается о беспокойной юности, когда человек ищет себя, свою единственную любовь, свое призвание. Я не был однолюбом и метался по разным параллелям... Для молодого хочу подсказать: смотри, сколько интересного в жизни. Все, что познаешь на творческих параллелях, отложится в памяти сердца и твоих руках мастера. Испытай, попробуй познать радость творения. Отдай ему все силы, весь жар души, и тогда поймешь счастье быть человеком».

Не простая дорога пролегла между юным рабфаковцем из Тулы, живым, любознательным, бурящимся горячо за любое дело, и писателем, известным своим произведениями, ставящими большие нравственные проблемы. Не простая, но единственно верная дорога, как бы утверждает писатель.

Многое встречалось Вл. Немцову в пути, заставляя будущего прозаика останавливаться, пробовать свои силы в новом деле, пристальноглядеться в нового человека. Юный Вл. Немцов писал стихи и читал их самому Маяковскому, выступал в роли режиссера и сценариста, участвовал в «Синей блузке», рисовал карикатуры, работал в газете, потом стал заниматься радиотехникой, и не любительски, а изобретая, создавая новые формы радиопередатчиков. Насколько серьезным было это увлечение, говорит хотя бы

один факт из многих: Вл. Немцов во время войны был директором радиозавода!

И все же «главная жизнь» только начиналась: у вполне зрелого человека были впереди и первая книга, и первый читатель, и первое, по-настоящему большое удовлетворение от работы.

Есть о чем поразмыслить молодому читателю этой глубокой, объемной книги.

«...Параллели сходятся» — это название звучит несколько парадоксально, но в поисках жизненных путей мне пришлось убедиться, что творческий процесс, — говорит писатель, — как таковой, у художника, литератора, актера, конструктора, изобретателя, по существу, общий и отличается лишь суммой накопленных знаний в разных областях трудовой деятельности человечества».

Значит, не так уж «плохо», что послужил ты в армии, поработал на заводе, поездил по стройкам, может быть, ходил в море на рыболовецком сеннере или в составе геологической партии работал простым коллектором... Может быть, это тоже твой путь к творчеству — любому, не только писательскому?

Вот об этом новая книга Вл. Немцова.

Ксения ВАСИЛЬЕВА

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Перо Урала посвятил

Книга свердловского критика и литературоведа Ивана Дергачева «Д. Н. Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество», выпущенная к 125-летию со дня рождения писателя в 1977 году Среднеуральским книжным издательством, несомненно, заинтересует и специалистов и тех читателей, кто хочет глубже ознакомиться с творчеством и биографией крупнейшего русского писателя-реалиста. Многие ее страницы посвящены литературоведческому разбору как самых значительных произведений «певца Урала» (романы «Каменный пояс», «Приваловские миллионы», «Горное гнездо», «Золото», «Хлеб»), так и малоизвестных или тех, что никогда не печатались («Семья Бахаревых»). И. Дергачев исследует в неразрывном единстве личность писателя и его творчество, процесс зарождения замысла и создания произведений, отражения в них и развития промышленности этого края, освоения его природных богатств. Писатель любил Урал, всю жизнь был привязан душой к нему, верил в его лучшее будущее. Горький в день 60-летия писателя прислал ему с Капри телеграмму, в которой говорилось: «Землю родной есть за что благодарить Вас, друг и учитель наш!». В книге особенно подробно прослеживается становление писателя-демократа: учеба в бурсе в Екатеринбурге, в духовной семинарии в Перми, в Медико-хирургической академии в Петербурге, репортёрская практика, учительство, близость к народникам, к передовому литературе своего времени, знакомство с «Капиталом» Маркса.

Д. Н. Мамин-Сибиряк был интернационалистом, защитником природы, поборником раци-

тельного отношения к ней. Особый интерес в книге представляет глава «Миру детства», где говорится о Д. Мамине-Сибиряке как о детском писателе. Более 80 рассказов написал он для детей и юношества. Его первый рассказ, «Емеля-охотник», был удостоен премии Фребелевского общества в 1884 году, рассказ «Зимовье на Студеной» получил Золотую медаль Комитета грамотности в 1892 году, а книжка «Аленушкины сказки» выдержала только при жизни автора десять изданий. Читатели и критика поставили ей рядом со сказками Андерсена.

В книге И. Дергачева много новых материалов о Мамине-Сибиряке, например, о его драматургии — пьесе «Золотопромышленники», о замыслах, набросках, рукописях других пьес, театральных рецензиях. Примечательно, что в своей работе, по сути литературоведческой монографии, автор не обходит острых противоречий в творчестве писателя, его мировоззрении. Несомненно, удачны страницы, в которых автор находит тонкие параллели в творчестве Мамина-Сибиряка с другими писателями земли русской: Успенским, Короленко, Тургеневым, Чеховым, Горьким, а также с зарубежными — З. Золя, Б. Гартом. Талантливая книга И. Дергачева включает довольно редкие снимки писателя, его семьи, литературного окружения, а также снабжена обширнейшей библиографией, удачно разнесенной по главам в конце книги. Все, кому интересно творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка, литераторного первопроходца земли уральской, с благодарностью прочтут эту книгу.

Арсентий СТРУК

ПУБЛИЦИСТИКА

Стать самим собой

Вопросы воспитания подрастающего поколения в последние годы привлекают все большее внимание представителей самых различных, нередко даже весьма далеких от педагогики, отраслей знаний. И это понятно. Потребности общественного развития предъявляют все новые требования к подготовке молодежи к жизни.

Самым важным в формировании жизненных позиций молодых людей должно стать воспитание у них способности и умения бороться за осуществление своих жизненных устремлений. Именно такой взгляд на молодого человека — как на активного деятеля — и утверждает Вадим Чурбанов в книге «Непризнанные гении», вышедшей в издательстве «Молодая гвардия» в 1977 г. «Можно со всей определенностью утверждать, — пишет автор, — от того, с какой степенью активности молодое поколение участвует ныне в делах своей страны, насколько широко и полно используются его творческие возможности, как никогда, зависит сама жизнеспособность общества, его потенциал».

Герой книги — подросток, перед которым открыто множество жизненных дорог, а ему нужно выбрать одну, и это должна быть дорога, которая предназначена именно ему. Этот процесс «познания себя» и есть

самый трудный, мучительный, полный сомнений, терзаний, борьбы с самим собой этап в жизни человека. Но именно с этого этапа «юношеских исканий», — подчеркивает В. Чурбанов, — начинается путь к социальному зрелости».

Не каждый сможет выйти из этой борьбы без потерь. Нельзя не учить, что молодым вообще свойственно стремиться к максимализму в своих устремлениях. «Неугомонность, неудовлетворенность, максимализм в желаниях и ощущение бесконечности перспектив, — справедливо замечает автор, — не только естественны, но и желательны. Особенно полно и ярко они проявляются в юношеском возрасте, и в этом одна из самых привлекательных сторон этого возраста. Без этого не было бы, наверное, полета в космос Юрия Гагарина, а тысячи до края наполненных романтикой молодых покорителей целины, строителей БАМа не зажигали бы огнем творчества идущие им на смену поколения.

Но дело не только в романтике. Автор прав, когда пишет, что «заземление этих потребностей противоречит самому духу и потребностям нашего общества, духу научно-технической революции, порождает нравственное педантизм и бездуховность». Задача воспитателя не вспугнуть эту неугомонность, не затормозить стремление к самостоятельности, помнить, что путь к совершенству личности лежит через проявление именно этих качеств, через практику и более полный собственный опыт.

Воспитание подрастающего поколения становится все более сложным и противоречивым процессом. Всем, кто связан с этой задачей, приходится постоянно искать новые формы, средства и приемы воспитательного воздействия на молодежь. Автор понимает, что не так просто решить эту проблему. Ведь речь идет о самом сложном, тонком и противоречивом явлении на свете — внутреннем мире человека.

Книга В. Чурбанова «Непризнанные гении» — необычна, потому что она в одинаковой степени будет полезна и подросткам и их воспитателям, просто всем взрослым и тем, кто по роду своих обязанностей призван отвечать за разработку теории и методики воспитания. Ее, наконец, с большим интересом прочтет каждый, кому небезразлично, каким будет наше будущее.

Книга вводит подростка в круг самых важных жизненных проблем, от обсуждения которых его пока старается «уберечь» наша педагогика. Она учит подростка думать о самом главном — своем месте в жизни.

«Непризнанные гении» — это книга для взрослых, которым так недостает порой умения строить свои отношения с подростками на основе этических норм, принятых между ними самими.

В ней много ценного и полезного, который погорячился педагоги и особенно те, кто не может найти «ключ к сегодняшнему подростку», ограничиваясь в воспитании лишь назиданиями да декларированием известных истин.

Автор не категоричен в своих суждениях. Характер и тон рассуждений его подкрепляют своей диалектичностью, глубиной проникновения в проблему. Но больше всего привлекает страсть автора, его желание заставить каждого задуматься над самым главным: как сделать, чтобы из каждого подростка вырос нужный для общества, по-своему индивидуальный и потому незаменимый, творческий человек.

Петр РЕШЕТОВ,
кандидат
исторических наук,
доцент АОН при ЦК КПСС

С

вой волей охотников к такому случаю в здешних околотках не сыпалось было вовсе—зла за молодым барином припомнить было некому, да и дело-то, по крестьянской совести, выходило мерзкое, а податься некуда: с десяток спасских мужиков отрядили в понятые. Командовать расправой вручило мценского капитан-исправнику.

Лошадей осадили посреди деревни, на раскатанном санями и блестевшем на солнце большаке. Мужики, в тугих подобранных полушибах, тяжело дышали на морозе; шурша соломой, разбрели дубины. С трудом попадая валенками в узкую, между сугробами, тропу, двинулись к избе за исправником следом. Он ступал впереди—сухим и щелкающим шагом, в накинутой на прямые плечи шинели, в тонких, черневших, как галки на снегу, и жестко скрипевших сапогах. Исправник был молчалив, и мужики робели.

Шагов несколько перемахнуть оставалось по утоптанному снегу к ступеньке крыльца, когда звякнула изнутри щеколда и твердо ударились кованое кольцо о промерзшую тесину рывком отворяемой двери. Из черного проема сеней вышагнул на снег—не разобрать против солнца—молодой парень или матерый мужик. От большой, по-крестьянски крепкой фигуры веяло властью немужицкой. Правой ладонью перехватил он узкую шейку ружья, левая скимала цевье и черневшие, с искрой, стволы. Как выстрел на морозе, ударили высокий голос:

— Буду стрелять!

Подобрался весь и стал капитан-исправник. Мгновения хватило опытному взгляду скользнуть по бледному лбу и светлым глазам на руки—к вороненым стволам, косо перечеркнувшим блестевший на солнце сугроб.

Кашлянул капитан в стянутую с правой руки перчатку, повернулся на каблуках, взметнул полой сплю-

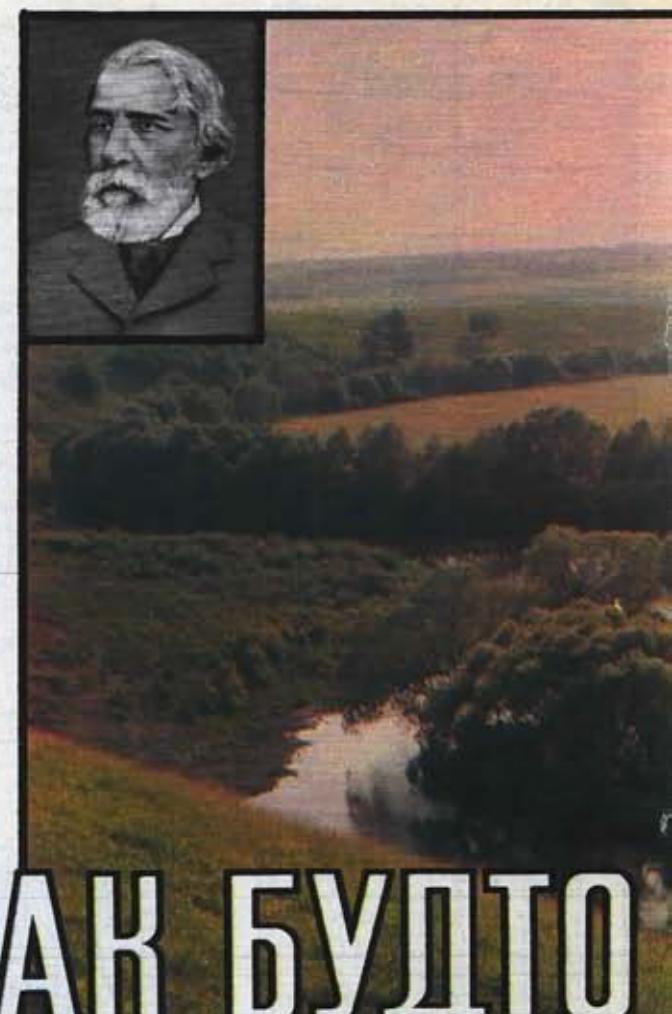
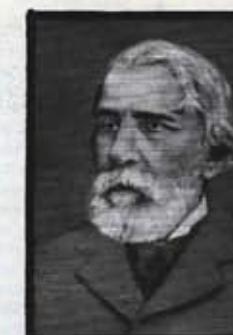
«Я УВИДЕЛ ДАЛЕКО ПОД СОБОЮ ОГРОМНУЮ РАВНИНУ. ШИРОКАЯ РЕКА ОГИБАЛА ЕЕ УХОДЯЩИМ ОТ МЕНЯ ПОЛУКРУГОМ... ЭТОТ ЛУГ СЛАВИТСЯ В НАШИХ ОКОЛОТКАХ ПОД НАЗВАНИЕМ БЕЖИНА ЛУГА».

вый из русских писателей—знал и любил больше всех других изъезженных им по миру дорог. Скрип колес, запах дегтя, полосатые версты по обочинам, станционные домики с облупленными от дождей деревянными колоннами, сизые деревни по обеим сторонам трассы—так от Петербурга до Москвы, равной гладью через тверские леса; там Серпухов, долгая пойма Оки с влажными залаками разнотравья; за Тулой холмится дорога, синеют на светлых склонах чистые дубравы—и уже по-особенному бьется сердце, как биться оно может только в родных пределах.

А это его, родные, пределы—в любимую пору, когда весна коснулась лета и май стоит в исходе. Желтым, оранжевым, синим, фиолетовым цветом засветились склоны оврагов. Густо взялась на взбегающих по сторонам трассы извивках свежая зелень. Деревни под соломенными крышами глядят с косогоров сквозь бересковые перелески на извилистые речки в низких берегах, на бледно-зеленые ржаные поля с бегущими по ним вслед ветру тенями легких облаков. И всюду—дороги, дороги... Вот тут, на русских этих дорогах, и искать ему причины крутых поворотов его судьбы!..

Одна идет от Курского тракта на запад—в черных колеях под старыми ракитами, похожая на другие здешние дороги. С нее началась его слава... Да и ссылка, в которую он ехал теперь, началась с нее.

По ней хаживал он и ездил с охотой в жиздринские засеки, потому что там «не перевелась еще благородная птица—тетерев, водится добродушный дупель, и хлопотуния куропатка своим порывистым взлетом

И ВОЗДУХ-ТО КАК БУДТО

зшей на одно плечо шинели сухой снег и тем же щелкающим шагом пошел к лошадям сквозь распавшиеся на обе стороны тропы мужицкие полушибы...

Дело же по тем временам нельзя сказать, чтобы было редкостным. Высечь на конюшне, сослать от семы в дальнюю губернию или заплатить крепостным человеком карточные долгожок—кого удивишь этим в России. А тут дело выходило и вовсе заурядное: приказала продать спасская барыня деваку свою Лукерьи соседской помещице. Деньги уж были получены сполна, да приехал в Спасское на каникулы сын хозяек, шестнадцатилетний студент Петербургского университета Иван Тургенев. Весь эта ударила и обожгла его, как хлыстом. А чтобы решиться слово молвить в защиту крепостной деваки, знать надо было нрав матери, Варвары Петровны, урожденной Лутовиновой, не то что крестьян, сыновей собственных державшей в лютой крепости. Да куда и девалась покорность родительской власти! Иван спрятал Лукерьи в чужой избе. Дошло до бурмистра, а там до барыни. Он стоял на своем: не отдам! В гневе до той поры никому не уступавшая, приказала Варвара Петровна скакать за исправником и тем кончить дело. Узнав результат, ей тут же исправником долженный, поняла, что нашла коса на камень.

— Коли так, пускай девака остается! Неустойку заплатить. А кровопролития я не допущу...

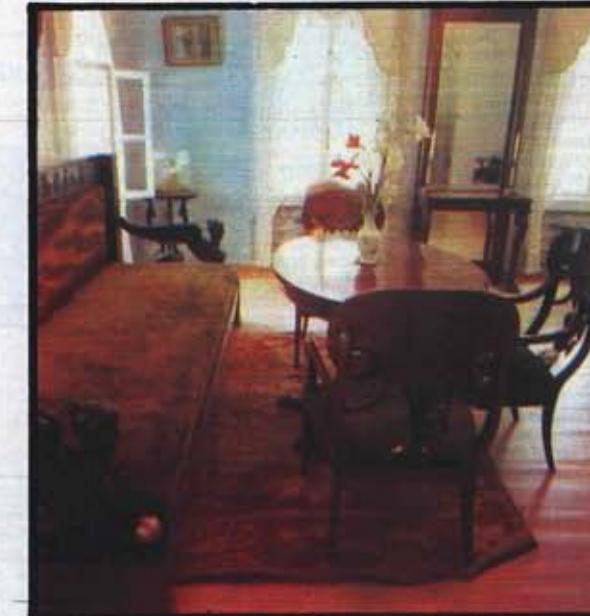
Тем бы и кончиться событиям в Спасском-Лутовинове, потолковали б в уезде да и забыли, но времена в ту пору стояли в деревенской России неспокойные, и вот в канцелярии орловского губернатора завелось «Дело о буйстве помещика Мценского уезда Ивана Тургенева», помеченнное 1834 годом...

Теперь шел 1852-й, и опять ехал он в Спасское. Да только теперь не по своей воле.

Было ли давнее то «дело о буйстве» началом крутых поворотов его судьбы—теперь не разгадать. Но день, когда впрямую склонилась его совесть с российским злом века, стал как бы прологом его жизни и всему им написанному. Пора его дел на земле пала на век, когда русский писатель, в ком совесть сильна, как талант, должен платить за это свое богатство молодостью, судьбой собственной, а пуше—укрытой до времени строкой. Так повелось от Радищева, должно быть. Это была и его тяжба с веком. Нынешнюю весну был он «месяц выдержан под арестом», а теперь ехал в ссылку, под надзор полиции—без срока. Как Пушкин.

«Арест», «ссылка», «под надзор»—так и вплелись привычные веку слова в русскую литературу. Сидя месяц в полицейской части, глядя на мутную воду Екатерининского канала, знал Тургенев, что статья о кончине Гоголя была лишь следствием. Причина ареста и невольной этой дороги другая...

Дорогу же эту он—быть может, самый непоседли-

**«ВПРОЧЕМ,
ВСЕ В СПАССКОМ ПО-СТАРОМУ...»**

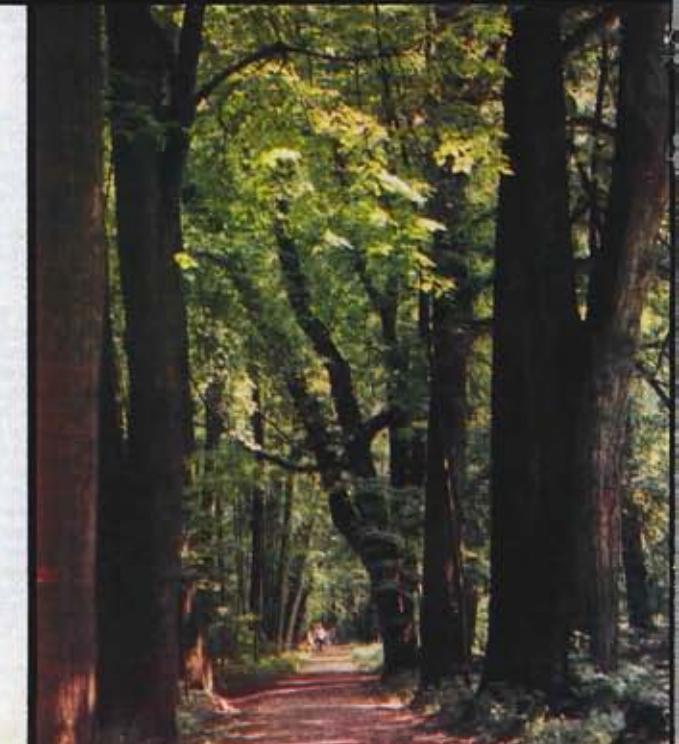
веселит и пугает стрелка и собаку». Любил он эти места и потому, что там, на раскорчеванной среди леса поляне, стоял хутор умного и крепкого калужского мужика, прозванного в тамошних краях Хорем, а неподалеку, в избенке низенькой и неказистой, жил закадычный ему приятель, ни обликом, ни повадкой на него не похожий,—Калинич. Отводил заезжий охотник душу в разговорах с приятелями. Русская речь их лилась плавно, искрилась словом, блестела мыслью и, как прохладный родник в полуденную пору, возбуждала ум, волновала сердце сладкими и таинственными предчувствиями. В разговорах этих постигал он суть, сердцевину мужицкой России, не сознавая еще, что будет это началом великой книги... Но написалось. Напечатано в «Современнике», скромно—в отделе «смеси» и, с легкой руки редактора («для снисхождения читателей к молодому автору»), с подзаголовком «Из записок охотника»...

И другую узнал он теперь дорогу—тоже бегущую от Курского тракта и тоже в старых расщепленных

**«ЛЮБЛЮ Я ЭТИ АЛЛЕИ, ЛЮБЛЮ СЕРО-
ЗЕЛЕНЫЙ НЕЖНЫЙ ЦВЕТ И ТОНКИЙ ЗАПАХ
ВОЗДУХА ПОД ИХ СВОДАМИ...»**

ракитах. Вспомнилось, как, блуждая в темень, усталый по-охотничьи донельзя, с утомившейся вконец собакой, набрел на костер, на ребятишик возле него, а вернувшись домой, записал на подвернувшемся под руку листке: «Описать, как мальчики гоняют лошадей в пустыри на ночь... Отни... Бежин луг». Черкнул для памяти на черновой рукописи «Певцов»... Да и певцов—Яшику-Турка и рядчика из Жиздры—слушал он в здешних околотках. Тут до Колотовки с «притынным кабаком», где выпало ему быть свидетелем состязания поразительного, рукой подать... А если с этой дороги поворотить на другую, не миновать Кобыльего верха; где-то тут в грозовую ночь Бирюк настиг порубщика...

Бежин луг, Колотовка, Кобыльй верх, Чаплыгино. Парахинские кусты—куда ни глядел он теперь, подъезжая к дому, словно распахивались перед ним страницы «Записок охотника»: снова ожили знакомые (по скитаниям в этих местах) богатые помещики, однодворцы, лакеи, бурмистры, старости, конторщики, целовальники, барышники, исправники, становые, камердинеры, рядчики... и мужики—мечтательные и задумчивые, утромые и беспечные. Целый пласт, как плугом, выворотил он из целины русской жизни!.. И вот теперь книга—первое издание—продиралась сквозь цензуру. Да продиралась-то, видать, больно:

Алексей НИКОЛАЕВ.
Фото Василия МИШИНА.
Специальные корреспонденты «Смены».

ПОЛОН МЫСЛЕЙ

«ВСЕ ЗАСТИЛО В ТОМИТЕЛЬНОЙ НЕПОДВИЖНОСТИ. ДОМ УБОГИЙ, НО ПРОХЛАДНЫЙ, И МЕБЕЛЬ НЕДУРНА. ПРЕКРАСНЫЙ ПИСЬМЕННЫЙ СТОЛ И ПРИ НЕМ ПЛЕТЕНОЕ КРЕСЛО ИЗ ТРОСТНИКА».

цензора отстранили от должности, автора упекли под арест и в ссылку — в Спасское.

Последний с Курского тракта поворот был в Спасское.

В разъезжих колеях проселка еще скрипели колеса, когда увидел он над округлыми и темными верхами лип островерхую белую колокольню. За воротами, на дорожке парка, скрип колес — по песку и гравию — стал глушше. Знакомым этим звуком кончалась всякий раз его дорога к дому. Знакомым было и чувство, когда увидел он зеленую крышу, светло-лиловый, тесом обшитый дом с белыми резными наличниками, террасу — тоже резную и всю в тонких листьях убегающего вверх молодого плюща.

Дом был глух и пустынен. В чувстве забытой заброшенности было что-то волнистое, странное, еще не написанное... В окна светило солнце. Свет его слабо мерцал в хрусталинах люстр под тонким слоем давней пыли; тихо тлел он на овальных спинках ветхих белых кресел; таился в выцветшем плюще круглого и точно оплывшего от старости дивана;

медленно потухал в тусклых медных барельефах старинных комодов; теплился последним прикосновением на сафьяновых корешках давно прочитанных книг под мутными стеклами давнишней работы шкафов; силился и не мог уже вспыхнуть на бронзовых стрелках безмолвных часов и растворялся совсем в золоченных рамках темных, столетнего письма портретов — в черных квадратах светились только бледные лбы и руки забытых людей ушедшего века.

Он посмотрел, вздохнул... И поселился в глубине старого парка, во флигеле — «в лабиринте небольших и совсем маленьких комнат». Уединенный флигель — это для него: «ссыльный» — значит затворник.

Жизнь спасского затворника была, впрочем, как на ладони. Приставленный к нему «некто» в грамоте был не тверд, но службу знал — доносил четко и, надо заметить, правдоподобно: «И ехали они на охоту и остановились в поле и долго с крестьянами изволили говорить о воле. А когда я к ним подошел, шапку снял и поклонился, то И. С. такой вид принял, будто черта увидели».

К слову ж сказать, и мудрено тут было увидеть другое — как нечистая сила одолевали его соглядатай: наведывалась становой по долгу службы (ходили, правда, слухи, что за десятирублевой ассигнацией, которую в переднюю ему высыпали), рангом пониже попадались Тургеневу в лесу, и большого труда стоило мягкому Ивану Сергеевичу не отхлестать плеткой назойливого чересчур посетителя (говорят, впрочем, был и такой случай)...

А под окнами флигеля свистали дрозды, перепархивая в яблоневых ветках; куковала кукушка в старых ликах; заливались по аллеям иволги; с утренней зарей в круглой кроне молодого дубка принимались рассказывать о жизни другие птицы, которых знал Иван Сергеевич всех поименно. А с вечерней зарей в глухи дремучего парка, в сумерках сиреней, в крепях черемух над прудом начинали соловьи.

Соловьи пели в Спасском всю ночь, как пели они в «Записках охотника», как будут петь в усадьбе Калитиных, в деревенке Лаврецкого и в поразительном по чистоте и правдивости звука очерке «О соловьях», первые строки которого были уже набраны теплой летней ночью в тишине спасского флигеля изящным и легким тургеневским почерком...

«Пишется хорошо, только живя в русской деревне. Там и воздух-то как будто «полон мыслей».

С вниманием очень бережным отнеслись нужно к этому признанию Тургенева. «Во дни сомнений, во дни яростных раздумий» воздух Спасского живил его музу всегда, но и в этом ряду нынешний год — первый год спасской ссылки — был исключительным.

Осенью пишет Тургенев из Спасского приятелю своему и литературному судье Павлу Васильевичу

«...ТЕПЕРЬ ДО ПЕТРОВА ДНЯ РУЖЬЕ НА КРЮЧОК — И, ПО МЕРЕ ВОЗМОЖНОСТИ — ЗА ПЕРО...»

Анненкову письмо, несколько строк которого как бы вплотную подводят нас к порогу, перед которым в те дни стоял Тургенев. Вот они: «Надобно пойти другой дорогой, надобно найти ее и раскланяться навечно со старой манерой... Но вот вопрос: способен ли я к чему-нибудь большему, спокойному. Дадутся ли мне простые, ясные линии».

И это после «Записок охотника»!.. Отдадим, конечно, должную дань скромности и самокритичности Тургенева, его (даже в годы особых удач) умалению заслуг перед литературой, и все же не стоим ли мы здесь перед событием в его творчестве из ряда вон выходящим? Ведь если такого мастера одолевают сомнения, если говорит он о поисках новой дороги — не значит ли это, что сомнения решены, а дорога найдена?! В письме к Некрасову (в те же дни

«ВАМ ХОЧЕТСЯ ЗНАТЬ ВИД МОЕГО ЖИЛИЩА. ЭТО ДЕРЕВЯННЫЙ, ОЧЕНЬ СТАРЫЙ ДОМ, ОБИТЫЙ ТЕСОМ И ВЫКРАШЕННЫЙ ВОДЯНОЮ КРАСКОЙ В СВЕТЛО-ЛИЛОВЫЙ ЦВЕТ: ПЕРЕД ДОМОМ ВЕРАНДА, УВИТАЯ ПЛЮЩОМ...»

написанном) обронил Тургенев фразу, которая в догадках наших как бы сводит концы с концами: «Я тебе обещаю одну вещь, которая, надеюсь, тебе понравится».

Не часто таким образом предварял Иван Сергеевич свои сочинения. На этот раз случай был особенный: речь шла, как теперь известно, о повести.

В новом произведении (а была это повесть «Постоялый двор») не изменил Тургенев обычной своей приверженности к реальной основе повествования, описав события, происшедшие в недалеких окрестностях Спасского. Новым же было то, что характеры главных героев дал он во взаимодействии не с одним-двумя, а с многими лицами.

Не место, конечно, говорить здесь о художественных достоинствах этого произведения, тем более что они бесспорны. Нет нужды и спорить с мнением о том, что «Постоялый двор» стал началом тургеневской повести. Добавим только, что в это же время — в первый год спасского своего изгнания — был писатель где-то на путях и к другому, тоже еще не изданному явлению литературы — тургеневскому роману. А чтобы не оставить это добавление заманчивой догадкой, напомним, что той же осенью 1852 года работает Тургенев над первым своим романом «Два поколения». Его нет, этого романа, и трудно сказать с достаточной долей доказательств, по каким причинам не завершил писатель произведения, которое числят теперь в печальном ряду «до нас не дошедших» (хотелось бы: «не разысканных!»), но нужно взять в толк творческую силу Тургенева той поры, то, что в переписке постоянно говорит он о поглощении этой работой, и, впрочем, наконец, известный факт, что написано было пятьсот страниц, — чтобы назвать нашу догадку как-то более определенно...

Как ни заманчив, впрочем, экскурс в историю русской литературы, вернемся, однако, к опальному русскому литератору в ту пору его спасского изгнания, когда об руку с творчеством шла обычная деревенская жизнь.

Он любил ее покойное, плавное течение. Любил неповторимый запах, когда «веет русской осенью, вспаханою, уже холодноватой землей, только что посаженными кустами, овином, дымяком, хлебом». Любил невыразимый ее цвет, и восторг удивления художника внезапно вспыхивал в нем, и он не мог уже оставить не выраженным, не изреченным открытия свои, — тогда, ночью во флигеле, при свече, освещавшей только листок почтовой бумаги, писал Иван Сергеевич, как бродил «вдоль осинового леса со стороны тени, вечером; солнечные лучи забирались со своей стороны в глубь леса и обливали стволы осин таким теплым светом, что они становились похожи на стволы сосен; а листья их почти синела — и

над нею поднималось бледно-голубое небо, чуть обрумяненное зарей».

И так переполняло душу это открытие, что не мог Иван Сергеевич не поделиться им с человеком родственной души. Приведенные строки — из письма к Сергею Тимофеевичу Аксакову.

Но хотя и был Тургенев мастером отменным в эпистолярном жанре, знать бы нам теперь эти строки с блистательным описанием природы его Спасского только по сборникам тургеневских писем. Однако знаем мы их со школьной скамьи, когда возраст не дает нам еще охоты к этому камерному жанру литературы. Строки частного этого письма почти дословно вошли в начало XI главы романа «Отцы и дети»...

Письма из Спасского!.. В положении человека, в каком по милости порядков оказался писатель, были они единственной его связью с друзьями. Он любил уединение, как и всякий писатель, знал благую его пользу своему перу, но не мог не чувствовать, что общение с близкими людьми столь же необходимо к пользе и литературной его работы. Он сетует об этом в письмах, зовет друзей в Спасское и тут же, сознавая возможные последствия, добавляет скромно: «Да человек-то я не на хорошем счету...»

Но вот зимою 1853 года, когда все утопало в сугробах, но снега уже пахли весной, случилось в Спасском событие, по странному стечению обстоятельств очень похожее на то, каким на тридцать лет раньше озарилось изгнание михайловского узника...

Колокольчик почтовой тройки огласил двор тургеневского дома. Укрытая полная фигура в большом картузе поднялась с мягких подушек навстречу выбегающему на крыльцо Тургеневу.

— Ну что, вареники будут?! — спросил гость после первых объятий.

— Будут! Будут!

— Чтобы сто тридцать штук приготовили, меньше не ем! — говорил, смеясь, гость и, подталкиваемый хозяином под локоть, бочком протискивался в настежь растворенные двери.

Гость был радостный — Михаил Семенович Щепкин.

Много разговоров, воспоминаний было в тот день; привезенные гостем столичные новости литературной жизни кружили голову спасскому изгнанику. Все как в Михайловском тридцать лет назад и, как тогда читал Пущин опальному поэту грибоедовскую рукопись «Горя от ума», так и тут оказавшийся в этой роли Щепкин прочел Тургеневу новую пьесу Островского «Не в свои сани не садись»...

И так раз волновала Тургенева эта встреча, что привычное волнение первыми — еще по глубоким снегам — шагами весны добавило последнюю каплю в чашу его возбуждения.

Трудно, невозможно почти представить себе обстоятельного, рассудительного, осторожного даже, как рассказывают, Ивана Сергеевича этаким отчаянным, делающим что-нибудь с маxу, сплеча, да с присказкой еще: «Эх, где наша не пропадала!» А ведь было, случилось такое той же весной!..

Сидеть бы ему в Спасском, писать, благо замыслов густо в уединении скопилось, или бродить в дозволенных околотках под недреманным оком, коли не обошла и его привычная русской литературе судьба, да тут сорвала его нелегкая (или легкая?), мигом «выправил вид» на имя купца, велел закладывать и, гонимый весной, полуденной капелью, под песни жаворонков, по мартовским дорогам поскакал на север!.. А спустя десять дней — неизвестный, неопознанный — вернулся в Спасское.

Побег из ссылки был к Полине Виардо, приезжавшей в Россию на гастро...»

В жизни Тургенева нельзя пройти мимо этого имени, и говорить о нем как о писателе и человеке, умалчивая о роли, какую в судьбе и писаниях его сыграла незаурядная эта женщина, по меньшей мере несерьезно...

Любовь была сильная и привязанность редкая — тут ни убавить, ни прибавить. И ведь это ей, Полине Виардо, чужестранке, выпало слушать у постели умирающего русского писателя последние его мысли и записывать последние в вечность роняющие слова. И хотя есть, быть может, у русского человека, любящего свою литературу, некоторое право (сомнительное, впрочем, право) ревниво не любить Виардо, справедливость велит все же оставаться не только деликатными, но не забывать и об объективности, в этом случае весьма существенной. В самом деле: сколько рассказано, написано, пересужено о наших — Наталье Николаевне, Анне Григорьевне, Софье Андреевне... Как ни горько сознавать, но слишком много укоров брошено с этими именами на чашу весов писательских судеб! Судим и римим, вот уже сотню лет оправдываем и виним — не так-то все просто, ведь и роковые случались повороты... Да что там, ни одного женского сердца, такого, какого хотелось бы нам теперь, возле великого русского писателя, говоря откровенно, не было. Не судьба, сказали бы в старину!

Да только даровала судьба, словно высшей спра-

ведливости ради, каждому родное гнездо на русской земле. Несколько натянутым показаться может такое сопоставление, но ведь оно-то, родное писательское гнездо, и «служило» нашей литературе самозабвенно и бескорыстно. Но и в этом ряду тургеневское Спасское занимает все же особое место — судьба хозяина тому причиной.

Что делать — житейская судьба не задалась; да были, видно, другие корни. Сказались смолоду. Писал же в 1838 году Тургенев матери из-за границы о тоске по дому. Заметить надо: двадцатилетний юноша, когда глаза восторженно открыты всему новому, в первом же своем европейском вояже тоскуют по России!.. Мать отвечала (какое понимание корней и какой великолепный, кстати, портрет Варвары Петровны в нескользких строках неопубликованного этого письма!): «Рано же ты загрустил по России. По нас дело другое грустить, а по России грустить, любясь на Швейцарию, это видно, что ты конопляничек-домосед. «Недавно из двора — уж вошь изняла», — с народной прямотой и с очистью говорила ему матушка и по тем временам редкую крестьянскую поговорку... А ведь угадала, на самой заре жизни угадала Варвара Петровна тонкую сыновью струнку!.. Добавить разве, что одним концом привязана была эта струнка к Спасскому, другим — к сердцу...

Обычно говорим мы и пишем (с основаниями самыми серьезными, конечно) о влиянии, какое имели родовые писательские гнезда на их творчество. Это бесспорно. Но есть и не сразу, быть может, постигаемые, но не менее глубокие связи, вернее же будет сказать — корни. И слава Богу, есть у нас для такого утверждения свидетель, которому в прозорливости, в понимании человека искренности никто, конечно, отказать не решится, — Лев Николаевич Толстой.

Толстой знал Тургенева и в обеих столицах и в европейских его скитаниях; встречались они в Спасском и в Ясной Поляне. Отношения их, как известно, не были ровными, но и годы отчуждений неизменно сохраняли они прязнь друг к другу, в которой присутствовала всегда высшая справедливость. Тем более ценные для нас такие строки из дневника Толстого: «Дом его показал мне его корни и многое объяснил...» Это запись Льва Николаевича после его посещения Спасского. А спустя месяц он писал Некрасову: «Его надо показывать в деревне. Он совсем другой, более мне близкий, хороший человек».

Подобные свидетельства (признания — точнее будет) такого человека, как Лев Николаевич Толстой, — на вес золота. И потому не ошибемся мы, сказав, что, помимо огромного, величайшего влияния, какое имело Спасское на творчество Тургенева, в той же мере создавало оно и нравственный его облик!..

Как никакого, должно быть, другого собрата его по литературе, кидала жизнь и мыкала Ивана Сергеевича по миру: все в гостиницах, все на перекладных, меблированных квартирках по разным городам, приятельский кров, дом на чужбине, тоже путем не устроенный, и ни из Москвы, ни из Петербурга, ни из Парижа, а только из Спасского мог написать он простые, но в судьбе его такие трогающие душу слова: «Вот я и дома!..»

Домой, в Спасское, сто двадцать пять лет тому, и пришло 23 ноября 1853 года известие «с объявлением свободы и позволения выезжать в столицу».

Как будто и ждал этого дня, но что-то не очень торопился Иван Сергеевич в открытые столицы, не сорвался, не поскакал мигом. Собрался не спеша, поехал не ходко...

В Москве друзья не знали, где и посадить дорого гостя; пышно и торжественно встречен был в Петербурге — да только своей, литературной, братий; «Современник» дал обед в его честь. Пожил зиму в столице, хоть и в работе, да суетно как-то, и дача под Петергофом что-то не пришлась. А осенью уже зазвал к себе в Спасское хворавшего и хандрившего Некрасова — на охоту...

Охота, охота!.. Как ни раскинь, а не миновать особого о ней слова, — ведь об Иване Сергеевиче Тургеневе речь. Ну как тут не воспользоваться стариным правом на «лирическое отступление»!

Даль дальняя, леса на полмира кругом, степям и полям предела не положено, рек и озер, как не-ба, — где и разгуляться ей, как не на Руси! Так и повелось: под облаком настигала лебедя каленая стрела лихого князя; сбивал мужик лапти по мхам и болотам, последнюю одежонку истрепывал в буреломах с рогатиной, а ведь забот и горя с недоимками полон двор... Куда там! С веками устоялась охота на Руси, стала бытом провинциальной жизни, привычной любому сословию. Держали охоты царские именитые помещики, с егерями, доезжачими, со сворами в тысячи целковых, тут кто не попадись — сметут! Иной однодворец в худом своем домишке всякий день спать натощак ложится, а собак накормит... Гон, свист, топот копытный так и летели по деревенской России, по всем ее губерниям и уездам!..

Но была и иная охота на Руси — не таинственными силами истоков рожденная, не помещичьим избытком страсти вскормленная, а животворная и созидающая.

Так же трогала она глубинные струны души, поглоща-ла целиком, пьянила, кружила голову, но и сама создавала величие. О ней и толк.

Какая другая литература в лучших своих творениях так обвязана охоте! От Аксакова и Тургенева до Куприна и Пришвина — целый мир. Уберите (мысленно, конечно!) сцены охоты из «Войны и мира», из «Анны Карениной», оставьте стихи Некрасова без охотничих строф, снимите с полки Тургенева — не обеднеем ли? Да что толковать, когда сказали уже: «Знает ли вы, например, какое наслаждение выехали весной д за зри?»

А сказать так мог только человек, которому была охота не деревенским времяпрепровождением, но частью жизни. Охотился он всюду, куда ни забрасы-вали его судьба, но на охоты в чужих краях смотрел как-то... иронически, что ли. Его — тургенев-ская — охота была в Спасском.

Смолоду объявился здесь у Ивана Сергеевича и закадычный по этому делу приятель из крестьян. Был он, по словам Тургенева, «беззаботен, как птица, доволен говорлив, рассеян и неловок в виде; сильно любил выпить, не уживался на одном месте, на ходу шмыгал ногами и переваливался с боку на бок, — и шмыгая и переваливаясь, улепетывал верст пятьдесят в сутки».

Ну да, конечно, знаменитый и столь памятный русской литературе Ермолай! Да только звали его Афанасием Алифировым, и был он не рассказчику из «Записок», а Ивану Сергеевичу неразлучный по охоте спутник. Понятно, что чужд был Тургенев сословных предрассудков, но отношения его с Афанасием согре-ты были особенной какой-то теплотой и привязан-ностью. Покупая себе пороховницу или другую для охотничьего дела требуемую вещь, непременно дарил Тургенев точно такую же и Афанасию. По одежду на охоте вообще трудно было догадаться, кто из них барин. Да и не только по одежду... Бывало, на охоту брал Тургенев половину бутылки портвейна и два обварных кренделя; после долгой ходьбы обыкновен-но говорил Афанасию, что пора бы и закусить маленько, и обыкновенно слышал в ответ, что вино выпито, а крендели съедены.

— Как же это ты, братец, сделал?! — с досадой спрашивал Тургенев.

— А так, Иван Сергеевич: раскупорил, налил да выпил.

Ну какой гнев против такого-то простодушия!..

Закончить бы тут об охоте время, дабы не томить не хлебнувшего этой страсти читателя, но что делать — ведь не обходилась без нее в Спасском жизнь Тургенева ни единой весны, ни единой осени. Да и на дорожку-то к письменному его столу без охоты, поди, и не выйдешь...

И в ту осень — 1854 года — охотился Тургенев с гостем своим Некрасовым. День проходил за днем, и трофеи счет шел обильный. Осторожный и плутоватый Каштан Некрасова уже не новичком чувствовал себя в спасских околотках и даже рядом с тургенев-ской умницей Дианкой глядел молодцом и так же разумно находил вдоль опушки осенних вальдшнепов.

Как ни уставали охотники за день, вечерами тянуло к письменному столу. Бывало, и под сосновой или поле на лугах записывали — каждый свое. И однажды — был такой день в русской литературе! — глухим, хрипловатым своим голосом Некрасов сказал: «Вот послушай».

Словно как мать над сыновней могилой,

Столет кулих над равниной унылой...

Часто кашляя, останавливаясь Некрасов, пропу-ская недописанные куски, но чем дальше слушал Тургенев надтреснутый его голос, читавший строки рождающей в эти дни поэмы, тем больше волновали они его: поначалу каким-то неясным, но потом удивившим совпадением с его собственными мыслями, которые теперь тоже не давали покоя Тургеневу...

А совпадения были поистине удивительны! Любовь Саши к Агарину, пробужденная пылкими речами некрасовского героя, горькое затем разочарование — как походило все это на развитие чувств героини Тургенева Натальи Ласунской к Рудину!..

Минуло время, и роман «Рудин» и поэма «Саша» (тоже по совпадению!) были напечатаны в одной книжке «Современника». Поэма Некрасова посвящена была «И... у Т... ву». Так завязались в Спасском и переплелись судьбы двух шедевров нашей литературы.

«Рудин» был написан в Спасском в семь недель!

Восхищение здесь не случайно: речь идет не о рассказе, не о повести даже, но о романе, композиционная завершенность которого, соразмерность и равновесие сцен, отточенность и цельность главной мысли и отсутствие малейшего намека на торопливость говорят сами за себя. Для шедевра срок этот столь поразителен, что трудно подыскать ему подхо-дящую аналогию. Не принять ли объяснением призна-ние самого автора о том, что в Спасском для него «и воздух-то как будто «полон мыслей»?.. Случайно ли, что при кочевой жизни Тургенева, которой многие годы протекли в чужих или далеких от Спасского краях, большая доля сочинений (в том числе и пять из

шести романов, кроме «Дыма») написана в Спасском? И нужно ли говорить о случайности там, где вернее искать закономерность? Все, кто бывал в Спасском, заметили, должно быть, что самый облик этого уголка русской земли, с его как бы округлыми и плавными ритмами природы, постоянно звучащей задумчиво-спокойной мелодией, удивительно точно совпадает с настроением, стилем даже, если хотите, всего написанного Тургеневым. Хочется думать, что здесь мы имеем дело с драгоценным и редчайшим внутренним созвучием человека и его края. Потому, должно быть, иногда достаточно было Тургеневу маленькой детали, случайно как бы оброненной искры, чтобы воспламенить уже живущее в нем. Таких примеров множество. Вот один.

Едет как-то Иван Сергеевич с соседом своим Фетом в дальнее имение Тапки. Старый слуга, стерегущий старый дом, отворяет ветхие двери; скрипят их один и слышан в тишине заброшенного дома; тонкий свет сквозь ставни шевелит облачко старинной пыли. Они nocturne покинутом доме, среди замшелого сада. Из элегической этой тишины звучат Тургеневу грустная мелодия подобной сцены, и вот уже судьба будущего героя оживает, становится чем-то мысленно завершенным...

Трудно не уловить в этой музыке воспоминаний пронзительно-печальной тему Лаврецкого, трепетную и живую ткань «Дворянского гнезда»...

«Дворянское гнездо» — роман о чистой и трудной любви, о необоримой власти обстоятельств над людьми с тонко чувствующим сердцем — задумано и написано в Спасском. Как, впрочем, и другие его романы. Был и ненаписанный роман. Нет, речь идет не о романе в банальном житейском смысле, потому что, как и в книгах его, не было в жизни Тургенева тривиальных сюжетов никогда.

А было так. Стареющий (да что, постаревший уже — минуло ему шестьдесят два) знаменитый писатель увидел в спектакле по пьесе своей «Месяц в деревне» молодую, не увенчанную лаврами актрису Марию Гавриловну Савину. Она поразила его — не красотой (Марья Гавриловна не была красавицей), но игрою удивительной, тонкостью чувств, чего другим актрисам, хотя и знаменитым, взять было неоткуда. Савина брала из сердца... А потом был вечер в середине мая. На перроне маленького мценского вокзала с цветами в руках ожидал московского поезда Иван Сергеевич Тургенев. Подкатил к перрону синий вагон с белым номерным знаком. Через опущенное окно мелькнуло в красноватом сумраке купе знакомое тонкое лицо. Она — проездом на юг; поезд скорый и, как объявил обер-кондуктор, стоит в Мценске полторы минуты; а сказать надо много. Иван Сергеевич решил ехать до Орла. Несколько десятков верст поезд пролетел мигом, потому что в окно тянуло спешающей рожью, травами, туманами над речками и потому еще, что «вы стали в моей жизни чем-то таким, с которым я уже никогда не расстанусь». В Орле время было прощаться, и опять напомнил обер-кондуктор «господам провожающим», и опять пробил третий звонок, поезд отошел, синий вагон слился с майскими сумерками, а он все стоял на опустевшем перроне и махал платком... А вернувшись в Спасское, слушал соловьев до рассвета, и слова письма, которое писал ей вдогонку той ночью, казались, вторили этим песням: «Мне даже трудно объяснить самому себе, какое чувство вы мне внушили. Влюблен ли я в вас — не знаю...» А потом был июль. Приехала в Спасское — среди гостей — она. Поздно ночью на террасе, увитой плющом, волнуясь, прочел он гостям то, что написал в ожидании, перед ее приездом. Была это «Песнь торжествующей любви». Гости разволнивались; румянец на молодом и тонком ее лице скрывала темнота июльской ночи.

На другой день она уехала и вскоре сообщила о помолвке своей с неким Никитою Всееволожским. Был он молодой гвардейский офицер, красоты редкостной, владелец огромного имения в Пермской губернии...

Вскоре уехал из Спасского и Тургенев. Прощался, как всегда, с грустью — сладкой оттого, что жила в душе надежда: придет день, увидит он снова плющом увитый дом, синие сумерки старых лип, прозрачно-зеленоватую тень молодого дуба, дорогу с тонким широком прибитой дождем пылью, тихие пруды под расщепленными ракитами, желтые поля с крестцами овса, снова будет дышать сладким запахом сжатой гречихи, росными травами Бежина луга...

Прощаясь, не знал, что уезжает из Спасского в последний раз.

Но непобедимое чувство родины, всегда жившее в нем и точно предвидея судьбу, откликнулось в этот раз пронзительным эхом: последнее, что написал он в Спасском, было духовное его завещание — «Русский язык».

И потом, издалека, как последнее прости, как клич о любви вечной и верной, прозвучало:

«Когда вы будете в Спасском, поклонитесь от меня дому, саду, моему молодому дубу — родине поклонитесь...»

Прозвучало, откликнулось и звучит...

Новелла МАТВЕЕВА

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

Листопад

Заюлил, заплакал ветерок —
Отпросился к тучам, вихрем стал могучим,
И уже валившийся у ног.
Лист падучий в раковину скручен.
Сыпля цокот — льдинистую крупу,
Взмыли верховые — ветры вихревые,
Огласили пеструю тропу
Черным лаем пни сторожевые.
Точно пеплом, небо ослепил
Сорный и сухой порыв осенней бури,
На голову фартук налепил
Пятачной издали фигуру.
Сто ветров на ней стянули сеть:
Навертели ей на грубые ботинки
Пыльную дорогу. А на все
Пальцы рук — побочные тропинки...
Рощи завиваются винтом,
Крутятся юлой среди равнины мрачной...
Поздний луч захлопнутым зонтом
Чуть алеет в полуумгле табачной.
Луч отрадный! Только в этот час
Горечь так сильна и так слаба отрада,
Будто тень Верлена пронеслась
В призрачной воронке листопада...

>To цельная, то на четыре потока,
Где шли островки с своей «вилкой»
Тройной,
Река текла широко,
Широко,
Широко,
Наполненным руслом — под полной луной.

Серебряные кольца ее покрывали,
И там, в береговой теневой полосе,
Тонули — всплывали,
Тонули — всплывали,
Но не было таких, чтобы вдруг застывали.
Но двигались,
двигались все.

Рыбак стоял в лодке. За ним, верней свиты,
Шли звезды — близки к обращению в рыб,
Но куксились, ряби набегом отбились...
Мрачны и сердиты
Шумели ракиты,
Речной провожая изгиб.

Рыбак собрал невод. Рыбак ушел к дому.
И выплетет ветер с открытых полей,
И запах ромашек примчал,
И солому,
И тонкий личинный елей.

Река же смахнула их сразу, как дрему,
И к дальнему перенесла окоему —
Несущую силой своей.
Стою у ракиты. Стою в лунном свете.
Река течет быстро — поди догони!
Где запахи эти? Где место на свете,
Куда бы — сухими! — вернулись они?!

Диски

Скача (как на перекладных
Лягушках вместо лошадей) —
Потому,
Что все равно не отвратим.

По дискам сухости бежим,
Раскиданным среди дождей.
На нас дивится Дискобол!
И все еще по временам
Вдогонку,
Под ноги
(В сердцах!)
Площадки суши мечт нам.

Нас четверо. Мы идем по дороге вниз,
Позади оставил закат.
Обширными складками склоны, как лунные цирки,
Кружат,
А там известковой осыпи газовый шарф повис...
Петляет под ним, обрывааясь, оранжевая тропа,
И, как днем, видны
У преддверья большой, но еще не взошедшей луны
Коровы в песке черепа.
Как школьник наказанный,
Весь
Фосфорическим мелом измазанный,
За грифельной дверью шуршит, войти не решаясь,—
Первую щелочку в небесах
Приотворяет луна,
Легким дыханьем вдали косогоров касаясь...
Быстро бледнеет восток. Но солнце еще не зашло.
И непонятно: что подожгла
Пустынным светом
Красный песок:
Солнца ль последний, седеющий волосок
Или до срока таящаяся луна
В обрывах ярких
Косвенно отражена?
Их тепловыми трельяжами
Повторена?
И вот промежуточный миг: смотри!—
Ни луны и ни солнца нет.
О свет со странностями!
Срединный,
Блудный, чудаческий свет!

Словно вздувается небосвод
Перед восходом луны.
И мы как бы в мыльный гигантский пузырь,
Бегом раздвигающийся вширь
И царственno вьется плывущий,
Заключены...
И вдруг впереди, на тропке,
Режущий поперек
Наш путь к большой котловине,
На тропке резкой и пограничной
Меж спуска медленности привычной
И смелым креном к долине;
На тропке, что черепицы алей,
Змеи истощенной тише,
Заснула меж двух кукурузных полей,
Как будто на гребне крыши,
Единственная дождевая
(С последних дождей живая)
Лужица засветилась
Бляхою ярко-бесцветной;
Застыл над круглой пустыней
Ее бесчувствия алюминии
Дальнепланетный.
Она, как воздух, который блестеть не может,
Который пуст, но всегда сквозь землю
Тоннель проложит,
Трубу прорежет. Она прозрачна, светла, как прорезь
В массиве мира, через которую почты нет,
Но сквозь которую стран антиподных свет
И здешний свет переглядываются, не ссорясь.

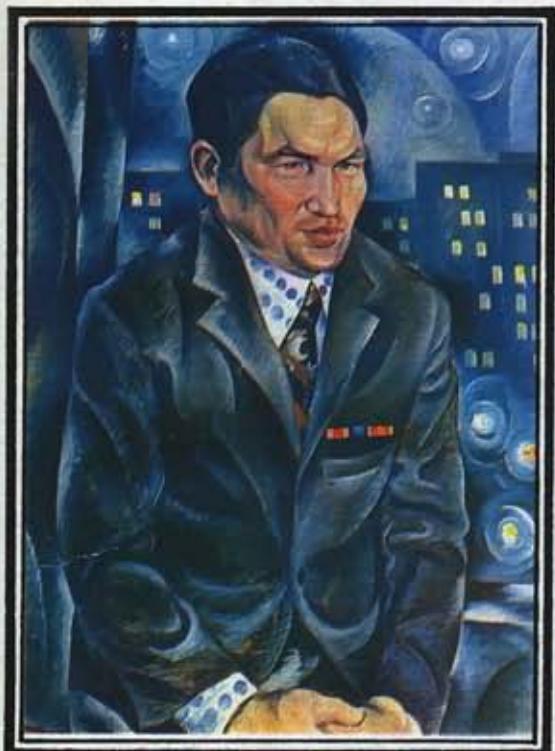
Раннее утро. Чуть брезжит рассвет над гладью Цимлянского моря. Ничто не нарушает покоя. Только чайки, касаясь крылом воды, тревожат ее зеркальную поверхность. И вдруг в розовеющей дали, там, где должен быть воззвышенный противоположный берег, возникает огромный корабль под голубыми парусами. Паруса плывут в небе и в воде — отражением чудесного корабля...

Именно таким видится Атомград человеку, смотрящему на него с другого берега Цимлянского водохранилища. Парусами предстают в голубой предрассветной дымке высокие дома-башни. Таким увидел однажды город художник Александр Неумывакин. И эта картина запала в его воображение, превратившись потом в образ — эмблему, символ нового города, в котором строится огромный завод.

— Я представляю это так, — Александр, словно держа в руке кисть, обрисовывает контуры в пространстве. — В центре — развернутое красное знамя

НОВЫЙ ГОРОД.

Владимир ШУМКОВ

ПОРТРЕТ БРИГАДИРА МОСКОВЦЕВА А. И.

с несколько стилизованными краями. В верхнем левом углу — желтые серп и молот. И на фоне этого красного полотнища — паруса. Наполненные ветром голубые паруса...

Скоро эту эмблему увидят жители Атомграда. Она украсит торцевую стену 9-этажного дома-новостройки. Огромное красочное панно будет выполнено в технике перегородчатой нитроэмали.

Не правда ли, звучит ново: перегородчатая нитроэмаль. С обычной перегородчатой эмалью знакомы все: она издавна применяется в ювелирном деле. А вот в монументальной живописи используется впервые. Художественный фонд СССР заключил с молодым художником договор на применение этой новинки в интерьерах и на открытом воздухе.

Александр, как он сам говорит, случайно набрел на эту идею. Как-то раз взял доску, сделал на ней незамысловатый рисунок и попробовал проложить

по его контуру проволоку. Сразу возникли ассоциации с перегородчатыми эмалями, только в увеличенных масштабах. Проволоку художник укрепил и образовавшиеся ячейки заполнил краской подходящих цветов. Посмотрел — получилось интересно и необычно.

Александр решил тут же пустить находку в дело: создал большое панно-ковер «Космос» в молодежном кафе Атомграда, носящем название «Надежда» (таким был первый радиопозывной будущего города, когда закладывался лишь фундамент первого дома).

Удивительное чувство охватывает, когда смотришь на это панно. На какое-то мгновение забываешь, где находишься, и тогда панно вдруг представляется тебе экраном звездолета, с невероятной скоростью мчащегося во Вселенной. Захватывает дух от стремительного чередования цветовых пятен. В зелено-голубую круговерть галактик неожиданно врывается ярко-красный цвет, но не простой красный, а очень сложный, в котором ощущается борьба тональностей, цветовых отношений. И видятся в этой борьбе красок отголоски фантастической и мужественной истории покорения человеком космоса...

Космос давно притягивает воображение Александра Неумывакина. И это не случайно. Давняя дружба связывает его с космонавтом Виталием Севастьяновым. И, естественно, общение с одним из покорителей космоса не могло не разбудить фантазию художника, не могло не увлечь его этой грандиозной темой.

— Художник интерьера — это прежде всего декоратор, — считает Александр. — Он декорирует спектакль, который длится ежедневно, ежечасно. Поэтому концентрация мыслей и чувства в произведениях такого рода должна быть очень высокой. Ведь интерьер должен, условно говоря, излучать некую эстетическую энергию не один месяц и не один год... Это излучение прекрасного должно быть достаточно сильным, чтобы человек ощущал его и испытывал наслаждение. Только тогда произведение искусства сможет помочь воспитанию высоких человеческих чувств, а это, на мой взгляд, непременная цель, которую обязан ставить перед собой каждый художник...

Оттого-то, наверное, так разнообразна тематика оформления кафе «Надежда». Здесь и экскурс в прошлое нашей Родины, в истокам русской культуры, здесь и полет в космические дали будущего. В целом же вся эта композиция заставляет нас остро ощущать ту самую связь времен, которая делает наше существование осмысленней, богаче, многозначнее...

В интерьере кафе нет ничего лишнего, все очень строго и лаконично. В цветовом решении художник

использовал сочетание черного и белого: черные колонны, потолочные балки, массивные двери, решетка, отделяющая кухню от зала. — Все это очень естественно взаимодействует с облицоваными ракушечником стенами. И потому особенно радостно звучит в этой сдержанной гамме красок-звуков красный цвет в эмалях декоративных ниш-книг и в оставленных без облицовки участках кирпичной кладки, как бы замурованных дверных проемах.

Внутри киотов художник поместил вставки по рисункам старинных решеток, выполненные в нитроэмали. Эти огненно-красные переливы киновари — словно сполхи прошлого, отсветы нашей давней истории.

Некоторые детали оформления кафе возникли как импровизации. Так было, например, с упоминавшимися выше участками кирпичной кладки. Как-то в Московском Кремле Александр обратил внимание на то, как красиво смотрится в белокаменной стене красная кирпичная кладка. Когда потом стены кафе в Атомграде стали облицовывать ракушечником, у него родилась мысль — оставить кирпичную кладку в нескольких местах интерьера. Художника поддержал архитектор, с которым они вместе работали...

При входе в кафе вас встречает выполненный в технике перегородчатой нитроэмали десятиметровый орнаментальный декоративный фриз. Диковинные птицы и растения, сложная, причудливая орнаментика, буйство ярких, чистых красок — во всем этом зрителю открывается знакомый и всякий раз неожиданный мир русской сказки. Художнику удалось добиться того, что фриз воспринимается как старинная, трех-четырехсотлетней давности фреска. При затвердевании эмали Александр, как он говорит, организует поверхность красочного слоя, создавая в определенных местах нужные оттенки, мешая краску, приподнимая ее серебристым порошком. В слое застывшей эмали образуется сложный рисунок с разводами и напльвами. Снаружи поверхность краски остается полированной-гладкой. Получается совершенно неожиданная, неповторимая фактура, словно и в самом деле подернутая благородной патиной времени.

О панно «Космос», что находится в баре этого кафе, мы уже говорили: это целая стена. Но собрано панно из отдельных частей-модулей, так же как из детских кубиков с фрагментами рисунков на гранях собирается картинка. Таким же способом из раскрашенных заранее фанерных щитов собираются транспаранты, рекламные плакаты, закрывающие глухие стены домов. Творения эти недолговечны, «работают» сезон-два, не более. Перенесенный же в новую технологию, этот известный прием позволил смонтировать из подобных модулей не временный

ПОДВИГ НАРОДА — ОБЩЕЕ ДОСТОЯНИЕ НАШЕГО ДУХА

ПОРТРЕТ ВОЖДЯ

В один из апрельских дней 1917 года мой отец, рабочий вагоноремонтных мастерских, с утра был в приподнятом настроении. Он надел праздничный пиджак, велел и меня нарядить в новую рубашку, заверив родных, что «мы только встретим товарища», взял меня за руку и повел в город. В том же направлении, на Петроградскую сторону, куда шли мы, все время о чем-то возбужденно разговаривая, двигались группы рабочих. Возле дворца Кцесинской мы увидели огромную толпу рабочих, солдат и матросов с оружием. Отец поднял и поставил меня, десятилетнего мальчишку, на ограду сквера и строго наказал: «Смотрите во все глаза и запомните на всю жизнь все, что увидите. Не каждому выпадет такое счастье — увидеть Ленина».

Через год отец с отрядом рабочих ушел на гражданскую войну. Мать, забрав меня с сестрой, уехала из голодного Петрограда в Тверскую губернию, в Весьегонск. Там моя мать стала работать секретарем городской чрезвычайной комиссии. Под влиянием своих родных я вступил в секцию юных коммунаров при горкоме партии. В секции нас всего было шесть человек — двое местных ребят и четверо приезжих. Летом 1918 года я торговал газетой «Известия Весьегонского Совета» и очень гордился этим. Вместе со своим другом Аркадием Былинским, сыном питерского шофера, мы выполняли различные поручения коммунистов, были курьерами и расклейщиками объявлений. Когда я стоял с газетами на многолюдной Ярославской улице, ко мне каждый раз подходил Володя Серов, парнишка из нашей секции, и внимательно просматривал номера. Он объяснил мне, что ищет портрет вождя.

На собрании секции я с гордостью рассказывал, как на балконе дворца Кцесинской видел Ленина, слушал его выступление. Ребята внимательно слушали и смотрели на меня с уважением. Даже взрослые расспрашивали меня про тот исторический день. Всегда самым внимательным слушателем был Володя Серов. Бывало, он уставится пытливыми глазами и начнет допытываться: «Какой Ленин, как выглядит, как одет?»

Население города не раз встречало с духовым оркестром революционный отряд, возвращающийся после подавления кулацких мятежей. Самыми восторженными были мы, юные коммунары: мы шли всегда с красным знаменем из кумача, кусок которого выменили за два фунта муки. После празднования первой годовщины Октябрьской революции стало известно, что редактор весьегонской городской газеты А. Тодорский написал книгу «Год — с винтовкой и плугом». Книга понравилась В. И. Ленину, и он написал статью о ней — «Маленькая картинка для выяснения больших вопросов». В городе стали появляться отдельные экземпляры губернских и столичных газет, и в одной из них был напечатан портрет В. И. Ленина. Однажды Володя Серов привнес на собрание нашей секции срисованный из газеты и увеличенный портрет Ленина, раскрасив его цветными карандашами. Все рассматривали рисунок и хвалили юного художника. Позвали меня. Я долго смотрел на первый виденный мною портрет Ленина и старался припомнить его живое лицо. Серов вспился в меня глазами и дрожащим от нетерпения голосом спрашивал: «Что ты молчишь? Говори же! Похож? Говори!» Я дипломатично сказал: «Похож, не так чтобы очень, но близко».

Володя облегченно вздохнул, все присутствующие благодарно похлопали Серова по плечу, а портрет Ленина немедленно прикрепили к стене. Наши соседи по зданию из горкома партии приходили и внимательно смотрели на портрет В. И. Ленина.

Минули годы. Возвращаясь в Ленинград через Москву после окончания Великой Отечественной войны, я зашел к своему другу юности, майору А. В. Былинкину, который рассказал мне о жизни некоторых ребят. Владимир Серов стал известным художником, академиком, создателем картин о Ленине.

Теперь я говорю своим внукам словами своего отца: «Смотрите во все глаза и запомните на всю жизнь все, что увидите». Не каждому из миллионов

людей достанется такое счастье — претворять в жизнь мечту и дело Ленина.

Владимир ФЕДОРОВ,
Ленинград

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ПОРУЧЕНЕЦ

С высокого обрывистого берега на многие километры открывались необъятные дали: зеленели пойменные луга, игрушечными казались в сиреневой дымке дома поселка, уходящая до самого горизонта серая лента дороги...

Рядом с нами — участниками похода по местам боев Чапаевской дивизии, организованного ЦК ЛКСМ Карагандинской и Уральским обкомом комсомола, — стоял и глядел на седой Урал невысокий, по-юношески подтянутый генерал Александр Васильевич Чапаев — сын легендарного начдива. И в ту минуту он, как и каждый из нас, вероятно, пытался представить события, произошедшие на этом месте 5 сентября 1919 года.

...В ту ночь белоказаки корпус генерала Сладкова, смяв неожиданной атакой красную заставу, прорвались в Лбищенск, где находился штаб и политотдел 25-й Чапаевской дивизии. Начдив со своим порученцем кинулись к Соборной площади, на которой в случае тревоги должны были собираться бойцы. Четыре часа длилась оборона этой площади. Чапаев был ранен. Петр Исаев своей рубашкой перебинтовал ему руку. На рассвете беляки подтянули артиллерию. Дальнейшее сопротивление было невозможным: чапаевцев оставалось совсем немного — раненный в руку начдив и несколько бойцов. С трех сторон — белоказаки, за спиной под песчаной кручиной — широкий и бурный Урал. К нему и стали спускаться уцелевшие чапаевцы, уводя с собой истекающего кровью начдива. С помощью верного Петьки сделали Чапаева свои последние шаги по земле, а когда бросился в воду, наядясь переплыть Урал, Петья Исаев остался на берегу прикрыть начдива. Остался совсем один: остальные бойцы были убиты еще при спуске к реке. Пока были патроны, он отстреливался от наседающих белоказаков, а увидев гибель командира, пустил последнюю пулю себе в сердце.

«И казаки, — напишет позднее Д. Фурманов, — остервенело издевались над трупом этого маленького, но такого славного, благородного воина. С большим трудом потом опознали товарищи раздавленную в песке массу человеческого тела...»

В этом письме я хочу рассказать молодежи о том, что мы узнали от сына Чапаева о Петре Исаеве.

...Есть в Саратовской области старинное русское село Корнеевка, ставшее центром формирования первых красногвардейских отрядов, составивших впоследствии ядро знаменитой 25-й Чапаевской дивизии. В Корнеевке в семье батрака родился и Петр Исаев. Маленький, подвижный, никогда не унывающий Петра многих из чапаевцев считали чуть ли не подростком. Может быть, потому и называли его не по имени и отчеству и не по фамилии, а по-войскому — Петькой. Так называл его и Чапаев. Под этим именем он вошел потом и в роман Фурманова.

Между тем, Петр Исаев пришел к Чапаеву уже испытанным боями, сознательным бойцом. В 1916 году, во время первой мировой войны, он был призван на действительную службу. В звании унтер-офицера попал на фронт, был тяжело контужен. В начале 1918 года Петр Исаев вернулся в родную Корнеевку, где сразу же включился в активную работу по укреплению в селе Советской власти. А когда услышал, что плотник из Вязовки, полный георгиевский кавалер Василий Чапаев формирует красные отряды, с группой добровольцев присоединился к нему.

Заслужить расположение Чапаева было не просто. Человек по натуре боевой решительный, он хотел видеть такими же и подчиненных. И, надо полагать, Петр Исаев вполне отвечал этим требованиям, если вскоре же по прибытии к Чапаеву он был назначен начальником связи только что сформированной бригады.

...Как-то во время боя убили пулеметчика. Встав в полный рост, густой вояной пошли на чапаевцев белогвардейцы. Увидев это, Петья стрелой пустился к пулемету. Вражеская цепь уже близко, рядом. И тут Исаев хлестнул такой очередью, что ряды белогвардейцев тут же смешались и откатились назад.

После боя Чапаев протянул начальнику связи серебряные часы.

— Дарю. Если считаешь, что не заслужил, — потом дослужишь. Верю в тебя.

Чапаев не ошибся в Петре. В последующих боях тот неоднократно доказывал, что подарок начдива он получил не зря.

Летом 1919 года перед наступлением на Уфу Петр Исаев, ставший к тому времени личным порученцем Чапаева, взял в плен белогвардейца. Им оказался матерый провокатор по кличке Сучок. Когда Колчак захватил Уфу, по доносу Сучка были расстреляны сотни коммунистов, красногвардейцев и рабочих. За поимку провокатора Уральская ЧК вручила Петру Исаеву именной никелированный браунинг с выгравированной надписью: «Петру Исаеву — за отвагу. От уральских чекистов».

Но особое мужество и стойкость проявил порученец и преданный друг Чапаева в том, самом последнем бою.

Уже через два месяца после лбищенской трагедии, когда чапаевские полки вышли к Каспийскому морю, Реввоенсовет республики приказом за номером 312 посмертно наградил Петра Семеновича Исаева орденом Красного Знамени.

Николай ВЕРЯКОВ,
офицер запаса,
участник похода по местам боев 25-й Чапаевской дивизии,
Москва

ЦЕНОЮ ЖИЗНИ

Как на драгоценную реликвию смотрю я на пожелтевший конверт, пришедший в нашу деревню с фронта в тяжелом и яростном 1943 году. Это письмо стало похоронкой; в нем сообщалось о смерти нашего земляка Андрея Чернавского, бывшего моего ученика.

Письмо написано рукой медсестры военного госпиталя, где лежал тяжелораненый Андрей. Первую часть письма Нина Васильевна Кузнецова писала под его диктовку:

«Здравствуйте, дорогие мама и папа. Извините, пожалуйста, что я долго не писал вам. Поверьте, дорогие мои, было некогда. Но шли день и ночь, было не до писем. Надо было беспощадно бить гитлеровских захватчиков. Я не мог им не мстить, видя сожженные города и села, убитых ими женщин, детей, стариков. Я мстил им, как только мог, за поруганную родную советскую землю...»

«Теперь письмо продолжают писать я сама, — сообщала медсестра. — Вот до этих строк я писала под диктовку лейтенанта нашей части Андрея Ивановича Чернавского. Он только сейчас на моих руках, тяжело дыша, скончался. Мужайтесь, дорогие наши Марфа Петровна и Иван Васильевич! Ваш сын проявил мужество и героизм. При наступлении он вышел далеко вперед, оставил подразделение со своим заместителем, и сам подавил огневую точку противника. Совсем недалеко от него рвались снаряды, и одним из них он был тяжело ранен. Врачи вынуждены были ампутировать ему ногу. Он также получил ранение в голову и в левую руку, потерял много крови, восполнить которую мы не смогли в условиях непрерывного боя. Переправить Андрея в тыл под непрерывным огнем было тоже невозможно. Я его спросила, почему именно он сам решил подавить огневую точку. На это он мне ответил: «Задание было трудное, и потому вряд ли молодой, неопытный боец смог его выполнить. Если бы я не пошел, то кому было бы идти на такое трудное задание, как не командиру подразделения? На то я и командир, чтобы подавать пример своим подчиненным».

Прошло тридцать пять лет с тех пор, как перестало биться сердце моего любимого ученика, комсомольца Андрея Чернавского, а я все помню, что было связано с его учебой в школе. Физика и математика были его призванием. Началась война, и студент второго курса физико-математического факультета Андрей Чернавский ушел на фронт. Он заслужил несколько медалей, был представлен к ордену Красной Звезды.

Написал я об Андрее Чернавском и вспомнил письмо наших односельчан, крестьян бывшей Лево-Ламской волости, Владимиру Ильичу Ленину, письмо-клятву на верность вождю молодого Советского государства, которое они написали 20 апреля 1922 года на общем сходе крестьян, только что изгнавших антоновских эсеро-кулацких бандитов из родных ламских сел:

«И если кто из наших врагов посмеет напасть на нашего высокого вождя (Владимира Ильича Ульянова) Ленина, на нашу молодую Советскую республику, мы в один момент станем стеной на защиту любимого вождя и родной Советской власти».

Александр НИКОЛАЕВ,
учитель третьей средней школы Сосновского района,
Тамбовской области

Валерий ГУРИНОВИЧ.
Фото Валерия ДАРЬИНА.

Как это
делается...

ГРАМПЛАСТИНКИ

Весна в Париже 1877 года... Кажется, воздух ее взят с картин этих невозможных импрессионистов, чья выставка три года назад была подобна взрыву в кругу буржуа. А нынче и Мане и Дега — желанные гости в парижских салонах, и юные мадемузели не прочь, блеснув эрудицией, сказать что-нибудь такое о «тонах Сислея» или «мазке Писсаро».

Бульвары в цветущих каштанах, столики уличных кафе, нежный женский профиль, моментально схваченный легким пером одного из многочисленных художников... Но уже видится вёк иной, и приметы этого железногого столетия с грохотом и лязгом вдруг проносятся по весенним парижским улицам. К этому начинают привыкать, как привыкли к импрессионистам. Но никому невдомек, что и тридцатипятилетний хмурый парижанин, спешащий этим весенним полднем в сторону Французской академии, композитор, учёный и поэт Шарль Кро — тоже вестник грядущего века. В его папке стопка мелко, неровно исписанной бумаги, труд долгих бессонных ночей и напряженных дней. Озаглавлен он длинно и несколько загадочно: «Процесс записи и воспроизведения явлений, воспринимаемых слухом».

Но спустя всего шесть месяцев на другом континенте великий американец Томас Альфа Эдисон воплотил эту «загадочную теорию» в реальность, прерывающуюся от волнения голосом произнеся в рупор изобретенного им фонографа.

фа всего одну фразу, которая тут же была повторена новым аппаратом: «У Мари есть маленький ягненок».

Весть о доселе никому не известной Мари и ее, без сомнения, славном ягненочке облетела весь мир. Фонограф Эдисона приводил в изумление ничуть не меньшее, чем аппарат Луи Жан Люмьера для съемки и проекции «движущихся фотографий». Вскоре «механический голос» впервые прозвучал и в России, в Политехническом музее, где демонстрировалось великое изобретение Эдисона. Это чудо далекого и все же столица близкого нам XIX века — фонограф с восковыми или покрытыми оловянной фольгой валиками — вы и сегодня можете увидеть в одном из залов Политехнического. Здесь же вы узнаете и о немецком инженере Эмиле Берлинере, который вслед за Шарлем Кро и Томасом Эдисоном сделал важный шаг к прообразу современной грампластинки. Он предложил в качестве «хранителя звука» использовать вместо эдисоновских валиков, непригодных для размножения, цинковый диск.

В самом деле, современная грампластинка в принципе схожа с той, что в 1888 году, ровно девяносто лет назад, была поставлена на первый в мире фонограф, изобретенный тем же Берлиннером: в обоих случаях с металлических дисков можно снимать копию-матрицу для массового производства грампластинок.

Первая грампластинка хранится сегодня в Национальном музее в Вашингтоне. А через девять лет после ее изготовления в Ганновере была произведена первая грамзапись на русском языке.

Вот, пожалуй, вкратце те исторические сведения, которые надо бы знать

прежде, чем переступить порог старинного московского особняка на Тверском бульваре, где находится Всесоюзная фирма граммофонных пластинок «Мелодия».

Отсюда сегодня начинается сложный и увлекательный путь современной отечественной грампластинки к многомил-

В ГАЛЬВАНИЧЕСКОМ ЦЕХЕ
С ОРИГИНАЛА
СНИМАЕТСЯ МАТРИЦА.

С МАТРИЦ
АВТОМАТИЧЕСКИЕ ПРЕССЫ
«ПЕЧАТАЮТ» ГРАМПЛАСТИНКИ.

лионному слушателю. Именно здесь, в студии звукозаписи, где в аппаратных над пультами склонились режиссеры и операторы, а за звуконепроницаемым стеклом неслышно играют музыканты и поют певцы и все происходящее напоминает кадры немого фильма, рождается грампластинка.

Не восковые валики и не берлинские цинковые диски, покрытые тонким слоем воска, а магнитная лента стала нынче первой ступенью к возвращению звука.

Фирма «Мелодия» располагает студиями во всех крупнейших городах Союза, но центральной по праву считается московская. Потому что именно в ее аппаратных звуки с магнитофонной пленки переписывается на лаковый диск, называемый так потому, что алюминиевая шлифованная «подложка» его покрыта специальным лаком. С этого диска впоследствии снимается оригинал будущей пластинки.

Для наглядности один пример,—рассказывает главный инженер фирмы Анатолий Александрович Мазин.—Записываем мы диск популярного вокально-инструментального ансамбля «Смиричка». В студии ансамблю не обязательно проигрывать всю программу сразу. Мы имеем возможность писать на ленту каждую вещь буквально по отдельным музыкальным фразам. Позже звукорежиссер и оператор выбирают лучшие варианты и, монтируя их, получают высококачественное звучание всей программы. Так что слушатель грамзаписи может оказаться даже в выигрыше перед тем, кто пришел послушать «Смиричку» в концертный зал. Разве можно было представить себе такое при записи на восковой диск?

Магнитная лента—первооснова будущей пластинки. С нее вся звуковая информация на специальном оборудовании горячим резцом переносится на уже знакомый нам лаковый диск. И пластинка готова. Да, на этот черный, матово отсвечивающий диск мы уже можем опустить иглу звукоснимателя и услышать запись. Но все дело в том, что услышим мы ее в первый и в последний раз. «Пластинка» будет безнадежно испорчена.

Для долговременного использования записи, для ее тиражирования лаковый диск металлизируется—покрывается серебром. На него «наращивается» никелевый оригинал. «Звукоизображение» на нем, если сравнить с фотографической пластинкой, будет негативным. А сняв, в свою очередь, с этого «нечеткого» оригинала второй—«четкий», мы вновь получим звуковой позитив. Именно поэтому на заводы грампластинок и посыпаются вторые, четные оригиналы. А уже на них электрохимическим способом наращиваются матрицы негативного «звукоизображения», с которых и начинается серийная печать граммофонной пластинки...

**ВОТ ОН—
ЕЩЕ НЕ УСПЕВШИЙ ОСТЬТЬ
НОВЫЙ ЗВУЧАЩИЙ ДИСК.**

— Все просто, не правда ли?—улыбается Мазин.—Но не забывайте: от первого неуклюжего диска Берлинера, с которого можно было снимать стереотип, до нынешней «простоты» прошло девять десятков лет.

Мы еще вернемся с вами на Всесоюзную студию грамзаписи, а сейчас самое время побывать на Апрелевском ордена Ленина заводе грампластинок, главном предприятии фирмы «Мелодия».

Здесь выпускались пластинки с записями Шаляпина и Вяльцевой, Комиссаржевской и Тартакова, популярные мелодии «На сопках Маньчжурии» и «Риод-Рито», «Брызги шампанского» и «Амурские волны»... Пластинки, ставшие сегодня коллекционной редкостью,—первая продукция Апрелевского завода.

Он открылся в 1910 году. Два барака, полукустарное производство. Но и в ту пору он был крупнейшим в России. А через пять лет шесть его фабрик выпускали около 20 миллионов грампластинок в год.

В 1919 году декретом Совнаркома производство грампластинок, как средство массового политического и художественного образования народа, было национализировано. В редколлегию отдела «Советская пластинка» Центрпечати вошли В. И. Ленин, М. И. Калинин, А. М. Коллонтай.

На первых советских грампластинках, выпущенных Апрелевским заводом, были записаны речи Владимира Ильича Ленина: «Обращение к Красной Армии», «Памяти председателя ВЦИК тов. Свердлова», «III Коммунистический Интернационал». В год 60-летия Октября здесь же был выпущен диск, содержащий десять речей вождя революции, две из которых записаны на пластинку впервые. Над восстановлением записей этих речей работала группа сотрудников фирмы во главе с одним из специалистов звукозаписи, А. Аршиновым.

Апрелевский завод грампластинок—это пять основных производств, это более двух тысяч рабочих, это ежегодный выпуск до пяти тысяч наименований дисков общим тиражом около 75 миллионов экземпляров.

Но Апрелевский завод—это и одна из «лабораторий» по открытию новых путей изготовления грампластинок.

Вы, конечно, помните черно-серые диски, которые бережно хранились в коробке на этажерке или в старом пузатом буфете. И не дай бог было уронить такую пластинку. Вдребезги разбивались чарующее танго «Память цветов», лихой утесовский извозчик и знаменитое мефистофельское «Хаха-ха!». Сколько было пролито девичьих слез над осколками разбитых мелодий!

Нынче такие пластинки редко где встретишь, а пройдут еще годы, и станут они диковиной. А ведь «бывающие» пластинки выпускались нашей промышленностью всего десять лет назад, и лишь в

1971 году Апрелевский завод полностью перешел на выпуск грампластинок, в основу которых лег новый вид пластинки—сополимер.

Пластинка стала легче, изящнее, а главное—прочнее.

— Сополимер—исходный материал для грампластинок,—рассказывает Дмитрий Алексеевич Соловьев, начальник экспериментального участка опытного цеха, работающий на заводе более тридцати лет. Химик по образованию, исследователь и экспериментатор по духу, он принимал самое непосредственное участие в развитии нашей грампластично-промышленности на всех этапах.—Пластинка, из которой штампуется пластинка, долгое время была самым слабым во всей производственной цепочке звеном. До войны мы вообще не имели отечественного сырья. В Индии покупали специальную смолу, затем ее довольно сложно путем переработывали. Но в начале пятидесятых годов стали серьезно заниматься полимерами для изготовления грампластинок.

Это была долгая, кропотливая работа. Нежданная радость зачастую сменялась разочарованием, и минуло около пятнадцати лет, прежде чем было найдено качественно новое и удобное в производстве сырье. Сополимер стал «волшебной палочкой», открывшей новые пути совершенствования грампластинок.

Как вы помните, из цеха Всесоюзной

студии грамзаписи на завод поступил никелевый диск («оригинал») с записью программы ВИА «Смиричка». Проследим его путь.

В гальваническом цехе после обезжиривания с оригинала снимается матрица. Вернее, до 40 матриц. Матрицу грампластинки мы вполне можем сравнить с полиграфической матрицей любого печатного издания. Такое же обратное изображение, но только содержит оно не текстовой и не иллюстративный материал, а звуковую запись.

Матрицы центруются, обрезаются, обжимаются (им придается нужная форма), хромируются и поступают в прессовый цех, где с них и штампуются грампластинки. С каждой более пятисот штук.

Прессы—полуавтоматы и автоматы—бесперебойно «выдают на гора» блестящие, еще не успевшие остывать диски. И не только черные. Голубые, красные, розовые, синие—почти все цвета радуги! Они проходят через ОТК, их прослушивают контролеры по звуанию, их упаковывают в красочные конверты, на которых белозубо улыбается «Смиричка», укладывают в коробки—и любителям украинского звонкоголосия и современных ритмов готов еще один яркий, праздничный подарок.

В фирме «Мелодия» работает много мастеров экстра-класса. Один из них—Николай Терентьевич Морозов. Звукооператор высшей квалификации,

**ГОДОВОЙ ТИРАЖ ГРАМПЛАСТИНОК ФИРМЫ «МЕЛОДИЯ»—
ОКОЛО 200 МИЛЛИОНОВ ШТУК.**

он записывал парады на Красной площади, выступления ведущих мастеров советской сцены, но главное, чем славен Николай Терентьевич,—это умением возвратить к жизни записи полувековой и более давности.

Он реставрировал грамзаписи, сделанные в начале века. Голоса Шаляпина, Вяльцевой, Коня вернулись к нам сегодня во многом благодаря мастеру-реставратору Морозову.

— Реставрировать старые грамзаписи—увлекательнейшее дело. Мне доводилось делать перезапись не только со старых пластинок, но и с эдисоновских восковых валиков. Сравнительно недавно мы восстановили запись замечательного кабардинского фольклора, сделанную в конце прошлого века,—«Песню о сыне Дзаларбеле». Пожалуйте, как звучала эта запись.

Николай Терентьевич осторожно берет фоновалик, вставляет его в фонограф... Гортанный, отдаленный десятилетиями голос еле пробивается к нам сквозь шипение и треск.

— Все это я с фоновалика или со старой пластинки переписываю звукоснимателем на магнитную ленту. При этом важно подобрать иглу с нужным радиусом закругления, «поймать» начальную музыкальную фразу. Затем с пленки снимаю «грязь»: шумы, треск, фонирование. Короче, восстанавливая звучание, можно сказать, по нотке. Ну, а потом? Потом магнитная лента проходит свой обычный путь, чтобы стать новой граммофонной пластинкой.

Последняя по времени работа Морозова—реставрация записей знаменитого баса Григория Пирогова. «Дубинушка», «Взойдет солнце красное»—эти песни замечательный русский певец записал в 1905—1907 годах. И вот спустя более семи десятков лет мы снова слышим их, наслаждаясь мощью и красотой самобытного пироговского баса.

Сегодня Всесоюзная фирма «Мелодия»—одна из крупнейших фирм грамзаписи в Европе. Продукция ее экспортится в 92 страны мира. Общий годовой тираж—около 200 миллионов пластинок.

В репертуаре—классические музыкальные произведения в исполнении ведущих советских мастеров, современные эстрадно-симфонические произведения. Кроме того, грампластинки с записью театральных спектаклей, выступлений советских писателей и поэтов, детские пластинки. Особую часть продукции фирмы составляют учебные пластинки, столь необходимые ныне в процессе школьного и вузовского обучения.

За рубежом регулярно проводятся международные конкурсы на лучшие грамзаписи. Исполнители произведений, записанных на грампластинки, тираж которых достиг миллиона экземпляров, награждаются призом «Золотая пластинка». Среди призеров немало и советских артистов: Э. Гилельс, Д. Ойстрах, С. Рихтер, Л. Коган, И. Архипова, З. Долуханова, Д. Гнатюк, Л. Зыкина...

Их успех по праву разделяет и наша отечественная грампластиничная про-

**КАК И НА ЛЮБОМ ПРОИЗВОДСТВЕ,
ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ЗДЕСЬ
ЗА ОТК.**

мышленность. Грамзаписи, сделанные ведущими советскими звукорежиссерами В. Гроссманом, Д. Гаклиным, И. Вепринцевым, неоднократно отмечались призом «Гран при» Французской академии грамзаписи имени Шарля Кро.

Граммофонная пластинка... Уже почти столетие мир не устает восхищаться ею, независимо от того, льется ли ее мелодия из рупора берлинского граммофона, или же из усовершенствованного французской фирмой «Пате», где рупор скрыт в элегантном ящике (кто не помнит знаменитые патефоны 30—40-х годов, дошедшие и до наших дней), либо из динамиков современного стереофонического электрофона.

Под «грампластиинку» кружились в вальсе наши бабушки и дедушки, грустили и радовались наши матери и отцы. Она и сегодня с нами — в шумной студенческой компании, в рабочем общежитии, на танцевальном вечере. Мы остаемся наедине с ней в минуты раздумья.

Прошедший год был годом столетнего юбилея звукозаписи. Но вопреки возрасту никто не назовет грампластиинку «бабушкой». Напротив, она молодеет с каждым годом.

Кажется, совсем недавно вошла в нашу жизнь, но уже стала привычной стереопластиинки, а на смену ей уже идет другая новинка: диск квадрофонического — объемного! — звучания. Вчера еще квадрофония была лишь одним из путей поисков в исследовательских работах по звукозаписи, сегодня — вот они, яркие, красочные пластинки фирмы «Мелодия», ансамбль «Ариэль», «Рой Конифр в Москве», несколько записей спектаклей Большого театра.

В тридцатые годы многих поразила «говорящая бумага» — особый вид грампластиинки — оптическая запись на типографской бумаге. Тиражировать такие «пластинки» можно было на обычной печатной машине офсетным способом. Оптический звукосниматель прекрасно «проигрывал» записи.

Сейчас учеными заинтересовал другой способ записи звука — с помощью цифр. Цифровая система записи, разработанная ленинградскими учеными, сегодня, пожалуй, одна из наиболее перспективных. Звуковая информация, закодированная на ЭВМ, переносится на пластинку. Воспроизводится запись с помощью специального декодатора. Около ста часов может звучать такая пластинка!

Проник сегодня в область звукозаписи и вездесущий луч лазера. Именно лазерный способ звукозаписи открывает перспективы создания граммофонной видеопластиинки с цветным, стереоскопическим (трехмерным!) изображением. Вот здесь-то и пригодится нам квадрофоническая звукозапись! И сколько бы мы ни проигрывали такую пластинку, качество ее практически будет неизменно высоким. Это также гарантируется лазерным способом записи и воспроизведения.

Нет, мы сегодня не задаем себе вопроса: «Магнитофон или грампластиинка?» Два способа воспроизведения звуковой информации развиваются и будут развиваться, ничуть не мешая друг другу, а скорее друг друга дополняют. У пластинки свои преимущества — она легко тиражируется, хранится до 70-летнего «возраста», а затем, как мы знаем, может быть реставрирована. Она проста, доступна в обращении, и мы можем, не перематывая магнитную ленту, в любую минуту услышать голос любимого певца или запись близкого сердцу музыкального произведения.

Нынче грампластиинка стала одной из ярких примет нашего жизненного уклада. И нет, не заменят ее новейшие магнитофоны. Иная жизнь у лакированного блестящего диска, иная и, честное слово, завидная судьба.

...Был у какой-то Мэри маленький славный ягненочек. И вот что из этого получилось.

ВРЕМЯ ПРОДИВ

Александр АБРАМОВ,
Сергей АБРАМОВ.

Глава IX БИЛЛЬ

Прошел месяц со дня нашего последнего разговора с Мартином: он был в длительной командировке от редакции, разъезжал по городкам и поселкам периферии. Сейчас он, задрав ноги, лежит у меня на диване и прикуривает от свечи в старинном медном канделябре. На улице ночь, электричество в это время в отеле нет, светят только пылающие дрова в камине и свечи в канделябрах.

— Древняя штука, — говорит Мартин, ставя канделябр на камин. — Чур, рассказывать тебе первому.

Мне действительно рассказывать первому — так мы условились еще до отъезда Мартина. А рассказать есть о чем. Например, о популистской конвенции в Вудвилле, сменившей главу партии. Прошел Уэнделл, как и предполагалось, не очень охотно поддержанной фермерами. Но все-таки прошел: сказалось влияние Стила в партийных верхах и тактика «Сити ньюз», купленной Уэнделлом у ее бывших владельцев.

— А как относится к биллю Стил? — спрашивает Мартин. — И вообще, что ты у него делаешь?

— Ничего. Должность фиктивная. Знакомлюсь с окружающими его людьми и сенатскими кулуарами. В общем, то, что мне и нужно. А к биллю он относится отрицательно, будет голосовать против. Я передал ему мнение Уэнделла, но тот промолчал.

— Расскажи мне, наконец, где сенат и где правительство? Что есть что?

— «Что есть что» просто и схематично. В сенате шестьдесят два места. Победившая партия образует миниатюрный по земным масштабам кабинет министров, по земному — секретарей, как в Англии. Глава партии, он же премьер-министр, одновременно ведающий государственной собственностью — казначейством, железными дорогами, рудниками, бюджетной системой. Четверо остальных секретарей представляют кто администрацию Города, иначе говоря, кантональные власти, суд и полицию, кто — промышленность и торговлю, кто — сельское хозяйство, а кто — цеховые организации, по-нашему, профсоюзы. В сенате они голосуют, в правительстве — действуют. Не ищи земных аналогий, но сущность капиталистической системы от этого не меняется.

— А что изменит билль?

— Только расколет двухпартийную систему управления.

— Значит, комму отколются?

— Оставь свой жаргон, Мартин. Противно слушать. И повторяю: не ищи земных аналогий. Коммунистической партии здесь нет. Рабочее движение еще только приобретает организационные формы: мешают цеховая раздробленность и промышленная отсталость. Но уже рождается что-то вроде социал-демократии.

— Донован? — улыбается Мартин. — Нашел-таки?

Я раздумываю, говорить или не говорить Мартина о моих встречах с Донovanом. Первая была, пожалуй, наиболее примечательной. Мы стояли у стойки бара уже без Уэнделла, критически рассматривая друг друга.

— Интересно, чем это я мог заинтересовать советника сенатора Стила? — спросил Донован. Он был неулыбчив и холоден.

— Политические взгляды сенатора могут и не совпадать со взглядами его советника, — ответил я. — Лично мне, например, нравятся ваши выступления в сенате.

— И мой билль против цеховой раздробленности, за всецеховое объединение с единой экономической программой?

— Иначе говоря, единый профессиональный союз?

— Несколько непривычно звучит, но можно сказать и так.

За него подано шесть голосов из шестидесяти.

— Будь я в сенате, я был бы седьмым.

— Интересно, — сказал Донован. — Вы и газету нашу читаете?

— Конечно.

— Тогда почему же вы работаете у Стила?

— Потому что отцы наши были друзьями и участниками Сопротивления в десятом году. Встретились случайно. Стил поразился моим сходством с отцом. Предложил работу. Я согласился, предупредив, что я новичок в политике и только пытаюсь ее осмыслить.

— Ну и как — осмыслили?

— Кое-что. Уэнделл, например, прогрессивнее Стила, так как стимулирует развитие производительных сил, а Стил тормозит его.

Если я рассчитывал удивить Донована, как удивил Мердо-

ка, земными политическими формулировками, то явно ошибся. Донован не удивился, только заметил:

— Вы обманули Стила, Ано, сказав ему, что вы новичок в политике. Вы узнали ее истинную суть от отца, не потерявши память. Может быть, вы даже знаете больше меня.

На другой день за завтраком в том же сенатском клубе он мне сказал:

— Не экзаменуйте меня, Ано. Все, что вы говорите о классовой борьбе, мне уже давно ясно. Но второй революции может и не быть. Не исключено, что мы придем к власти парламентским путем, когда большинство народа поймет наконец необходимость социалистических преобразований.

Рассказывать или не рассказывать об этом Мартина? Все равно он скажет: пропаганда. Ведь интересует его только билль, открывающий Мердоку ворота в сенат.

Я передаю ему слова Уэнделла. Мартин не согласен.

— Мердок не только будет покупать голоса, он немало получит даром, — говорит он. — Подсчитай будущие избирательные ресурсы Мердока. Я объездил по крайней мере два десятка поместий, не считая хозяйствиков вроде Фляшона. Это уже не десятки голосов, а тысячи: вместе с хозяевами будут голосовать и все от них зависящие. А ведь раньше они голосовали за популистов. Откуда же перемены? Одна вдова, владелица нескольких тысяч акров пшеницы, была достаточно откровенной. «Я всегда голосовала за Стила, но сейчас это мне будет стоить не меньше миллиона франков». Оказывается, полчаса назад к ней заезжал бродяга с пистолетом за поясом и объявил в присутствии слуг, что на этот раз не только ей и ее семье, но и всем избирателям и слугам придется проголосовать не за Стила, а за реставраторов. Нет такой партии? Нет, так будет. А если она не послушается, так ей сплатят всю пшеницу. «Вы, конечно, не перескажете это в своей редакции», — сказала мне мадам помещицы, — я газет не читаю, а верзулю знаю. И то, что он сплатил мне урожай, тоже знаю. Вы, вероятно, встретите его по дороге и поймете, что с таким джентльменом обычно не спорят». И я действительно его встретил. Знаешь, кто это? Наш друг Чек Паска.

— Паска придется взять под наблюдение. Найди кого-нибудь.

— Уже нашел.

— Кого?

— Луи Ренье.

Находка Мартина отнюдь меня не радует. Рискуем мы жизнью мальчишки. Он даже стрелять не умеет.

— Еще один маневр Мердока, — размышляю я вслух. — Значит, он нам не верит.

— А мы ему. Кстати, серебро до сих пор в его лесной «берлоге».

— Ты уверен?

— Почти. Слитки в больших количествах не появлялись ни на рынке, ни в ювелирных лавках. Может, пустить по следу полицию?

Я рассуждаю. Бойль, начальник полиции Города, — человек Стила. Честный. В какой-то мере принципиальный. Но в подчинении у него слишком много подонков, закупленных Мердоком. Да и не только им. Мартин прав: в Городе рождаются темные придонные слои, что-то вроде американской мафии. Появляются капиталисты, неизвестно что произведут. А это на руку Мердоку. Ведь именно он основная опасность в будущем. Можно, конечно, взять серебро из его «берлоги». Бойль это охотно и даже умело сделает. Но не рано ли? Не лучше ли выждать более подходящий момент для удара? Тут может помочь Ренье, но оставлять его при Паске рискованно.

Я тороплюсь. В шесть уже ожидают сенатские кулуары и бар гудят в шумной и пустырьной болтовне, из которой я всегда что-то выслушиваю. На лестнице, окаймленной колоннами, толкотня, как на пристани в Сильвервилле. Пробираясь наверх, встречаю Бойля. Начальник полиции стоит в сторонке и созерцает присутствующих. На заседании он будет сидеть со мной в ложе сенатских чиновников: амфитеатр зала только для сенаторов.

— Все еще не нашли серебро, Бойль? — Мы с ним на дружеской ноге и обходимся без «месье» и без «мистера».

— Кто сейчас интересуется серебром? — спрашивает он. — Билль и только билль!

— А вдруг провалят?

— Чудак, — смеется Бойль и ныряет в какую-то болтающую группу.

У Бойля своя информация, думаю, верная и вполне исчерпывающая.

Ко мне подходит Уэнделл, дружески пожимает руку.

— Сейчас вы спросите о Стиле, — улыбаюсь.

— Не буду. Знаю, что он проголосует против.

— Многие боятся его выступления. Оно может быть очень резким.

Продолжение. Начало в №№ 19, 20.

ВРЕМЕНИ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Рисунок
Геннадия НОВОЖИЛОВА

— А разве вы не знаете точно?

— Он со мной не советовался. Но он очень не любит Мердока.

— Мердок в сенате менее опасен, чем за его стенами. А билль ждут и другие. Жизнь, как время: идет вперед, а не стоит на месте. Общество не могут представлять одни агарики и банкиры.

Кто-то отвлекает от меня Уэнделла, и я заглядываю в пустынющий понемногу ресторан. Стил нахожу одного в дальней кабине за синей портьерой. Перед ним два бокала и бутылка вудвилльского красного. Но он не приглашает меня ни присесть, ни пригубить вина.

— Я не знал, что вы здесь, Ано,— говорит он, не поднимая глаз.

— Я пришел, как советник, пока вы меня еще не уволили,— отвечая я и жду.

— С каким советом?

— Не выступать вообще.

— Почему?

— Вы не поведете за собой даже трети сената.

— И пропустить Мердока?

Я повторяю слова Уэнделла, что за стенами сената Мердок более опасен для общества. Сенатский мандат, говорю я, неизбежно сдерживает его агрессивные манипуляции. Хуже будет, если хунта Мердока силой захватит власть. Что такое хунта, Стил не понимает, я вижу это по его глазам и тут же поправляю «хунту» на «шайку» и добавляю, что крайности рестораторов в сенате всегда подавят разумное большинство.

Стил долго не отвечает, и я жду, не присаживаясь.

— А вы знаете, кто выдвигнет билль? — наконец спрашивает он.

— Рондель.

— Глава партии «дженкльменов». Человек, проживший на свете столько же, сколько и я. Что же заставило его изменить продуманный и пережитому?

— Я только что слышал от главы вашей партии, Стил,— говорю я, делая ударение на «вашей».— Жизнь, как время: идет вперед, а не стоит на месте. Должно быть, Рондель это понял.

— Они хотят расколоть нас,— тихо, но твердо произносит Стил.— Отойдут трудовики, зашевелились каноники, суетится мать-настоятельница, а главное, конечно, Мердок. Перемены? Я против перемен, Ано. Люблю все стабильное, прочное, неизменное. Должно быть, мне пора в отставку, сынок. Могу назвать тебя так, кто бы ты ни был. Ведь мне уже, как и Висту, давно за семьдесят. Только уйду после выборов. По конституции все мои голоса получат те, кому я их отдам. А у меня сто тысяч избирателей, и ни один из них не будет голосовать за Мердока.

Я вспоминаю рассказ Мартина, но молчу. Стоит ли огорчать старика, да еще в такой день? А на шантаж Мердока можно найти управу: есть и Уэнделл, есть и Бойль. Да и «Сити ньюз» может вмешаться, если понадобится. Словом, ответ Мердоку мы найдем и без Стила.

Звонит колокол, призывающий членов сената в зал заседаний. Стил уходит из ресторана, мне его искренне жалко: священник, основы веры которого поколеблены. Я медленно иду за ним, спиваясь с толпой в коридорах. Цветные скортуки и фраки перемешались с наглухо застегнутыми пиджаками и высокими жилетами, а кружевые жабо с широкими галстуками, как смесь годов, ярмарок и состояний. Журналисты с открытыми блокнотами толпились у входа в ложу прессы. Их длинные клетчатые пиджаки походили на форму. В соседнюю ложу сенатских чиновников входили более старомодные дженкльмены и леди. Женщин было довольно много и в зале заседаний и на хордах для публики. Они выглядели пестро, но чаще глаз примачивали сухопарых подтянутых директрис пансионов и настоятельниц монастырей, а то и просто монахинь в белых накрахмаленных шляпах. Красные треуголки лакеев, приносящих пиво и бутерброды в зал заседаний, еще более увеличивали крикливую пестроту картины.

У входа в ложу мне встречается Мердок, на этот раз более старомодный и чинный, как молоссановский редактор Вальтер из «Милого друга». Ульбка его лучезарна, словно у игрока, крупно выигравшего на ипподроме.

— Радуетесь? — замечает я.— Не рано ли?

— А вы сомневаетесь, месье Ано?

— Почему я и отказался от ваших пяти тысяч.

— Боясь, что вы мне уже не нужны. Как советник Стила, разумеется. Охотно предлагаю вам тот же пост.

— Не рано ли? — повторяю я.

— Я уже присмотрел себе кресло в сенате. Подумайте, Ано, может быть, это окажется выгоднее, чем предложение Уэнделла?

— Вы, как всегда, информированы, Мердок. Но я ни к кому не уйду от Стила. Тем более сейчас.

— Поддержать падающего? — смеется Мердок.

— Нет. Просто большей свободы действий нигде у меня не будет.

— То-то вы так часто встречаетесь с Мартином. Пусть имеет в виду, что разглашение редакционных секретов чревато далеко не радужными последствиями.

— Кому интересны секреты редакции «Браз энд баттер»? Я лично ее не читаю. Да и Мартин может уйти в другую газету.

— Он мне еще нужен, Ано. Как, впрочем, и вы. Не хочется терять вас из виду. Слишком много вы знаете, молодой человек,— говорит Мердок, рассматривая свои полированные ногти. Еще одна улыбка вполоборота, и он скрывается в ложе.

Значит, он знает о моих встречах с Мартином. Откуда? Слежка за мной или провал Мартина?

Ни он, ни я не открываем своих карт.

Игра продолжается.

Глава X УКРАДЕННОЕ ПИСЬМО

Билль прошел.

Я лежу у себя в комнате на диване, как Мартин, задрав ноги: спинки у омоновских диванов высокие, как в эпоху королевы Виктории. Сейчас в Городе праздник — семьдесят первая годовщина Начала, того самого Начала, с которого повел свою жизнь этот смоделированный неведомыми галактиками человеческий город, и которое с тех пор так и пишется, как Город, — тоже с прописной буквы. Делать ничего не хочется, да и дел нет, за окнами праздничная тишина, лишь экипаж изредка проскрипит или прозревает коня. И в отеле тишина, в одних комнатах спят после бурной предпраздничной ночи завязшие купчики и агенты, как у нас говорили когда-то, коммивояжеры, рекламисты товаров провинциального производства, слят профессиональные шулера побогаче, которые гостят в дорогом, хотя и старомодном отеле. Но большинство номеров пусто: сенаторы-фермеры и промысловики разъехались по своим промыслам и поместьям, в коридорах отеля не щелкают дверные замки и не слышно жильцов, любящих покурить и поболтать на ходу, возвращающихся к себе из бильярдной и бара.

Вот и лежи, Анохин, потому что читать тебе нечего, все газеты уже прочитаны, а книги здешние старомодны, как и этот отель, что-то вроде бульварных романов конца прошлого века. Лежи, Анохин, и жди, не забейся ли Мартин, где-то кочующий и что-то выносящий. Какой детектив вырос здесь из Мартина: Мегрэ не Мегрэ, Нуар не Нуар, но некий преемник Арчи Гудмана из романов американца Рекса Стата — живчик-философ, всюду проходящий и все замечательный, вскользь свой: в биржевых кулуарах и в дешевых забегаловках, в семье загулявшего промысловика и на приеме у директора стражевой компании. Без Мартина я бы не знал и половины того, что знал сейчас о Городе и его секретах, и не мог бы думать об обеде в баре «Аполло», куда он меня поведет сегодня и куда не ходят респектабельные горожане вроде Уэнделла или Стила. А пока лежи, Анохин, и думай, за какие чертог затягивает ты свою игру с Мердоком и Стилом, Донованом и биллем, который все-таки прошел, несмотря на двадцать три голоса против. Стил выступил и повел за собой чуть-чуть больше трети сената, но этих «чуть-чуть» оказалось слишком мало, чтобы билль пропасть.

Избирательная кампания уже в разгаре, портреты кандидатов в сенат торчат повсюду, в избирательных участках уже готовят списки выборщиков и бюллетени, а я в этих делах чужак, и вся предвыборная карусель здесь кружится помимо

меня, и мне полностью безразлично, кто займет сенатские кресла и за какие проекты и поправки будет голосовать. Конечно, я сопротивляюсь Доновану, но что ему от моего сопротивления? В сущности, все мы узнали с Мартином, и если только для этого нас переместили сюда, то пора бы и возвращаться домой, благо желание неведомых нам небожителей уже выполнено, а большего сделать нельзя даже по той легенде, которую оба придумали. Общество здесь развивается по законам, давно на Земле открытым, а ускорить или изменить ход исторического развития не в наших силах.

Кто-то тихонько стучит в дверь, и я уже знаю, что это не Мартин, потому что Мартин входит без стука. А входит Пит Селби с такой удрученной миной, что сразу становится ясно: что-то неблагополучно.

— Что случилось, Пит?

— Неприятность, советник. Меня выставили из архива.

— Почему?

— Потому что директор, месье Жанвье, заметил, что я интересуюсь больше партийными доходами и расходами, чем восторженными восхвалениями кандидатов в сенат. Такие письма, говорит, я отбрасываю, а изучаю счета и доносы. Теперь все будет выдаваться лишь по его выбору. Месье Жанвье хочет, чтобы я работал на глазах у его чиновников. Мне он не верит.

— А это не так плохо, Пит,— решаю я.— Кто-то будет интересоваться вами, а вы наблюдаете, кто. Если их будет двое или трое, немедленно сообщите мне их имена. Среди них кто-то, а может быть, и все они окажутся агентами наших врагов. Я уже давно знаю, что часть нашей внутрипартийной информации просачивается на сторону. Смотрите в оба глаза, прислушивайтесь ко всем вопросам и докладывайте мне. Мне он не верит.

Я едва успеваю закончить фразу, как врывается и, конечно, без стука, Мартин. Увидев Пита, спрашивает:

— Где Луи, Пит?

— Не знаю. Он уже несколько дней не ночует дома.

— И я его не встречал, Юри.— Тревожная нотка слышится в словах Мартина.

— Он только сказал, что должен кого-то разоблачить,— говорит Пит,— но кого именно, промолчал.

Я начинаю понимать, что Рене в опасности.

— Он кому-нибудь давал свой адрес? — спрашиваю я.

— Зачем? Все и так знают, что студенты из провинции живут в общежитии политехники.

— Там «пистолетники» рисковать не станут,— говорит Мартин.

— Кто их знает? — задумываюсь я.— Ты бы лучше сейчас переехал, Пит.— Я уже боюсь и за него.— На время к кому-нибудь, а? Сумеешь?

— Если требуется, сумею,— соглашается Пит, но не уходит, словно что-то собирается добавить кказанному.

— Ну, говори, не бойся,— поощряю его я.

— Знаю. Не хотел говорить сначала. Думал, подожду, когда накопится материал, но сейчас понимаю, что время не терпит. Вы просили посмотреть повинматальное, не наблюдал ли сослуживцы за моей работой. Наблюдают, советник. Сначала я ничего не заметил или, вернее, не обратил внимания. В частности, на любопытство старшего клерка Освальда Ринки. Он представился крайне заинтересованным моей работой, заглядывал в документы, которые я просматривал, и в мои записи, причем что-то записывал и сам. Интересовался он именно тем, что хотел скрыть от меня месье Жанвье, его не волновали прописки оппозиции, он хотел точно знать, на сколько голосов могут рассчитывать популисты в том или ином кантоне.

— Значит, Ринки работает не на Жанвье,— замечает Мартин.

Я начинаю уже соображать, в чем дело. О том, что Мердок имеет своих агентов и в избирательной канцелярии популистов, я догадывался давно. Теперь же я знаю, через кого просачивается информация.

— Я еще не все сказал, советник,—прерывает мое молчание Селби.—У меня сегодня украли рекомендательное письмо сенатора Стила.

Еще одно событие!

— Почему оно оказалось у вас?

— Я предъявил его мэре Жанвье, он прочел и вернул его мне, а я спрятал письмо в стол. В письме рекомендовали меня, ну а кому еще могла понадобиться эта рекомендация?

— Скверная история,—говорю я.—Любой документ за подписью сенатора может быть использован нам во вред.

— Вот что, Мартин,—решаю я.—Приедешь в «Аполло» ночью после девяти в самый разгар сутолоки. Столик закажешь заранее. Я постараюсь приехать вовремя. Пока же мы с Питом зайдем Ринки. Надо узнать точно, кому он продал письмо сенатора.

«Гэмблинг-хауз»—начертано электрическими лампочками на фронтоне богатого особняка на самом фешенебельном отрезке Большой бульваров. Надпись освещала не только вход и колоннаду у входа, но и примыкающую к нему ресторанию площадку под парусиновым тентом.

Швейцара не было. Мы вошли в открытые настежь двери, где в глубине большого пустынного холла скучал молодой человек в синем сюртуке и кружевном жабо, украшенном булавкой с липовым, похожим на аметист камнем. Мы предъявили свои визитные карточки и уплатили по двадцать пять франков за вход. Пока оформлялось это налаженное гостеприимство, я успел осмотреть соседний бар за тяжелыми и плюшевыми портьерами. Он был почти пуст—только несколько хорошо одетых молодых людей пили что-то у стойки. Ринки, как подсказал мне Пит, среди них не было.

Наверху нас встретила привычная тишина игорного зала, разбавленная шепотом советующихся, негромкими репликами выигравших или проигравших. Игра шума не любит, игроки немногословны. Лишь взгласы банкоматов и крупные прерывают почти бесшумное шуршание фишек по скучу столиков.

В игорном зале мы нашли, кого искали. Освальд Ринки, сидевший против крупье, играл осторожно,ставил стопки фишек не на номера, а на цвет, рассчитывая только на удвоенную сумму в случае выигрыша. В модном пиджаке табачного цвета и полосатых брюках он не походил ни на ковбоя из вестерна, ни на клерка из канцелярии популистов. Перед ним на столе уже лежала большая груда фишек, очевидно, Ринки много выиграл и вскоре должен был закончить игру и проследовать к разменной кассе, возле которой в импровизированном буфете можно было наскоро выпить и закусить.

— Не подходите к столу, Пит,—говорю я,—вас он сразу узнает и поймет, что вы пришли не играть в рулетку. Такие люди не любят давать взаймы, и он, возможно, задержится за столом, что нам явно некстати. Лучше подождите незаметно в сторонке и перехватите его, когда он пойдет от разменной кассы к выходу. Внизу, в холле, и попросите у него, скажем, двадцать пять франков. Я же встану у стола и присмотрю не за игрой, конечно, а за его выходом из игры. А потом в холле я неожиданно подойду к вам, и спектакль сыграем без суплера.

Мы так и делаем. Пит отходит поближе к разменной кассе, я становлюсь у стола позади профессионально орудующего крупье. Но мы не учли одного: Ринки увидел и узнал меня.

Почему советник сенатора от его партии пришел в казино? Ведь имя Жоржа Ано отнюдь не популярно среди его заслугов. Значит, он заглянул сюда случайно, из любопытства. Но успел заметить за рулеточным столом своего партийного функционера. Значит, надо бросить игру и немедленно смыться, объяснив свое пребывание в казино той же случайностью. Так я угадываю возможные умозаключения Ринки и не ошибаюсь. Всем своим видом показывая, что игра для него кончена и что играл-то он, в общем, равнодушно, без интереса и выигрыш его чисто случаен, он бочком-бочком пробирается сквозь толпу к разменной кассе. Я осторожно следю за ним, стараясь не спознать к его встрече с Питом.

Тот успевает все же догнать его, и вот уже они оба стоят в скучной тишине холла, не привлекая внимания ни красно-французских лакеев, ни застегнутого на все пуговицы администратора. Я их не слышу, конечно, но вопрос Селби мне известен, а теперь я вижу и ответ. Ринки разводит руками, виновато улыбается, старательно разыгрывая этюд о проигрыше.

— Ваш выигрыш или проигрыш меня не касается,—назидательно говорю я,—но репутация игрока не подходит для партийного функционера, Освальд Ринки. Мне, возможно, придется сделать соответствующие выводы.

— Прошу извинить меня, советник,—не упражненно, но даже с достоинством произносит Ринки.

Я морщусь, будто раздумывая, потом говорю, указывая на вину:

— Ладно. Подумаю. Выйдем в сад к бассейну. Здесь слишком душно.

Ринки счастлив, заметив мои колебания, и тут же устремляется к открытым дверям. Я догоняю его, и несколько минут мы втроем молча и не спеша идем по узкой тропе вдоль бассейна к воротам.

Внезапно я останавливаюсь и говорю:

— А ведь мы с вами давно знакомы, Освальд Ринки. Даже как-то сидели рядом.

Ринки удивлен или играет недоумение.

— Не имел такой чести, советник.

— Имел. Вспомните лесную хижину близ Будвилля. Вы были тогда среди «пистолетников» Пасквы.

Актерски сыгранное удивление Ринки сменяется уже совсем не театральным испугом. Он пятится от меня, не сообразив, что стоит в нескольких сантиметрах от края бассейна.

— Стой!—кричит Пит.

Но Ринки уже потерял равновесие и ушел под воду, окатив нас фонтаном брызг. Секунду спустя он вынырнул и застучал по воде руками.

— Помогите! Тону!

Пит, подхватив его, слегка поднимает над водой.

— Подержите его так, Селби,—говорю я.—Не спешите.

— Но я же не умею плавать,—хнычет Ринки.

— Это тебе и не понадобится. Сразу пойдешь ко дну, если не скажешь, кому ты продал украденное письмо сенатора. Только говори скорее, а то Пит устанет тебя держать. Итак—кому?

— Паскве. За пятьсот франков. Вытащите меня скорее.

— Интересно, за что вам платят Мердок? Профессиональный «пистолетник», а попадается на мелкой краже, да еще сбывает украденное своему же сообщнику. А плавать надо учиться с детства,—поучительно говорю я и помогаю Селби вытащить из воды промокшего Ринки.

— Я, пожалуй, пощажу вас, Ринки,—замечаю я, протирая носовым платком намокшие полы и рукава сюртука.—Ни Жанвье, ни Мердоку я ничего не скажу. Вытынчики можете оставить себе, двадцать пять франков дайте взаймы Питу, если он в них нуждается, а пятьсот франков, полученных вами от Пасквы, внесите в фонд избирательной кампании сенатора Стила. Вы же, Селби, доставите сейчас эту мокрую курицу домой, а то он еще простудится. Не беспокойтесь, жаловаться он не будет.

Глава XI УБИЙСТВО

Через полчаса я нахожу в «Аполло» Мартина. «Аполло»—это действительно третьярдный кабак с длинной, оббитой жестью стойкой бара и десятком деревянных, ничем не покрытых столов в закопченном и пыльном зале.

— Были в «Гэмблинг-хаузе»? Ринки нашли?—обрушивается на меня Мартин.

Я рассказываю, не скрывая своего удивления, зачем понадобилась эта авантюра Мердоку или Паскве.

— Паскве—личность немыслимая и несамостоятельная,—задумывается Мартин.—Видишь хвост Пасквы—ищи клык Мердока.

— Но зачем Мердоку платить пятьсот франков за документ, который он мог получить даром?

— Агентам тоже надо платить.

— Но почему между Мердоком и Ринки вдруг возникает Пасква?

— А роль прикрытия? Ринки прикрывают как лжепопулиста. Все очень просто, Юри, подумай сам. Ринки находит в столе у Пита рекомендацию, подписанную сенатором. Сообщает о «находке» по начальству. Получает распоряжение выкрастить документ и передать его Паскве. Кто-то уже придумал, как использовать его в какой-то пока еще не ясной для нас провокации. А Паскве лишь одно из звеньев цепочки.

Мартин рассуждает разумно. Но я помню это украденное письмо чистым бланком, который был нужен Мердоку, не успевшему выкрастить его до того, как он превратился в рекомендацию Питера Селби. Какую роль и в какой игре она должна будет сыграть?

— Паскве и Рене здесь нет,—говорит Мартин.—Зато я вижу Бидо.

— Кто это Бидо?

— Я тебе рассказываю. Второй гангстерский ферзь. Покупает голоса для «дженльменов».

Я всматриваюсь, и с трудом разглядываю толстяка с отвисшими розовыми щеками в пиджаке из зеленого бильярдного сукна. С какими-то столь же ярко раскрашенными типами он энергично играет в покер.

— Это тот, из которого собираются сделать пудинг?

— Тот самый,—подтверждает Мартин.

— Мне его не жалко. Меня тревожит исчезновение Луи.

— Штучки Мердока.

— А может быть, инициатива Пасквы?

— Кто ты для Пасквы? Не миллионер, не игрок и не сыщик.

В общем, человек неопасный.

— Я видел, где и куда сружались слитки.

— никто не заметил, да многие и не знали, что в ящиках серебро.

В дыму и гомоне никто и не замечает, как от входа к центру зала проходят двое с полицейскими автоматами. Идущий впереди—почти двухметрового роста, в застиранной клетчатой рубахе, с черным платком, закрывающим лицо до глаз. Второй—с открытым лицом, лишь старенькая студенческая каскетка нахлобучена на лоб.

— Луи Рене,—тихо говорит Мартин.—Тот, кто сяди.

Высокий с завязанным лицом подымает автомат, прижимая его к бедру, и кричит на весь зал:

— Получай. Бидо!

И продолжает реплику автоматной очередью. Но одним мгновением раньше, чем кто-либо мог это понять или предвидеть, происходит нечто совсем неожиданное. Шедший сзади Луи Рене, держа автомат за дуло, бьет прикладом по рукам стрелявшего, и очередь прошла под столом по ногам сидевших за картами. Стрелявший повернулся и ударом тяжелого башмака свалил молодого человека на пол, и тут же полоснул по столику второй очередь. Третья ударила в грудь пытавшемуся подняться Луи.

Все это происходит буквально за две-три секунды. Стрелявший обводит автоматом по залу и говорит:

— Сидеть смирно. Мои люди у входа. Все здесь на мушке.

Кто движется—сражут.

Затем так же быстро, не снимая платка с лица, он нагибается и шарит в карманах Луи. Или кладет что-то, или берет, не вижу.

Никто не двигается. Мартин замечает вполголоса:

— Я узнал его.

— Кто?

— Наш друг Пасква. Под платком у него борода. Не ошибешься.

Стрелявший тем временем скрывается за дверью. Все сидят, как приклеенные к стульям. Только я тут же бросаюсь к Луи, лежащему на полу в трех шагах от меня. Это действительно Рене. Грудь его пробита тремя или четырьмя пулями. Крови немногие, но смерть очевидна. Я лишь успеваю засунуть руку в карман, заинтересовавший убийцу, и изъять из него сложенный вчетверо лист бумаги.

— Убит?—спрашивает меня подбежавший юный офицант, пытаясь поднять Луи.

— Не трагик. Мертв. Зови полицию, да поскорее.

Юноша, торопливо вытирая запачканые кровью руки о фартук, срывается с места. Столик с убитыми окружает засевшая кабака. Слышатся голоса.

— Это Бидо со своей твойкой.

— «Джентльменские» сбродчики голосов.

— Говорят, так. А кто им платит? Рондельцы или церковники?

Я стою над телом Луи, чувствуя боль в сердце. Словно кто-то проткнул его длинной булавкой. Стенокардия? Нет, смесь горечи, жалости и душевной муки: ведь это мы послали парня на верную смерть.

Мне очень хочется достать листок, спрятанный у меня под бортом сюртука, но я понимаю, что сейчас этого делать нельзя. Уже входит в зал за мальчишкой-офицером рослый полицмэн с нашивкой сержанта на темно-зеленом мундире в сопровождении двух рядовых полицейских.

— Все видели убийство?—спрашивает сержант у собравшихся вокруг столика.

— Я со времени начала стрельбы ничего не видел,—нехотя говорит один.

— Дымно здесь,—говорит другой.—Я поодаль сидел.

— А этого кто убил?—Палец сержанта обращен к телу Луи.

— Он же убил,—заявляет мальчишка-офицант.

— Кто подтвердит слова свидетеля?—спрашивает сержант.

Все молчат, мутятся: неохота же тащиться в участок.

Я показываю сержанту свою служебную карточку:

— Полностью подтверждаю слова свидетеля. Все именно так было.

— И я,—добавляет Мартин.

Сержант козыряет и записывает наши имена и должности. А Мартину говорит, увереный в своем полицейском весе:

— Ни строчки в газету без разрешения инспектора.

Вероятно, он заботится о репутации заведения. Может быть, даже состоит на жалование у его хозяев. Мне это, в общем, безразлично, но полицейскую самоуверенность его я быстро сбиваю.

— Передайте инспектору, сержант, чтобы о случившемся было немедленно доложено главному комиссару Бойлю. Я буду у него и повторю свои показания.

— А я все-таки узнал его,—цедит сквозь зубы Мартин.

— Значит, он?

— Кто же еще? Пасква, конечно.

Я вспоминаю о листке, который выпал из кармана убитого.

— Я тебе кое-что покажу, когда вернемся в отель,—говорю я, оставляя сдачу офицанту.

— Спасибо, месье Ано,—говорит он.

— Откуда ты меня знаешь?

— А я служил в отеле «Омон».

Он нагибается ко мне, словно хочет что-то прибавить.

— Ты еще не все сказал мне, приятель?—спрашиваю я.

— Да, месье Ано,—шепчет он.—Я видел, как убийца положил что-то в карман этому парню и как вы потом что-то оттуда вынули. Должен ли я, об этом молчать или нет?

— Пока молчи,—говорю я.—Может быть, это и хорошо; что ты все видел. Вдруг мне понадобится свидетель?

— Что он сказал тебе?—спрашивает Мартин.

— Узнаешь в отеле. Я сам пока еще не все понял.

Глава XII МЫ НАЧИНАЕМ ПОИСК

Мы снова в отеле. Мартину очень хочется, чтобы разговор начал я, а не он. Ведь это я обещал рассказать недосказанное в «Аполло». А я сам еще не прочел, хотя и догадывался, что было написано в спрятанном мною листке. Я вынимаю его—сложенный вчетверо, сильно помятый, но такой знакомый листок, вернее, лист гербовой бумаги, развертываю его и, не прочтя, вскирываю:

— Так я и думал!

У меня в руках написанное мною за подписью Стила и с печатью сенатора письмо директора избирательных популстских компаний, рекомендующее историку Питера Селби для работы в партийном архиве. Все сразу становится ясно: и зачем было украдено это письмо и для чего оно попало в руки убийцы.

— Почему оно у тебя?—спрашивает Мартин.

— Потому, что я взял его в кармане Луи Рене. Помнишь, Пасква нагнулся к нему, уже мертвому, и сунул это письмо в карман его куртки.

— Ничего не понимаю. Смысла не понимаю,—стонет Мартин.

— Попробуем понять,—размышляю я вслух.—Пит отдал рекомендацию Жанвье. Тот прочитал и вернулся. Письмо купили и подбросили убитому.

Мартин все еще не понимает.

— Зачем? Луи Рене не Пит Селби.

— А планы Мердока не учитываешь?

— При чем здесь Мердок? — горячится Мартин. — Ему был нужен чистый лист с подписью Стила, а не рекомендация какому-то Питеру Селби.

— Тогда она была ему не нужна.

— А теперь понадобилась?

— Тогда он еще не был кандидатом в сенаторы. А сейчас, Дон, он уже ищет любые средства борьбы с популистами, потому что у них большинство. Тут все годится: и шантаж и убийства. О шантаже ты знаешь. А убийство мы только что видели. Документ подпись Стила, который могли найти полицейские в кармане Луи Рене, крупно бы скомпрометировал популистов.

— Все-таки не понимаю, почему?

— Может быть, кого-то специально послали, а может быть, кто-то дежурит в ближайшем полицейском участке. Как расписал бы он вину популистов с «дженртльменами»? «Убийство в «Аполло»! Как добываются голоса на предстоящих выборах? Популистский агент пишет историю партии, а другой агент с его рекомендацией расстреливает своих противников. А подписывается под сей операцией не кто иной, как честнейший, почтенный иуважаемый всеми сенатор Стил.

— Помнишь, я тебе рассказывал, — вспоминая, говорит он, — что из Бида собираются сделать пудинг? Я ведь думал, что речь идет о гангстерских междуусобицах.

— Не ври, Дон. Не думал ты об этом. Прекрасно знал, что здесь не Сицилия и не Манхэттен. И на земной аршин ничего мерить нельзя. И не Паскву замыслил всю эту акцию — он вообще не умеет мыслить. Задумал ее изворотливый и хитрый политикумствующий ум. Вот так.

Мартин, уже привыкший к тому, что в сложных положениях именно я принимаю решения, молчит. И, не дожидаясь вопроса, я говорю:

— Возвращаясь в редакцию и разузнай, что дают они в утренний номер. Доказательств у них нет. Значит, все, что они напишут о причастности популистов к преступлению в «Аполло», — брехня. Впрочем, думаю, на это они не пойдут: повод для обвинения в клевете очевиден. Если тебя вызовет редактор или Мердок — может и такое случиться, — говори правду. Не исключено, что пребывание твоё в «Аполло» уже засекли.

Мы оба молчим, понимая, что преступление в «Аполло» заставляет торопиться. Снимая с вешалки скрутку и меняю шлеанцы на штиблеты.

— Ты куда? — спрашивает Мартин.

— К Бойлю.

— Во-первых, уже поздно.

— Он еще работает. Он долго задерживается.

— А во-вторых, зачем?

— Надо полностью рассчитаться с Пасквой. Думаю, Бойль это сможет.

— На каком основании?

— С предвыборным шантажом подождем. Надо еще собрать все необходимые материалы. Но с убийством все ясно. Есть два достаточно авторитетных свидетеля, узнавших убийцу.

— Не боишься? — спрашивает Мартин.

— Кого?

— Мердока, конечно.

— Пистолеты нам не понадобятся, Дон. Да и посыпать убийца к советнику сенатора он, как будущий коллега Стила, тоже не будет. Ограничимся словесной дуэлью. Ну, а результат ее предсказать трудно. — С этими словами я открываю дверь в коридор — он тих и безлюден — и добавляю:

— Выходите поодиночке.

На улице, пропустив Мартина вперед, в дождливую, промозглую ночь, нанимаю ползущий мимо фиакр с полуносным кучером, который сразу просыпается от моего окрика и чуть не роняет бич, похожий на цирковой шамбальер. Полицейское управление находится в двадцати минутах езды. Бойль сам встречает меня у дверей своего кабинета: уже поздно, и секретарша давно ушла.

— Признаюсь, что я не удивлен вашим появлением, советник, — улыбаясь, говорит Бойль. — Мне уже доложили о происшедшем в «Аполло».

— Я просил это сделать немедленно.

— Убийство произошло на ваших глазах?

— Да. И я был не один, а с моим коллегой, мистером Мартином.

— Знаю. Но зачем же вы поторопились информировать об этом меня? Достаточно было бы и кантональной полиции.

— Прочтите завтра утренний выпуск «Дженртльмена», и вы поймете. Какой там подымется по этому поводу! Ведь убитый Бида и его партнеры — это «дженртльменская» избирательная агентура в самом кантоне.

— Но это не политическое убийство, Ано. «Дженртльмен» нам его не припишет.

— А кому припишет его «Бред энд баттер»? Мартин писать не будет... А вдруг высажется кто-то другой?

— Спасибо вам за подсказку, советник. Что же требуется от меня?

— То, что потребуют от вас «Дженртльмен» и другие газеты. Остановить бандитизм и задержать убийцу.

— Если бы мы его знали!

— Мы знаем. Я и мистер Мартин. Мы узнали его, несмотря на платочную маскировку. Это Чек Пасква. Личность, известная полиции всех кантонов.

Бойль задумывается. Он все понял, но почему-то молчит. Я жду.

— Чек Пасква? — полууверенно повторяет он. — Личность действительно хорошо нам известная. А откуда вы его знаете?

Я рассказываю о наших встречах и о шантажном бизнесе Пасквы. Бойль еще пуще заинтересован. Еще бы! К уголовщице примешивается политика.

— Паскву мы, конечно, задержим, — говорит он. — Пока только по делу «Аполло». Об остальном подумаем. Тут сложнее.

— Мердок? — задаю вопрос в упор.

Вместо ответа Бойль спрашивает:

— А мистер Мартин знает жертву шантажа?

— Есть признание землевладельца — мистер Мартин называет вам ее имя и адрес — в том, что некий проезжий субъект требовал от нее и всех ее работников голосовать за реставраторов, угрожая в противном случае спасти урожай. Предъявите ей фотокарточку Пасквы, и она его узнает.

— Кислое дело, — вздыхает Бойль. — С хорошим адвокатом он сумеет выкрутиться.

Мы понимаем друг друга. Король может защитить пешку, но, даже выиграв пешку, мы еще не окажемся в той позиции, чтобы сказать ему: «Шах!» Мердок может и отдать эту пешку, если она ему уже не нужна. Но политический шантаж реставраторов так и останется нераскрытым.

Глава XIII СЕРЕБРЯНЫЙ ВАРИАНТ

Автомобиль Бойля довозит меня до отеля.

Странно встречает меня портье. Услышав или подсматривая, что я приехал на автомобиле, он сгибается чуть ли не вдвое, но при этом, даже подавая ключ от номера, старается не смотреть мне в глаза. Значит, в комнате кто-то был или кто-то ждет. Мартин?

Оказывается, не Мартин.

У камина, развалившись в кресле и вытянувшись к огню очень длинные ноги в узких клетчатых брюках со штропками, сидит Мердок. Сидит он в одном жилете, скортук болтается на спинке кресла, узкое холеное лицо повернуто ко мне, а на губах дрожит знакомая хитренькая улыбка.

— Удивлены? — насмешливо спрашивает он.

— Как вы попали сюда? — глупо откликаюсь я.

— У хозяина гостиницы всегда имеются запасные ключи, — смеется Мердок. — Но есть и другие способы.

Теперь моя очередь пойти с козырём.

— Не вышло, Мердок?

— Увы. Меня снова переиграли. Я сразу догадался об этом, когда узнал, что вы первым нагнулись к убитому. А с какой целью?

— А почему я должен отвечать на ваши вопросы?

— Хоть бы из любезности к гостю.

— Кстати, незваному. Ну, допустим такую любезность. Меня заинтересовало то, что ему подложили в карман.

— И никто не заметил ваших манипуляций?

— Никто не видел, даже Мартин.

— Но вы ему рассказали?

— Зачем? — Я сыграл неподдельное удивление.

— Может быть, и действительно незачем. Просто так вы ничего не делаете. Но Мартин меня не беспокоит, даже если вы и сболтнули. Его переведут на светскую хронику и увеличат вдвое оклад. Меня интересуете вы. Точнее, ваши действия. Знает ли об украденном вами документе Бойль?

Оказывается, есть у меня еще один козырь.

— Бойль я сказал другое, — умышленно подчеркиваю я. — А о подложенному убийцей документе — кстати, украл его не я и вам это тоже отлично известно, — так вот об этом документе я пока еще никому не сказал.

— Логично. А что вы сказали Бойлю?

— Назвал убийцу.

— Вы узнали его?

— А вы думаете, что черный платок, кое-как подвязанный под глазами, скроет веризлу по имени Пасква?

— Значит, Паскву возьмут, — задумывается Мердок.

— Боюсь, что вы ему уже не поможете.

— А я и не собираюсь, — равнодушно замечает мой ночной гость. — Паскву я вам отдам. Он действовал на свой риск и страх без какой-либо связи со мной.

— Ну, связь-то была, — говорю я. — Может, просто не было согласованности.

— Какой?

— Ну, скажем, убийство, может быть, и не замышлялось.

— Вы даже знаете имя убитого?

— Знаю, Мердок. И предполагал, что ему подложат что-то вроде того документа.

Мердок уже хохочет, искренне и непринужденно.

— Не глядите судей, мой милый юноша. Вы даже Паскву не будете судить — надо еще, чтобы суды поверили. Кто видел, как подложили этот документик, кто видел, как его вынули? Бойль, как я и думал, вы ничего не сказали, потому что сами не очень уверены в том, что предполагаете. Ведь я с вами играю, Ано. Неужели вы думаете, что я здесь потому, что напуган и хочу вас уничтожить или купить? Ведь я и о Мартине шутил: пусть болтает — не страшно. А уничтожить вас, да еще здесь, в отеле? Разве я стал бы делать это сам? Фи! Как грязно и некрасиво!

— Значит, я вам все-таки мешаю, Мердок?

— Конечно, мешаете. Со Стилом у нас с вами не вышло. Со своей дурацкой речью он выступил. Надеюсь, писали ее не вы? Но она ничего, как вы знаете, не изменила. В «Аполло» вы зря сунулись — ни к чему. Паскву — лицо для меня полезное. Но я широкой души человек. Вы мне по-прежнему нравитесь. Ведь Стил собирается подать в отставку сразу же после выборов. А куда вы пойдете? К Уэнделлу? Он вас, конечно, возьмет, только скучно с ним будет. Наращивать промышленные мощности и бороться с аграриев в недрах собственной партии? Уэнделл борется не за власть, а за капиталовложения — скучная борьба, не для вас.

Я молчу, стараюсь даже глазами не выдать, о чем думаю. Для чего, в сущности, пришел Мердок? Пришел ночью, тайно, воспользовавшись любезно предложенным агентами запас-

ным ключом к моему номеру. Наказать меня за то, что я проник в его тайные авантюры? Но если так, то делать это нужно по-гангстерски, в духе Пасквы.

И тут Мердок прав: для этого существуют другие руки и другие способы. А тогда с какой целью? Снова меня купить — зачем? Для чего все эти полупризнания и полуоткровенности? Что, если Мердока интересует не исчезновение «документика из «Аполло», а сам факт его появления на свет? Для чего я взял чистый гербовый бланк у сенатора Стила и написал рекомендацию Питеру Селби?

Я оказался прав.

— Что же вы молчите, Ано? — спрашивает Мердок. — С какой целью вы отправили в штаб Жанье некоего Питера Селби?

— А почему бы мне не доставить удовольствие сенатору созданием истории партии, основанной еще его покойным отцом?

— А для чего тогда подбирались документы, эту партию компрометирующие? Даже сам Жанье заметил.

— Фантазируете, Мердок. Зачем?

— Затем, что опять же не политик вы, а игрок. И как таковой мне подходят. И собранная вами информация — тоже. Продолжайте ее собирать и дальше. Наставлять на вашем ходу от Стила сейчас я не собираюсь. Продолжайте вашу полезную деятельность до отставки сенатора.

— Из-за этого вы пришли ночью сюда?

— Во-первых, я узнал много полезного. Во-вторых, где бы мы с вами встретились? Вызвать вас к себе — вы могли бы и не прийти. Пообедать в сенаторском клубе? Вы могли бы и отказаться: советнику сенатора Стила интимничать со мной не положено.

— В клубе я встречаюсь со многими.

— Знаю. Но Уэнделл — ваш глава, Бойль — начальник полиции, а Донован не играет серьезной политической роли. Вас он просто интересует как личность. Нечто любопытное в нашем политическом обезьяннике. Фанатик, мечтающий о преустройстве мира. Организатор движения, которого фактически нет. Ни ремесленники, ни изодолщики за них не пойдут. Может быть, в будущем такие, как Донован, станут опасны. А сейчас это куча мечтателей, несколько кресел в сенате. Позавтракать с Донованом занятно, работать же с ним вы не будете. Кто же остается? Церковники? Но вы нерелигиозны, я даже не уверен, что вы ходите в какую-нибудь церковь или на молитвенное собрание. «Дженртльмены»? Но у вас нет ни состояния, ни положения, и в этом лагере к вам всегда будут относиться несколько свысока. Советник Стила. Куда же ему идти после отставки сенатора? Об Уэнделле мы уже говорили — советником он вас возьмет. Но вам будет скучно, Ано. Вот вам и предложение. На будущее, Ано, на будущее.

— Подумать можно. — Скориться с Мердоком еще не время. — А Паскву не жаль? — насмешливо спрашиваю я.

— Вы еще возьмите Паскву. И судите. А я далеко не уверен в исходе процесса.

Как только уходит Мердок, слышатся шаги, потом тихий скрип двери, и входит Мартин. Он в домашнем халате, подвязанном шнурком с кисточками: видимо, собирался уже ко сну и что-то ему помешало.

— Все известно, — говорит он, входя. — От тебя только что вышел Мердок. И долго он просидел?

— Час, наверно. Я его застал, когда вернулся от Бойля.

— Я почему-то боялся, что он появится. Значит, дуэль уже состоялась?

Я рассказал.

— Мена удивляет одно. Почему так легко он отдал нам Паскву?

— Во-первых, Паскву еще не поймали. И не судят. Об этом Мердок, между прочим, напомнил. А во-вторых, он не боится нашего опознания. Нам придется выдержать напор таких адвокатов — дай бог не сломиться.

— Неужели мы проторчим здесь до суда?

Я понимаю Мартина: надежда на возвращение домой становится все более отдаленной и призрачной. Но что же делать? В прошлый раз мы тоже не знали, когда нас вернут. Сейчас мы хотя бы можем утешаться спиральным временем. Пока здесь тянутся месяцы, на Земле проходят часы. Пожалуй, это единственное, что поддерживает нас в здешнем политическом обезьяннике, как метко высказался Мердок.

— А его предложение? — интересуется Мартин. — Ведь Стил действительно может подать в отставку.

— Мердоку я сказал: подумаем. Надо еще рассчитаться с Пасквой. Есть у меня одна идея.

Мартин не спрашивает, какая. Просто ждет.

— Серебряный вариант, — говорю я. Тугодум этот Мартин: приходится все разжевывать до конца. — Кто-то должен подбросить Бойлю мыслишки о том, где находится серебро. Тайно вывезенное с «Гека Финна» и до сих пор, как известно, не найденное. Две тонны серебра — это, мой милый, не кот наплакал.

— А если они уже истрачены или перевезены в другое место?

— На бирже до сих пор не зарегистрированы крупные сделки на покупку или продажу серебра в слитках. А лучшего места для хранения их, чем лесная хижина, нет.

— Ты сказал: «кто-то должен подбросить» Бойлю адрес хранилища. Кого ты имел в виду? — спрашивает Мартин.

— Тебя. Анонимно, конечно. Можно по телефону опаснее: здесь автоматов нет. Письмо лучше составить из печатных букв, вырезанных из газет. Но важно, в сущности, не как, а когда.

— Сегодня, завтра, через неделю?

— Только после того, как задержат Паскву.

Продолжение следует.

Рисунок Андрея ДМИТРИЕВА

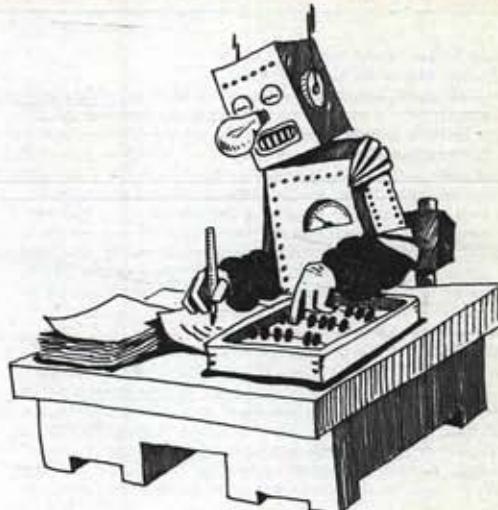

Рисунок Николая КРУТИКОВА

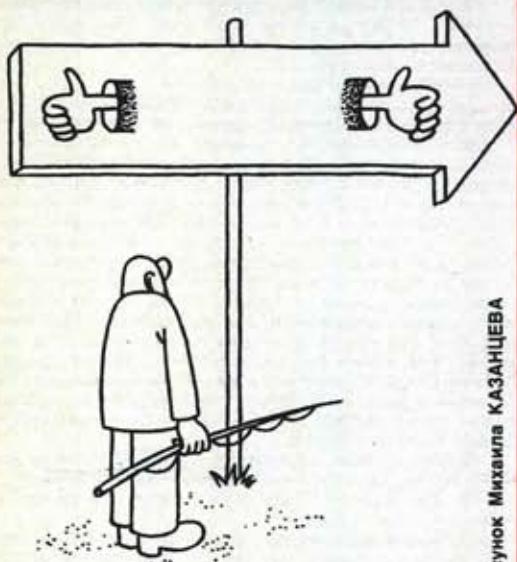

Рисунок Михаила КАЗАНЦЕВА

Рисунок Петра ВОСКРЕСЕНСКОГО

Рисунок Анатолия ОРЕХОВА

ШАХМАТЬ ШАХМАТЬ

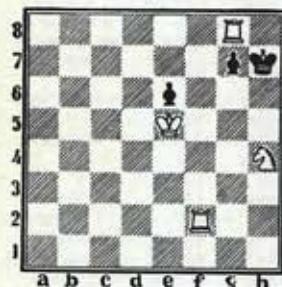
Под редакцией заслуженного тренера РСФСР
Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

ШАХМАТЬ ШАХМАТЬ

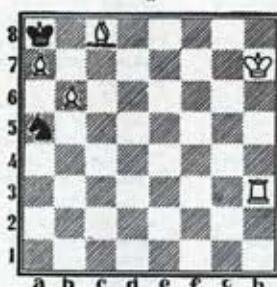
КОНКУРС МИНИАТЮР

(Продолжение. Начало см. в №№ 18, 19 и 20).

ЧЕТВЕРТЫЙ ТУР

Мат в три хода.

Мат в четыре хода.

Письма с ответами на задачи этого тура нужно отправлять в адрес редакции в период с 11 по 20 января 1979 года. Решение каждой композиции приводится в

шахматной нотации на отдельной почтовой карточке. Не забывайте, пожалуйста, в обусловленном месте проставлять свой конкурсный регистрационный номер.

ИЗ ТВОРЧЕСТВА СИБИРЯКОВ

Повсеместно в больших городах и малых селениях Западной Сибири шахматы пользуются исключи-

тельной популярностью. И нефтяники Тюмени, и ученые Академгородка под Новосибирском, и ву-

зовская молодежь Томска, и шахтеры Новокузнецка многие часы своего досуга посвящают любимой игре. Не случайно с таким успехом прошли поездки по Западной Сибири чемпиона мира Анатолия Карпова, экс-чемпиона мира ветерана Михаила Ботвинника, уроженца Кургана, ныне москвича гроссмейстера Юрия Балашова, других видных советских шахматистов.

Массовость, естественно, рождает мастерство. И сейчас немало западносибирских шахматистов пользуются заслуженной славой, успешно выступают во всесоюзных и международных турнирах. Сильнейшим по праву называют в последнее время гроссмейстера из Омска Виталия Цешковского. Последней весной он отличился на зональном турнире личного первенства мира. А год назад успешно играл в основном составе сборной команды СССР, завоевавшей тогда звание чемпиона Европы.

Думается, читателям «Смены» понравится концовка поединка между Цешковским и мастером Урзике, проведенного в матче СССР—Румыния на чемпионате континента.

Перед вами четырехладейный эндшпиль, создавшийся после 37-го хода белых. Поучительно проследить за элегантной техникой, какую демонстрирует омич (у него

были черные фигуры), реализуя минимальный перевес в лишнюю пешку.

37. ...a3—a2!

Выясняется, что вариант 38. Lc3 Le2 39. c6 Lb2 40. c7 Lb1+ 41. Kpf2 L:a1 42. c8F+ L:c8 43. L:c8+ Kpd7 44. La8 f5 не сулит белым спасения, ибо им не справиться с двумя проходными (и к тому же лишиными!) пешками противника на разных флангах.

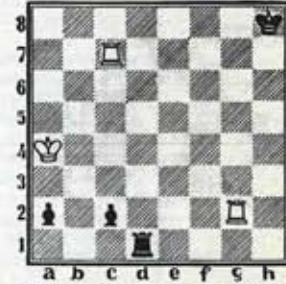
38. Lf3—f2 Le7—e1+! 39. La1:e1 a2—a1F 40. Le1:a1 La8:a1+ 41. Lf2—f1 La1:f1+ 42. Kpd1:f1.

В результате на «поле боя» возникло пешечное окончание, где преимущество черных неоспоримо.

42. ... Kpf8—e7 43. Kpf1—e2 Kpe7—e6 44. Kpe2—e3 Kpe6—d5 45. c5—c6 Kpd5: c6 46. Kpe3—e4 Kpc6—d6 47. Kpe4—f4 f7—f6 48. Kpf4—e4 Kpd6—e6 49. h2—h3

Креb—d6 50. Kre4—d4 f6—f5!, и белые сдались.

Интересные задачи и этюды составляет Александр Максимовский, мастер по шахматной композиции из села Загайнова Курганской области. Вот какой оригинальный по замыслу этюд был удостоен первого приза на конкурсе местной газеты «Молодой ленинец».

Ничья достигается белыми се-рией необычных маневров обеих ладей: 1. Lc7—c8+! Kph8—h7 2. Lc8—c7+ Kph7—h6 3. Lc7—c6+ Kph6—h5 4. Lc6—c5+ Kph6—h4 5. Lc5—c4+ Kph4—h3 6. Lc4—c3+! Ld1—d3 7. Lg2—h2+! Kph3—g3 8. Lh2—g2+ Kph3—f3 9. Lg2—f2+ Kpf3—e3 10. Lf2—e2+ Kpe3—d4 11. Lc3—c4+! Kpd4—d5 12. Lc4—c5+ Kpd5—d6 13. Lc5—c6+ Kpd6—d7 14. Lc6—c7+ Kpd7—d8 15. Lc7—c8+ и т. д.

Подвижно, решительно.

МНЕ ДОВЕРЕНА ПЕСНЯ

В самых первых боях за Советскую власть
Комсомольская песня в огне родилась.
Сквозь перроны, причалы, сквозь все времена
Протянула мне верную руку она.

Припев:
Эта песня, дружище, твоя и моя,
Нам ее прошумели родные края.
Никого не боясь, ничего не тая,
Разливается песня твоя и моя.

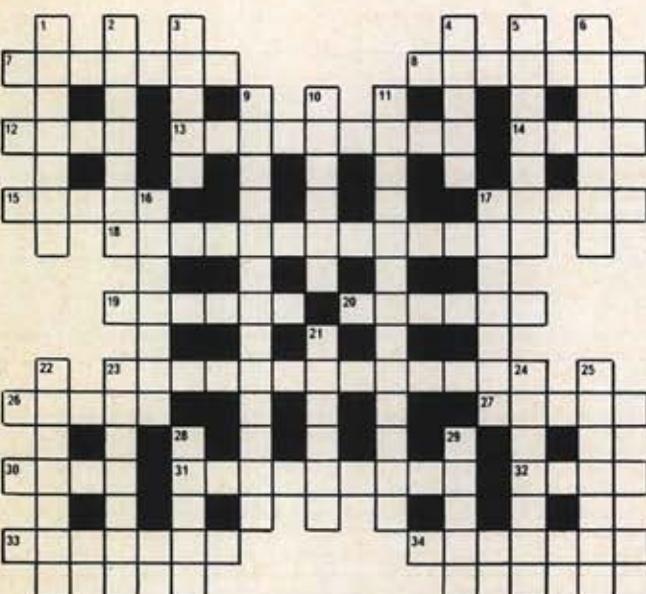
Я хочу, чтобы с песней был каждый знаком
В дальнем поле, в горах и в цеху заводском.
Как металл кузнецу, как солдату ружье,
Мне доверена песня — оружье мое.

Припев.

Стихи Льва ОШАНИНА.
Музыка Георгия МОВСЕСЯНА.

КРОССВОРД

Составил В. ЩУРОВ,
Москва

По горизонтали:

7. Стихотворение В. Маяковского.
8. Академик, конструктор ракетно-космических систем, дважды Герой Социалистического Труда.
12. Общее название былин, героических поэм, сказаний.
13. Металлическое изделие, прокат.
14. Видоизмененный кислород.
15. Обезьяна, обитающая в лесах Южной Азии.
17. Сочный консервированный корм.
18. Залежь полезных ископаемых.
19. Режиссер и актер МХАТа, народный артист СССР.
20. Фотография, карточка.
23. Астрономическое устройство для исследования излучений звезд.
26. Персонаж оперы А. Г. Рубинштейна «Демон».
27. Единица магнитного потока.
30. Столица союзной советской республики.
31. Устройство, применяемое в радиотехнике, автоматике.
32. Птица с пестрым оперением.
33. Поэт, Герой Советского Союза.
34. Сельскохозяйственная уборочная машина.

По вертикали:

1. Действующее лицо пьесы А. П. Чехова «Чайка».
2. Сумчатое животное, обитающее в лесах Америки.
3. Птица семейства ястребиных.
4. Промысловая рыба семейства кефалей.
5. Тождество формы при различии величины в математике.
6. Русский первопечатник.
9. Кормовое травянистое растение, медонос.
10. Река, владеющая в Ладожском озере.
11. Пианист, композитор, народный артист СССР.
16. Государство в Западной Африке.
17. Писатель, Герой Социалистического Труда.
21. Республика в составе Югославии.
22. Река в Танзании.
23. Опера А. С. Аренского.
24. Травянистое декоративное растение, цветок.
25. Рассказ М. Горького.
28. Древнерусский многострунный инструмент.
29. Рассказ из «Записок охотника» И. С. Тургенева.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАНЫЙ
В № 20

По горизонтали:

2. Панкратов.
7. Ликбез.
9. Целина.
10. Сопротивление.
11. «Призыв».
12. «Арсен».
13. Шкунев.
16. Досуг.
18. Тимирязев.
19. Ибсен.
20. Агрегат.
22. Гвардия.
23. Подшипник.
24. Драцена.
25. «Красота».
29. Жираф.
30. Подборщик.
31. Раунд.
34. Ксанон.
35. Птаха.
37. Гранит.
38. Стогометатель.
39. Окорок.
40. Янтарь.
41. Субботник.

По вертикали:

1. Скутерист.
3. Нотора.
4. Режиссур.
5. Таллин.
6. Жигулевск.
8. Злыдь.
9. Цвирика.
14. Биогеоценоз.
15. Механизация.
17. Гигрограф.
19. Инициатор.
21. Тошна.
22. Гопак.
26. Краснодон.
27. Романенко.
28. Кучинская.
32. «Восток».
33. «Крылья».
35. Прораб.
36. Абакан.

ПАРУСА НАД СТЕПЬЮ

Начало на 24-й стр.

щит-ширму, а подлинное произведение монументального искусства, способное противостоять времени.

Для внутренних помещений используется такой способ: алюминиевая или медная проволока приклеивается к древесно-стружечной плите, заливается нитроэмалью и покрывается лаком. Для наружных стен контур изображения будет изготавливаться из стального «уголка» и «пристреливаться» к поверхности гвоздями-пулями из специального пистолета. В образовавшихся ячейках крепятся шиферные листы, уже покрытые нитроэмалью и лаком. Здесь модулем художник избрал стандартный лист шифера. Поверхность модулей получается гладкой, как стекло. Эмаль очень светостойкая, прочная. Так что неумывакинским картинам на стенах домов не страшны ни стужа, ни жара, ни влага.

Главный художник по оформлению нового города — так именуется официально должность Александра Неумывакина. Трудится он в Атомграде с января 1977 года. Сделал оформление упоминавшегося уже кафе и приступил к созданию панно — эмблемы города на стене дома. А впереди — непечатый край работы...

Успел Александр оставить о себе добрую память и в другом городе — в Сочи, столице нашего курортного юга. Девять лет прожил здесь художник. Занимался оформлением домов отдыха, санаториев, ателье мод. В Сочи прошли две его персональные выставки — в 1972 и в 1976 годах.

Сделано за эти годы немало, однако Александр далеко не сразу нашел свой путь в искусстве. Детство и юность он провел в маленьком селении в устье Терека на Каспии. В те годы его художественные замыслы не могли с достаточной полнотой реализоваться в произведениях, — Александру не хватало техники, не хватало чисто профессионального умения.

Он сдал вступительные экзамены в Московский архитектурный институт, но не прошел по конкурсу. Уехал на Онегу, строил Волго-Балтийский канал. В 1962 году был призван в армию, попал на Черное море. Служил связистом в Севастополе, в тех самых частях, посты которых первыми заметили на исходе июняской ночи в 41-м армады вражеских самолетов...

В армии Александр встретился с человеком, сумевшим разглядеть в нем художника. Он стал много и серьезно работать. Сотрудничал в газете черноморских моряков «Флаг Родины», участвовал в художественных конкурсах. На весенне-художественной выставке 1965 года в Севастополе впервые были показаны четыре его рисунка.

Демобилизовавшись, он остался в Севастополе, стал художником в матросском клубе. В этом клубе и состоялась его первая персональная выставка.

Будучи как-то в Сочи, Александр познакомился с местным архитектором Евгением Сердюковым, и тот увлек молодого художника широкими возможностями оформительского творчества: город, где ТЭЦ Атоммаша.

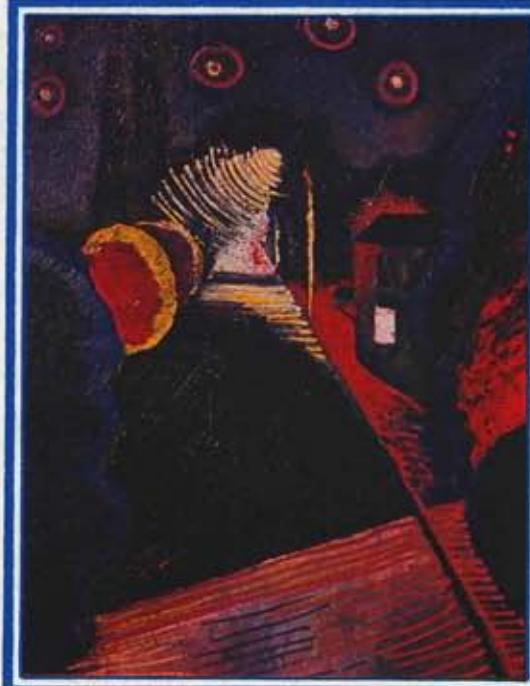
идет постоянное строительство, где раздолье для художника-монументалиста.

Сейчас Александр Неумывакин живет в Волгодонске. Здесь все располагает к творчеству, к полету фантазии. И то, что строится завод будущего — Атоммаш, и то, что строят этот завод-гигант удивительные люди, романтики, пришедшие сюда, когда на месте теперешнего города расстилалась широкая степь.

Художник увлеченно собирает материал о людях стройки. О таких, как, например, Александр Иванович Московцев, который строил Ташкент, Тольятти, Набережные Челны. Теперь он руководит комплексной бригадой управления «Волгодонскэнергожилстрой», возводит жилье для рабочих будущего завода. Когда художник попросил Московцева по-позировать, тот согласился и уделал ему целый день. А потом выяснилось, что этот свободный день у бригадира был первым выходным днем в этом году...

Александр Неумывакин написал портрет и Анатолия Григорьевича Удалкина, ударника Атоммаша, тоже бригадира комплексной бригады, которая 15 января 1975 года установила первую панель первого дома Атомграда. Анатолий Григорьевич всю свою жизнь строил — Целиноград и Москву, Тольятти и Набережные Челны... Имена таких людей, как Московцев и Удалкин, овеяны романтикой первостроительства. Они, как герои известной песни, дарят людям голубые города. И как напоминание об этом — романтический колорит в портретах Неумывакина.

Портреты Александр пишет с особым удовольствием. Этот жанр притягивает его тем, что приходится как бы проникать в глубь судеб, характеров.

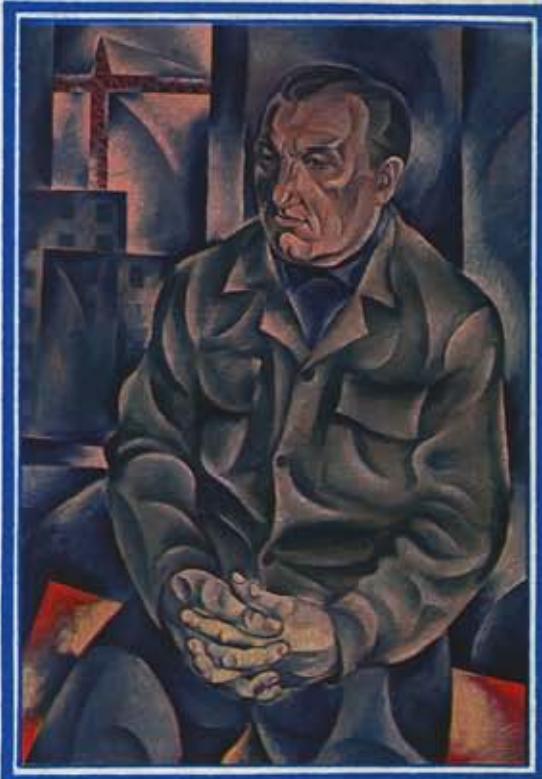
НОЧЬ В ДАГОМЫСЕ.

— То, что мы видим, — говорит он, — это лишь нечто внешнее. Надо проникнуть внутрь, раскрыть сущностное содержание человеческой личности. Поэтому начинаешь работу над портретом всегда с каким-то трепетом, как хирург, кистью-скальпелем осторожно вскрываешь оболочку, ищешь главное...

Познавая окружающий мир, людей, надо и самому твердо стоять на этой земле, иметь ясное творческое кредо. Без этого, убежден Александр, нет художника, как дерева без корней, как дома без фундамента. На формирование художественного мировоззрения Александра Неумывакина решающее влияние оказали и великие мастера древнерусской живописи — Андрей Рублев, Дионисий, Феофан Грек, и выдающиеся художники советской эпохи — А. Дейнека, К. Петров-Водкин, и наши современники — Т. Салахов, И. Обросов, П. Оссовский...

Работа Александра Неумывакина в Атомграде только началась. Кроме «Надежды», художник успел оформить интерьеры аптеки и детского сада. Казалось бы, что оформлять в аптеке? Мы привыкли к тому, что главным украшением аптечного интерьера являются пузырьки и коробочки с лекарствами. А здесь?

— Мне хотелось внести в оформление аптеки философский элемент, напомнить, что фармацевтика — одна из древнейших наук на земле, — говорит художник. — У нас аптеки появились в сред-

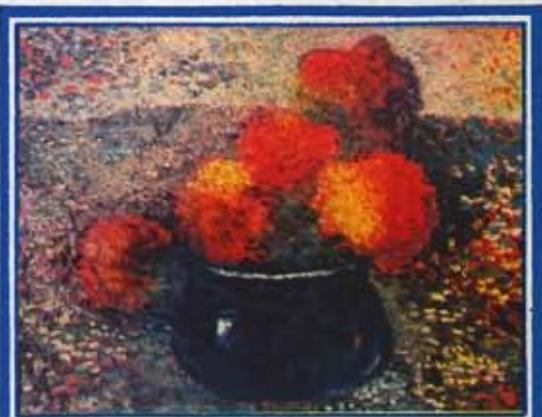
ПОРТРЕТ
НАСТАВНИКА МОЛОДЕЖИ
УДАЛКИНА А. Г.

ние века, а на востоке и того раньше. Я решил использовать два цвета — белый и красный. Белый в восточной философии — это цвет вечности. Красный — цвет крови. Решение интерьера аптеки чисто архитектурное: фриз выполнен из поролоновых подушек, обтянутых красной искусственной кожей, белый потолок, светильники с оригинальными экранами. Вдоль одной из стен идет двенадцатиметровый карниз для штор, а по всему карниzu — текст из Гиппократа, выполненный строгим и четким шрифтом...

В детском саду во всех двенадцати комнатах Александр сделал по большой эмалевой картине на темы русских сказок. По бокам каждой картины на деревянных плашках укрепил алюминиевые тарелки с вытравленными на них детскими рисунками. Впечатления детства остаются с нами на всю жизнь. И уж наверняка у детишек из этого детского сада навсегда останутся в памяти эти причудливые и радостные картины-сказки...

На очереди у художника — оформление торгового центра. Созданы уже первые эскизы, в которых Александр Неумывакин запечатлел образы русской истории.

...По широкой степи, напоенной ароматом трав, скажет табун лошадей. Всклокочены гривы, напряженны до предела мускулы животных, рассыпается

СЕНТЯБРЬ.

в воздухе дробный топот копыт. В багряном зареве восхода кони вдруг становятся красными. И возникают в памяти блоковские и есенинские строки...

Впереди у Александра Неумывакина много забот. И скоро, очень скоро предстанет перед взором людей сияющая эмблема удивительного города Атомграда. Он будет таким, каким открылся когда-то художнику, увидевшему его кораблем под голубыми парусами, плывущим в будущее.